

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА**

Том 25 № 2 (2020)

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Научный журнал
Издается с 1996 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61204 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Коваленко А.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов

Заместитель главного редактора

Волкова И.И., доктор филологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов

Ответственный секретарь

Васильева Н.В., кандидат педагогических наук, Российский университет дружбы народов

Члены редакционной коллегии

Базанова А.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов

Бодор Филипп, профессор факультета гуманитарных наук, Университет Бордо III имени Мишеля де Монтеня (Франция)

Голубков М.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Жаккар Жан-Филипп, профессор кафедры средиземноморских, славянских и восточных языков и литератур, Женевский университет (Швейцария)

Киссель Вольфганг Стефан, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории изучения российского и европейского интеллектуального диалога, профессор восточноевропейской литературы и культуры, Бременский университет (Германия)

Кихней Л.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы, Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова

Мораччи Джованна, профессор факультета современных языков, литературы и культуры, Университет Габриэля Д'Аннунцио в городах Кьети и Пескара (Италия)

Московкина И.И., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, Харьковский государственный университет (Украина)

Олджай Туркан, профессор, заведующая кафедрой русского языка и литературы, Стамбульский университет (Турция)

Флейшман Лазарь, профессор кафедры славянских языков и литературы, Стэнфордский университет (США)

Чао Сун, кандидат филологических наук, директор Центра русского языка и литературы, Хейлундзянский университет (Харбин, КНР)

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), DOAJ, EBSCOhost, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области филологических исследований. Журнал является международным как по составам редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала – осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными литературоведами и журналистами, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем междисциплинарного характера, касающихся литературоведения и журналистики, освещение научной деятельности профессионального научного сообщества. Приоритетными направлениями журнала являются история русской и зарубежной литературы, теория литературы, история и теория журналистики, средства массовой коммуникации и средства массовой информации, реклама, связи с общественностью России и зарубежных стран. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Одна из задач журнала – знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области литературоведческих и журналистиковедческих исследований, рекламы и связей с общественностью, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Будучи международным по своей направленности, журнал нацелен на обсуждение теоретических и практических вопросов, касающихся литературного процесса, прозы, поэзии, драматургии, литературной критики, жанров журналистики, печати, радио и телевидения, рекламы, связей с общественностью. Основные рубрики журнала: «Литературоведение», «Журналистика».

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т. д.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству литературоведов и специалистов в области средств массовой информации и массовой коммуникации, рекламы и связей с общественностью, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/literary-criticism/index>

Электронный адрес: ak-taurus@mail.ru

Редактор *Ю.А. Заикина*
Компьютерная верстка *Ю.А. Заикиной*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала «Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litjournalrudn@rudn.ru

Подписано в печать 23.06.2020. Выход в свет 30.06.2020. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 16,80. Тираж 500 экз. Заказ № 460. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов»
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

VOLUME 25 NUMBER 2 (2020)

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Founded in 1996

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Kovalenko A.G., Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

Volkova I.I., Doctor of Philology, Professor, Department of Mass Communications, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ASSISTANT TO THE EDITOR-IN-CHIEF

Vasilyeva N.V., PhD of Pedagogy, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

EDITORIAL BOARD

Bazanova A.E., Professor, Department of Theory and History of Journalism, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Buadorre Philippe, Professor, Department of Humanities, Bordeaux Montaigne University (France)

Golubkov M.M., Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Literature History and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University

Jaccard Jean-Philippe, Professor, Department of Mediterranean, Slavic and Oriental Languages and Literatures, University of Geneva (Switzerland)

Kikhney L.G., Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism and Literature, Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboyedov

Kissel Wolfgang Stephan, Professor, Leading Research Fellow of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, University Professor of East European Literatures and Cultures, University of Bremen (Germany)

Moracci Giovanna, Professor, Department of Modern Languages, Literature and Culture, University of Gabriel D'Annunzio of Chieti and Pescara (Italy)

Moskovkina I.I., Professor, Head of Department of Russian Literature, Kharkov State University (Ukraine)

Olcai Türcan, Professor, Department of Slavic Languages and Literatures, Istanbul University (Turkey)

Fleishman Lazar, Professor, Department of Slavonic Languages and Literature, Stanford University (USA)

Chao Sun, Professor, Head of Russian Language and Literature Centre, Heilongjiang University (China)

**RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM
Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)**

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

4 issues per year.

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Indexed by DOAJ, EBSCOhost, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism is a peer-reviewed international academic journal publishing research in literature and journalism. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of literature studies, journalism, public relations and advertising. The editors aim to publish original research devoted to literature and journalism: literary process, prose, poetry, drama, literary criticism, mass communication, press, radio, television, genres of journalism, public relations.

Contributions to the journal should show awareness of current research trends in these areas, and explore their implications. Methodologies for data collection and analysis can be quantitative or qualitative, and must be grounded in practices in this area. General journal sections are "Literary Studies" and "Journalism".

As a Russian periodical with an international character, the journal also welcomes articles that advance research in relevant intercultural themes, and/or explore the implications of intercultural issues in communication generally.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/literary-criticism/index>

E-mail: ak-taurus@mail.ru

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*
Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litjournalrudn@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

История русской литературы

- Андреева Е.А.** Воображаемое путешествие в утопический антимир (на примере «Сказания о роскошном житии и веселии») 207
- Ганин М.В.** «Пение гор» в поэтике «позднего» В. Хлебникова: геогностический код в автокоммуникативной модели 214
- Именных А.И.** У истоков эпопейного труда (к истории первой главы романа В.П. Астафьева «Прокляты и убиты») 226

Современный литературный процесс

- Овчеренко У.В., Монисова И.В.** Русская и русскоязычная проза в ситуации мультикультурности: опыт Казахстана 234
- Фролкина Д.И.** Драматургия Н. Курилова в системе юкагирской литературы 247

КОМПАРАТИВИСТИКА

Русская литература за рубежом (Китай)

- Го Сывэнь.** Роман И. Тургенева «Отцы и дети» в литературоведении Китая 258
- Цзоу Вэньяо.** Пространственно-временная организация рассказа И.А. Бунина «Холодная осень» 268
- Цзин Жуге, Монисова И.В.** Состояние исследований современной русской женской прозы в Китае 277
- Ван Мэнцзяо.** Образ музы в стихотворениях «Муза» А.С. Пушкина, А.А. Ахматовой и М.С. Петровых 287

Зарубежная литература

- Строганова Н.А.** Поэтика цикла «Расстаюсь с другом» Цао Чжи 295
- Безкоровайная Г.Т., Гишкаева Л.Н., Пахсарьян Н.Т.** Семантика праздника в «Рождественской песни в прозе» Ч. Диккенса 305

ЖУРНАЛИСТИКА

История и теория СМИ

- Пынина Т.Ю.** Вечерняя печать Венгрии: особая роль Az Est 315
- Рева Е.К., Кубрин С.Д.** Роль телевидения в реализации государственной национальной политики России: типология, жанры, форматы 324
- Ильичева В.В.** Риторическая модель коммуникации в сочинении древнерусского книжника «Слово некоего калугера о чтении книг» 334

Аксиология журналистики

- Громова Е.Б.** Чудо или Чудовище? Проблема доминирования институциональной коммуникации в региональных телевизионных новостях 341

Новые медиа

- Круглова Л.А., Коновальцева А.О.** Российские телевизионные каналы на платформе YouTube 351
- Tilak G.** Drones and media industry (Дроны и медиаиндустрия) 360

Реклама и связи с общественностью

- Скнарев Д.С., Музыкант Е.В.** Создание образа в рекламных текстах на рынке недвижимости 367

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

- Коршунова Е.А.** Приключения филолога, или Несколько слов о книге Михаила Голубкова «Юрий Поляков: контекст, подтекст, интертекст и другие приключения текста. Ученые (и не очень) записки одного семинара». М.: АСТ, 2020. 256 с. 374
- Славина В.А., Токуяма А.** Перекрестный Год России и Японии в материалах СМИ 379

ХРОНИКА

- Чиненная Т.Ю., Чебаненко В.В.** Публикационная активность как показатель статуса ученого 386

CONTENTS

LITERARY STUDIES

History of Russian literature

- Andreeva E.A.** An imaginary journey to an utopian anti-world (on the example of “The Tale of Luxurious Life and Fun”) 207
- Ganin M.V.** “Singing mountains” in the late Khlebnikov’s poetic manner: geognostic code in the autocommunicative model 214
- Imennykh A.I.** At the origins of epic work (to the history of the first chapter of V.P. Astafiev’s novel “Damned and Killed”) 226

Contemporary literary process

- Ovcherenko U.V., Monisova I.V.** Russian and Russian-speaking prose in the situation of multiculturalism: experience of Kazakhstan 234
- Frolkina D.I.** Dramaturgy of N. Kurilov in the Yukagir literature system 247

COMPARATIVE LITERARY STUDIES

Russian literature abroad (China)

- Guo Siwen.** I. Turgenev’s novel “Fathers and Sons” in Chinese literary studies 258
- Zou Wenyao.** Spatial and temporal organization of the story of I.A. Bunin “Cold Autumn” 268
- Jing Ruge, Monisova I.V.** The state of researches of modern Russian female prose in China 277
- Wang Mengjiao.** The image of muse in the poems “Muse” of A.S. Pushkin, A.A. Akhmatova and M.S. Petrovykh 287

Foreign literature

- Stroganova N.A.** Poetics of the cycle “Parting With a Friend” by Cao Zhi 295
- Bezkorovaynaya G.T., Gishkaeva L.N., Pakhsarian N.T.** Semantics of festivities in “Christmas Carol” by Ch. Dickens 305

JOURNALISM

History and theory of media

- Pynina T.Yu.** Hungary evening press: *Az Est*’s special role 315
- Reva E.K., Kubrin S.D.** The role of television in the implementation of Russian state national policy: typology, genre, formats 324
- Ilyicheva V.V.** Rhetorical model of communication in the composition of ancient Russian book “A Word of a Some Monk about Reading Books” 334

Axiology of journalism

- Gromova E.B.** The Miracle or the Monster? The problem of institutional communication supremacy in the regional TV news 341

New media

- Kruglova L.A., Konovaltseva A.O.** Russian television channels on YouTube platform 351
- Tilak G.** Drones and media industry 360

Advertising and public relations

- Sknarev D.S., Muzykant E.V.** Creating an image in real estate advertising texts 367

REVIEWS

- Korshunova E.A.** Adventures of a philologist, or A few words about the book by Mikhail Golubkov “Yuri Polyakov: context, subtext, intertext and other adventures of the text. Scientific (and not so) notes of one seminar”. Moscow: AST Publ., 2020. 256 p. 374
- Slavina V.A., Tokuama A.** The Cross Year of Russia and Japan in the media 379

CHRONICLE

- Chinennaya T.Yu., Chebanenko V.V.** Publication activity as an indicator of scientific status 386

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-207-213
УДК 821.16.1

Научная статья

Воображаемое путешествие в утопический антимир (на примере «Сказания о роскошном житии и веселии»)

Е.А. Андреева

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук
Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, 25А

Аннотация. «Сказание о роскошном житии и веселии» – поздний памятник древнерусской литературы, содержащий в себе отсылки к европейским источникам (в том числе к польской и древнеримской литературе). Демократическая литература XVII века предлагала читателю познакомиться с иными героями и сюжетами: человек, не отличающийся добродетелями, становится главным героем повествования, в котором речь идет о пребывании в удивительной стране роскоши и веселия и пути в эту страну. С особым тщанием автор рисует возможную и желаемую жизнь бражника и лентяя в утопическом мире, однако предупреждает о цене пребывания в столь удивительном месте. Пародируя известный в Древней Руси жанр хождения, в котором паломник обогащался духовно, писатель рассказывает о новом типе путешествия, обесценивающего и обезличивающего человека, лишаящего возможности развития. Отсутствие прямых назидательных и дидактических отступлений тем не менее не лишает текст глубины: герою предоставляется возможность выбора, и он сам вправе решать, как себя вести и какой путь избрать.

Ключевые слова: демократическая литература, сатира, ирония, гиперболы, путешествие, утопический антимир

Введение

Демократизация литературы XVII века привела к тому, что ее героем стал обычный, ничем не примечательный человек, часто наделенный не добродетелями, а пороками: пьянством, обжорством, сквернословием. Ирония и сатира становятся основными приемами организации текста и способами создания образов. Прежде так желаемый Рай – царство Христово – заменяется сниженным раем обжор и пьяниц, бездельников и весельчаков, наполненным материальными благами, служащими для удовлетворения потребностей. Однако достигнуть его не так-то просто.

Если Рай небесный достигался путем восхождения по «лестнице добродетелей», совершением подвига во имя окружающих и ближних, богоугодными делами, соблюдением заповедей, искренним покаянием, то новый, приземленный рай является образом утопическим, не существующим ни в мире

дольнем, но в мире горнем. В таком антимире «нарочито подчеркивается его нереальность, непредставимость, нелогичность» [1. С. 17].

Обсуждение

«Сказание о роскошном житии и веселии» открывается сказочным зачином: «Не в коем государстве добры и честны дворянин вновь пожалован поместицом малым» [2. С. 221]. Топографическая неточность в сочетании со сказочной формулой сразу же дает возможность говорить о нереальном пространстве, несуществующем локусе. Несоответствие проявляет себя и в образной системе: почему-то добрый и честный дворянин был пожалован «поместицом малым». Очевидно, что его заслуги невелики, раз в награду за свои качества он получает небольшое вознаграждение. Обращает на себя внимание и авторское уточнение «вновь», которое дает понять, что ситуация эта повторяется неоднократно.

Хоть «поместицо» и было названо малым, уже со следующей фразы читатель погружается в мир нескончаемых богатств. Гиперболизация образов становится ведущим приемом при описании достоинств пребывания в указанном месте: здесь «изобилны травы», «всякого плодного масличья – зело много, и толико премного и плодовиито», «в садех и дубровах птиц преисполнено», «кояков и карбусов неисчетныя тьме тысящи», «и иных рыб – много», «преукрашенных столов множество», «усланы постели многия».

Автор выстраивает очень точное, логичное повествование, нацеленное на приближение к заветному образу идеального мира, который не нужно заслуживать конкретными поступками или действиями: достаточно жить в свое удовольствие и предаваться наслаждениям. При этом сначала указываются те блага, которые дарует человеку жизнь в утопическом пространстве, а затем – путь в это место.

Вещь в перевернутом антиутопическом мире значимее человека, неживое преобладает над живым. Алогизм, абсурд, пародия становятся частью рая обжор, пьяниц, лентяев. Пародируя известный с XII века жанр хождений, автор создает свое произведение, которое, в отличие от образцов жанра, изначально целью достижения представляет несуществующее место. В то время как целью паломника, путешественника по святым местам, было поклонение святыням христианского мира, путешественник в «Сказании о роскошном житии и веселии» преследует цель обрести земные наслаждения, воплощенные в вещных, материальных, осязаемых образах, несмотря на их гиперболизацию. Герой хождений, избирая конкретный путь, был точен и конкретен в описании встречающегося на его пути, он стремился рассказать тем, кто, возможно, не сможет оказаться в этих местах, как живут люди, как выглядят святыни, как совершаются богослужения. Топографический или хронологический принцип, положенный в основу композиции жанра хождения, точно соблюдался древнерусским книжником, а паломничество и описание совершенного становились духовным трудом.

«Сказание о роскошном житии и веселии», хоть и не содержит в заглавии отсылки к жанру хождения, все-таки является пародией на него. Слово «сказание» в данной ситуации не несет на себе жанровой нагрузки, так как

служит лишь наименованием для текста, речь в котором идет не о реальных исторических событиях, упомянутое «житие» также употреблено в значении «жизнь» (не духовная жизнь, но физическое существование).

Желающий обрести рай на земле должен не просто увидеть яркие пейзажи, но получить пользу от природы. Уже в первом описательном отрывке говорится об изобилии рыб в водах, о землях «доброплодных», дающих хороший урожай. Упоминаются те культуры, которые могут дать плоды: «Там по полям пажити видети скоропитательных пшениц и жит различных; изобилны по лугам травы зеленыя <...> по лесам древес – кедров, кипарисов, виноградов, яблонь и груш, и вишень, и всякого плодного масличья...» [2. С. 221]. Автора не смущает, что все произрастает само по себе и рука человеческая не принимает никакого участия в возделывании земель и сборе урожая. Более того, в лесах, с его точки зрения, соседствуют южные культуры, такие как маслины и виноград, и садовые плодовые деревья – яблони, груши, вишни. Нарушая логику, автор не прямо, но через подбор образов с первых же строк говорит о земле, существование которой в реальности невозможно. К тому же в утопическом мире «само древесие человеческому нраву самохотне служит, преклоняя свои вершины и розвевая свои ветви, пресладкия свои плоды объявляя» [2. С. 221]. Природа служит человеку, удовлетворяет его потребности, а ему остается лишь открывать рот и наслаждаться.

Изобилие ягод и фруктов может быстро наскучить и перестать радовать глаз и желудок, поэтому далее автор рассказывает о птицах, услаждающих слух тех, кто достигнет этого уголка, или становящихся пищей. Среди птиц перечислены как не существующие в реальности (сирины), так и живущие в определенной местности (попугаи, струфокамилы – страусы). При этом все они от мала до велика «на голос кличущему человеку прилетают, на двор и в дома, и в окна, и в двери приходят», то есть приручены человеком. Человек же может выбирать и решать, «какая птица годна», а получив желаемое, «ту себе, избрав, взмет, а остаточных прочь отгоняет» [2. С. 221].

В утопической стороне неисчерпаемые запасы рыбы: «И толико достаточно, яко сами под дворы великими стадами подходят, и тамошние господари, из домов не исходя, но из дверей и из окон и руками, и удами, и снастями, и баграми ловят» [2. С. 222]. Гиперболизированный образ ловли рыбы сродни сказочному мотиву, описывающему ситуацию, когда сама пища идет в руки человеку. Однако здесь же заметны переключки с античной римской литературой, хорошо известной в VII веке (например, у Плиния Младшего: «Здесь (можно) самому рыбачить и забрасывать удочку из спальни и чуть ли даже не с постели, как из лодочки» [2. С. 459].

Следующая гипербола, разрастающаяся до алогизма, связана с повествованием о скоте и зверях, служащих человеку. Перечисляя животных и птиц, автор не делит их на домашних и диких, но сообщает, что они необходимы для одной цели – одевать «плоть человеческую во время ветров». Но в удивительной стране, по словам автора, «не бывает снегов, не знают дождя, грозы не видеть, и что зима – отнюдь не слышать» [2. С. 222]. Поэтому все теплые одежды людям ни к чему, они бесполезны.

Нелогичность повествования, отсутствие прямых мотивировок показывают призрачность мира, создаваемого в «Сказании»: в одном месте собрано

все, что входит в понимание о богатой, роскошной и веселой жизни. Материальная обеспеченность может быть достигнута в том случае, когда процветает торговля, поэтому в тексте подробно перечислены все виды судов, которые прибывают с дорогими товарами в порты, а купцы могут торговать беспощинно. Называя дорогие материалы, виды драгоценных камней, автор продолжает поражать читателей обилием и разнообразием описываемого.

Однако все представленные перечисления являются лишь необходимым вступлением для основной части, в которой воссоздается далеко не идиллический образ земного рая пьяниц и обжор: на столах, накрытых скатертями-самобранками, яства появляются сами, и запас их не истощается. Рассказывая о всей снеди, автор прибегает к часто используемому в XVII веке приему ритмизации прозы: «ложки и плошки», «и курята и утята, кокоши и чирята». Легкость, веселость создаются не только описательными, но и интонационными приемами. Но любое изобилие вызывает, кроме радости, еще и отторжение, что и «глядеть не хочется».

Мечта бражника – получать все необходимое, не прикладывая никаких усилий, и именно в этом мире герой получает то, о чем мечтал, живя в привычной для себя обстановке: «Да там же есть озеро недобре велико, исполнено вина двойнова. И кто хочет, испивай, не бойся, хотя вдруг по две чаши. Да тут же близко пруд меду. И тут всяк пришед хотя ковшем или ставцом, припадкою или горстью, бог в помощь, напивайся» [2. С. 222–223]. Но пьяница и лодырь, оказывается, мечтает не только о той стране, где можно есть и пить без меры, но и о такой, в которой его не станут за это осуждать.

Морализаторская, дидактическая литература прошлого всегда учила ограничивать себя во всем, уделывать первостепенное внимание душе, а не телу, ставить духовные потребности выше потребностей желудка. Герою нового времени нужно получить подтверждение не только возможности, но и обоснованности своего поведения: он говорит о своем сознательном выборе, который «никто не оговорит, ни слова молвит» [2. С. 223]. Вопрос о безнаказанности подобного поведения, признания такой возможности в обществе волнует героя «Сказания» по-настоящему, поэтому эту мысль он утверждает дважды: второй раз после слов о возможности не трудиться, получать все без усилий в утопической стране. Очевидно, что продолжается борьба с традицией, утверждающей необходимость осуждения лени и тунеядства, стремящейся исправить лентяя.

Но в чудесной стране труду противопоставлены радость и веселие, танцы и игры. В этом, по словам рассказчика, заключается «покой» – не тишина, но отдых от работы, которую мечтающий о развлечениях не привык выполнять.

Перечислив все «достоинства» места, могущего стать раем пьяниц, лентяев, не заботящихся о душе, а думающих лишь о желудке и веселии, автор предлагает путь в это чудесное место. Данная часть становится одновременно и кульминацией, и развязкой повествования.

В «Сказании о роскошном житии и веселии» указывается якобы прямой путь в чудесный мир, перечисляются реальные топографические координаты. Автор называет известные каждому человеку локусы: «от Кракова до Арша-

вы и на Мозовшу, а оттуда на Ригу и Ливлянд, оттуда на Киев и на Подолеск, оттуда на Стеколию и на Корелу, оттуда на Юрьев и до Брести, оттуда на Быхову и в Чернигов, в Переяславль и в Черкасской, в Чигирии и Кафимской». При этом путь остается неясен: «Путь-небылица петляет по Малой и Великой Польше, по Швеции и Лифляндии, по многим украинским городам, по Литве и т. д., но не заходит в Великую Россию», – пишет А.М. Панченко [3. С. 319]. Упоминание польских городов и наличие в тексте полонизмов дало исследователям возможность увидеть польские корни текста, его переводной характер: «Именно Малая Польша и ее столица Краков – средоточие польской смеховой культуры» [3. С. 320].

Путешествие, начинающееся в Польше, может довести путника до Дуная, далее путь обрывается. Заимствуя основной элемент жанра хождения и перечисляя топографические координаты, автор не сообщает никаких хронологических координат, не дает описаний конкретной местности, через которую нужно пройти до райского уголка. Дунай превращается в границу между мирами, реальным и утопическим, преодолеть ее физически, казалось бы, возможно, но исходя из текста произведения – нельзя: «А кого перевезет Дунай, тот домой не думай!» [2. С. 224]. Даже эти слова звучат двусмысленно: то ли переправиться не получится, так как этого места не существует, то ли попавший в заветное место уже не сможет его покинуть. А если так, то на земле ли это место находится? «Это путь, который похож на лабиринт и оканчивается ничем» [1. С. 23]. Прямой, на первый взгляд, путь не ведет никуда еще и потому, что попасть в утопическое пространство можно лишь заплатив пошлину: «з дуги по лошади, с шапки по человеку и со всего обозу по людям» [2. С. 224]. Очередной алогизм, нарушение привычной логики: только у лошади можно взять дугу, у человека – шапку, у людей – обоз, а не наоборот.

Заключение

Итак, видим подтверждение ранее изложенной мысли, что в утопическом антимире правит вещь, она становится центром внимания, берет на себя функции живого, одушевляется. И как результат этого процесса – человек теряет свое достоинство, нравственность, душу. Получается, что человек овеществляется, поэтому Дунай – граница живого и неживого миров, мира человека и мира вещи. Для человека эта «небольшая пошлина» становится очень серьезной и большой платой: за пребывание в земном мире нужно расплатиться душой. Поэтому земной рай превращается в пространство, где человек теряет свои высокие нравственные ценности.

И как бы оптимистично, на первый взгляд, не звучала последняя фраза «Сказания»: «А там кто побывает, и тот таких роскошей век свой не забывает» [2. С. 224], – она лишает надежды на жизнь вечную, предлагает взамен ей сиюминутные радости и наслаждения, которые заканчиваются со смертью человека.

Не всякое путешествие обогащает, дарит новые впечатления, приобщает к культуре других стран и народов, помогает в развитии отношений представителей разных стран и конфессий. Путешествие в утопический антимир, описанное в «Сказании о роскошном житии и веселии», становится лишь кажу-

щимся обретением, ведь обретение материального благополучия сиюминутно и временно, а потеря нравственных ориентиров – обнищание души – ситуация, в которой почти не остается надежды на исправление. С другой стороны, это путь в неизвестность, и каждый человек имеет право его совершить, тогда он лично несет ответственность за результат. Автор «Сказания» не морализаторствует, не увещевает, он дает возможность каждому осознать, нужно ли совершать подобное путешествие или лучше от него все же воздержаться.

Список литературы

- [1] Лихачев Д.С., Панченко А.М. Смеховой мир Древней Руси. Л.: Наука, 1976. 204 с.
- [2] Сказание о роскошном житии и веселии // Сатира XI–XVII веков / сост., вступ. ст. и коммент. В.К. Былинина, В.А. Грихина. М.: Советская Россия, 1986. С. 221–224, 458–459.
- [3] Панченко А.М. Материалы по древнерусской поэзии. IV (Стихотворная параллель к «Сказанию о роскошном житии и веселии») // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1976. Т. 30. С. 318–323.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 марта 2020 г.

Дата принятия к печати: 25 марта 2020 г.

Для цитирования:

Андреева Е.А. Воображаемое путешествие в утопический антимир (на примере «Сказания о роскошном житии и веселии») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 207–213. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-207-213>

Сведения об авторе:

Андреева Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-8829-3084>. E-mail: aaa46aaa@yandex.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-207-213

Research article

An imaginary journey to an utopian anti-world (on the example of “The Tale of Luxurious Life and Fun”)

Ekaterina A. Andreeva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
25A Povarskaya St, Moscow, 121069, Russian Federation

Abstract. “The Tale of a Luxurious Life and Fun” is a late composition of Old Russian literature, it includes some references to European sources (including Polish and Ancient Roman literature). Democratic literature of the 17th century offered the readers to get acquainted with other characters and plots: a person who is not distinguished by virtues becomes the main

character of the story, which deals with staying in an amazing country of luxury and fun and the way to this country. With special care, the author draws a possible and desirable life of a hawk and a lazy person in a utopian world, but warns about the cost of staying in such an amazing place. Parodying the genre of walking known in Old Russia, in which the pilgrim was enriched spiritually, the writer tells about a new type of travel that devalues and depersonalizes a person, deprives him of the possibility of development. The absence of direct edifying and didactic digressions, however, does not deprive the text of depth: the hero is given the opportunity to choose, and he has the right to decide how to behave and which path to choose.

Keywords: democratic literature, satire, irony, hyperbole, travel, utopian anti-world

References

- [1] Likhachev, D.S., & Panchenko, A.M. (1976). *Smekhovoi mir Drevnei Rusi* [*The laughing world of Old Russia*]. Leningrad, Nauka Publ.
- [2] Skazanie o roskoshnom zhitii i veselii [The legend of a luxurious life and fun]. (1986). In V.K. Bylinin, V.A. Grikhin (Eds.), *Satira XI–XVII vekov* [*Satire of the 11th–17th centuries*] (pp. 221–224, 458–459). Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ.
- [3] Panchenko, A.M. (1976). Materialy po drevnerusskoi poezii. IV (Stikhotvornaya parallel' k "Skazaniyu o roskoshnom zhitii i veselii") [Materials on the Old Russian poetry. IV (Poetic parallel to "The Legend of a Luxurious Life and Fun")]. *Trudu otdela drevnerusskoi literatury (TODRL)* [*Researches of the Department of Old Russian literature*] (vol. 30, pp. 318–323). Leningrad, Nauka Publ.

Article history:

Received: 10 March 2020

Revised: 12 March 2020

Accepted: 25 March 2020

For citation:

Andreeva, E.A. (2020). An imaginary journey to an utopian anti-world (on the example of "The Tale of Luxurious Life and Fun"). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 207–213. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-207-213>

Bio note:

Ekaterina A. Andreeva, Ph.D., senior researcher of A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-8829-3084>. E-mail: aaa46aaa@yandex.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-214-225
УДК 821.16.1

Научная статья

«Пение гор» в поэтике «позднего» В. Хлебникова: геогностический код в автокоммуникативной модели

М.В. Ганин

Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева
Российская Федерация, 428000, Чебоксары, ул. К. Маркса, 38

Аннотация. В настоящей статье анализируются особенности реализации мотива «пение гор» (и его вариантов) в творчестве позднего периода художественно-философских исканий русского поэта и мыслителя, одного из зачинателей футуристического движения – Велимира Хлебникова. Репрезентации геогностического кода даны в парадигме автокоммуникативной модели, свойственной философско-эстетическому мышлению поэта. Актуальность работы определяется недостаточной изученностью проблемы функционирования геогностических элементов в хлебниковском универсуме, а также важностью исследования автокоммуникативных стратегий, реализованных в поэтических текстах со сложноорганизованной структурой и высокой степенью зашифрованности материала. Структурно-семиотический и мифопоэтический подходы в комплексе с элементами методов текстологического и компонентного анализа позволили выявить мифопоэтические мотивы, структурно и типологически близкие феномену «поющие горы». На материале рассмотрения послереволюционных произведений «речетворца» строится предположение о том, что геогностические мотивы в них могут конфигурироваться как на уровне мифопоэтических единиц и добавочных кодов, так и «природных объектов», становящихся самостоятельными коммуникантами (адресант и адресат) в системе «Я – Я». Намечены контуры анализа интертекстуального поля в пространстве реализации рассматриваемого мотива.

Ключевые слова: геогнозия, Велимир Хлебников, мотив, мифопоэтика, автокоммуникация, поэмы, интертекстуальность, код

Введение

В художественном универсуме русского поэта и мыслителя-утописта Велимира Хлебникова элемент «пение гор» (варианты: «пение горы», «голос гор», «пение земли») обретает несомненные свойства мотива, поскольку, как нам представляется, для него характерны особые «семантическая насыщенность» (см. дефиницию *мотива* в трудах В.Е. Хализева) и мифопоэтическая «заряженность». Во многом через его реализацию в поэтике Хлебникова получают оформление координаты модели сложного, многомерного мира, конструируемого парадоксами авторского сознания. Именно поэтому имеет смысл

проанализировать некоторые особенности функционирования данного мотива и его вариантов в русле автокоммуникативных стратегий, «зримо» воплощенных в ряде *поздних* (1) текстов «Будетлянина» (эта самономинация футуриста и словотворца введена в научный обиход В.П. Григорьевым).

«Концепты» горы и камня, шифрующие «минеральную (базовую) субстанцию», декодируются в работе А.А. Поповского на примере одной из ориентальных поэм [1], мифологическая составляющая образа конкретного геологического образования – горы *Богдо* – осмысляется в статье Р.М. Ханиновой и Д.Ю. Топаловой [2]. Однако философски и художественно преломленный «геогнозис» (от греч. *geo* – земля и *gnosis* – познание) – именно так мы предлагаем определить процесс постижения сущности горной стихии (2) – в пространстве хлебниковских миров лишь отчасти рассматривался в фокусе увлечения поэта восточной темой (см. разыскания П.И. Тартаковского). Поэтому очевидно, что собственно *геогностическое* начало в творчестве В. Хлебникова требует более детального и внимательного изучения.

Другой фактор, детерминирующий актуальность наших изысканий, – это необходимость исследовательской фиксации на метаязыковой и автокоммуникативной рефлексиях в творчестве поэта. Поэтому и пристальный взгляд на мотивную структуру поэтических и теоретических текстов «Лобачевского слова» (по меткому выражению Ю.Н. Тынянова) открывает перспективу глубинного и целостного постижения его художественно-философского наследия.

Материал и методы исследования

Несмотря на известную архаичность термина «геогнозия» (к концу XIX в. постепенно выходит из употребления), использование его представляется уместным, поскольку именно этой наукой задавались рамки «описания г. п. (горных пород. – *М.Г.*), наблюдаемых на поверхности, тогда как геология, носившая в то время умозрительный характер, оформилась в качестве науки о происхождении и истории Земли, ее коры и глубинного (внутреннего) строения» [3. С. 531]. В словаре А.Д. Михельсона в этом значении используется термин «геогения» [4. С. 172], поэт же фокусирует внимание на мифопоэтическом содержании генезиса древнейших горных образований, *явленных* его творческому взору, «считанных» и описанных им в качестве значимых элементов некоего кода, реализующегося в зоне автокоммуникативных интенций.

Материалом для наших штудий стали поздние, написанные преимущественно в послереволюционный период, тексты В. Хлебникова. Ключевыми для постижения предлагаемого мотива являются поэмы «Каменная баба» (20 марта 1919 г.) [5. Т. 3. С. 255–256], «Труба Гуль-муллы» (вторая половина 1921 г.) [5. Т. 3. С. 292–310] (3), «Шествие осеней в Пятигорске» (8 ноября 1921 г.) [5. Т. 3. С. 328–332] и стихотворение «Моряк и поец» (осень 1921 г.) [5. Т. 2. С. 179–180]. Кроме того, важными представляются интертекстуальные нити, вплетающиеся в мотивную ткань интересующих нас текстов Будетлянина и ряда произведений его современников.

Методологическую основу исследования составили аналитические изыскания в рамках мифопоэтического дискурса, элементы методов текстологии

ческого и компонентного анализа. С другой стороны, полисемантическая и своеобразная зашифрованность произведений Хлебникова определяет использование структурно-семиотического и интертекстуального подходов к анализу автокоммуникативного потенциала, а также семантического и онтологического ярусов хлебниковской художественной мифосистемы. Мотивный анализ дает возможность рассмотреть образный строй в творчестве позднего периода поэта на уровне взаимопересечения смысловых кодов.

Обсуждение

Можно утверждать, что семиотическое единство мифопоэтической системы Велимира Хлебникова образуется пересекающимися цепочками сложно-организованных кодов. В качестве иллюстрации этого тезиса приведем фрагмент из поэмы *«Труба Гуль-муллы»*:

Я – покорение неба, –
 Моря и моря
 Синеют без меры.
 Алые сады – моя кровь,
 Белые горы – крылья.
 Садись, Гуль-мулла,
 Давай перевезу.
 [5. Т. 3. С. 295.]

Исследователями неоднократно отмечалась «высокая степень мотивированности» (область дискуссии с этими концепциями обозначена в работе Е.А. Михалик [6]) и «зашифрованности» текстов поэта-речетворца. Например, Б.А. Успенский, не фиксируя четко границу между «сознательными» или «бессознательными» областями такой криптографии, находит объяснение этому феномену в детерминированности хлебниковской «тайнописи» «отчасти собственно эстетическими задачами, отчасти представлениями автора о языке». Однако самый значительный фактор сложности для «дешифровки» его произведений – это «эзотерическая автокоммуникация, то есть максимальное совпадение в одном лице отправителя и получателя текста» [7. С. 242]. Поэтому мы сталкиваемся с необходимостью рассматривать актуализирующуюся в текстах поэта-мыслителя образность (в нашем случае имеющую геоностический и музыкально-мифологический характер) в контексте закономерностей развертывания автокоммуникативных стратегий.

Как известно, в теории Ю.М. Лотмана коммуникативная система, направленная на передачу информации по каналу «Я – Я», получает название «автокоммуникация» [8. С. 165]. Согласно его концепции «в системе “Я – Я” носитель информации остается тем же, но сообщение в процессе коммуникации переформулируется и приобретает новый смысл. Это происходит в результате того, что вводится добавочный – второй – код и исходное сообщение перекодируется в единицах его структуры, получая черты нового сообщения» [8. С. 166].

Более того, мы полагаем, что В. Хлебников выстраивает свой художественно-философский универсум в соответствии с механизмом работы онтологического принципа «меры», выступающей в качестве основополагающей концептуальной категории и детерминирующей, с точки зрения поэта-мыслителя,

не только творческую, но и объективно-историческую реальность [9]. В этом смысле любопытно, проследить, как происходит развертывание геогностических мотивов и связанных с ними метафорических рядов через ««сдвиг кода” или синтагматическую переорганизацию текста-коммуниканта» [10. С. 343]. Ведь существеннейшее качество автокоммуникации – это воздействие внешних добавочных кодов на «внутренний монолог читателя»: «мерных звуков (стука колес, ритмической музыки)» [8. С. 166]. Таким образом, в качестве «внешних кодов» могут выступать «разнообразные системы ритмических рядов, построенные по синтагматически ясно выраженным принципам, но лишённые собственного семантического значения – от музыкальных повторов до повторяющегося орнамента» [8. С. 168].

Уже в поэме «Хаджи-Тархан», написанной в 1913 г., поэтом задан вектор на постижение горной стихии и упоминается конкретный природный объект, являющийся источником «молчания», то есть имплицитно существующего звука (здесь и далее при цитировании художественных произведений курсив наш. – М.Г.):

Где Волга прянула стрелою
 На хохот моря молодого,
Гора Богдо своей чертою
 Темнеет взору рыболова.
 Слово песни кочевое
 Слуху путника расскажет:
 Был уронен холм живой,
 <....>
 Ах, вечный спор *горы* и *Магомета*,
 Кто свят, кто чище и кто лучше.
 На чьем челе коран завета,
 Чьи брови гневны, точно тучи.
Гора молчит, лаская тишь.
 Там только голубь сонный несся.
 Отсель урок: ты сам слетишь,
 Желая сдвинуть сон утеса.
 Но звук печально-горловой,
 Рождая ужас и покой,
 Несется с каждою зарей
 Как знак: здесь отдых, путник, стой!
 [5. Т. 3. С. 123–124.]

Гора Большое Богдо (Большой Богдо) действительно находится на левом берегу Волги, на территории современной Астраханской области, возле озера *Баскунчак* (отец поэта, В.А. Хлебников, был смотрителем *Баскунчакского* и *Чапчачинского* соляных промыслов [11. С. 681]) и «имеет необычный окрас – одна из ее сторон имеет красный цвет <...> Свое второе название “Поющая гора” она получила из-за наличия большого количества пещер, каменных ниш и столбов, углублений <...> При попадании ветра в эти пустоты образуются различные звуки, сила и интенсивность которых зависит только от ветра» [12. С. 46].

Калмыцкий ороним «*Богдо*» (от калм. «святой») подчеркнута указывает на историко-мифологическую составляющую мотива «поющей горы» в рассматриваемой поэме. Генезис данного образного феномена лежит в области традиционного сакрального знания, на что указывает лежащая в основе мотива буддистско-калмыцкая легенда о возникновении этой горы в Прикаспийской низменности [2. С. 152].

Итак, здесь «поющая гора» молчит (*сон утеса*), но кочевник поет о горе («звук печально-горловой»), таким образом, маркируя ее одушевленность и погружаясь в сакральное состояние сознания:

Как веет миром и язычеством
От этих дремлющих степей!
Божеств морских могил величеством,
Будь пьяным, путник, пой и пей.
[5. Т. 3. С. 124.]

Характерно, что в качестве иллюстрации работы добавочных кодов в автокоммуникативной системе Ю.М. Лотман дает следующий пример: «японский буддийский монах, созерцающий “каменный парк”. Такой парк представляет собой сравнительно небольшую площадку, усыпанную щебнем, с расположенными на ней в соответствии со сложным математическим ритмом камнями. Созерцание этих сложно расположенных камней щебня должно создавать определенную настроенность, способствующую интроспекции» [8. С. 168]. В этом смысле семиотизация геологических объектов, способствующих погружению в измененное состояние сознания через автокоммуникацию, является общим началом как калмыцкого, так и японского буддизма.

В 1915 г. в альманахе «Взгл. Барабан футуристов» впервые опубликованы «Предложения», где на правах *Председателя Земного Шара* поэт-утопист излагает «финальные» идеи, которые должны быть осуществлены в «пространстве будущего». Здесь выделим следующий тезис: «Рассматривать землю как звучащую пластинку, а столицы – как собравшуюся в узлах стоячих вод пыль <...> это хорошо знают Англия и Япония» [5. Т. 6. Кн. 1. С. 244]. Через воспроизведение «звучащей пластинки» мифопоэтически объективируется организация пространства. Обратим внимание на следующие строки из упомянутой ранее поэмы «Труба Гуль-муллы»:

Пастух очей стоит поодаль.
Белые очи богов по небу плыли!
Пила белых гор. Пела моряна.
Землю напета пластина.
Глаза казни
Гонит ветер овцами гор
По выгону мира
Над кремневой равниной, овцами гор,
Темных гор, пастись в городах.
[5. Т. 3. С. 297.]

Характерно, что публикатор ранней редакции этого текста А.Е. Парнис четко определяет: «*Пила белых гор* <...> и *Землю напета пластина*» – сравнение процессов горообразования с принципом записи граммофонной пластинки» [11. С. 686]. В примечаниях же к более позднему изданию произведений Будетлянина составитель уточняет: «здесь сравнение *графического образа гор* с принципом записи граммофонной пластинки (здесь курсив наш. – М.Г.)» [13. С. 657].

Однако нам интересен не только способ фиксации очертаний гор, но и собственно оформленные гласные звуки, «мелодический рисунок», запечатленные поэтом. В поэме «*Шествие осеней в Пятигорске*» читаем:

Грозя убийцы лезвием,
Трикратную смутною бритвой,
Горбились серые горы
<...>
Это Бештау грубой кривой,
В всплесках камней свободней разбоя,
Похожий на запись далекого звука,
На А или У в передаче иглой
И на кремневые стрелы
Древних охотников лука...
[5. Т. 3. С. 329.]

Изолированная пятиглавая гора Кавказских Минеральных Вод *Бештау* (от тюрк. «пять гор») (4) метафорически представляется «в виде в виде записи гигантской граммафонной иглой звуков А или У» [11. С. 685].

Мы не можем не согласиться с тезисом М.В. Панова, который, приводя пример «сдвига-сравнения» в этой поэме, фиксирует: «как в звуковом ярусе, так и здесь, сдвиг смягчен, между частями сдвига перекинут мост, один или два признака <...> пример такого сравнения: “На почерке звука жили пустыньники. / Жилой была горная голоса запись...”» [14. С. 317].

Таким образом, в метафорически «сдвинутых» протуберанцах и зубьях «мелодических» горных вершин, в форме нестандартной фиксации нот узнается сложная архитектоника, воплощенная в физическом звучании, и/или наоборот – живая мелодия, схематизированная в аппликатурах на своеобразном нотном стане текста [9]. Звуки запечатлевают сами себя (форма принятия «коммуникантом» фонетических сигналов): «Жилою была <...> голоса запись».

Немаловажно, на наш взгляд, отметить, что почти через 13 лет у эстетического «оппонента» Хлебникова – поэта О. Мандельштама – в стихотворении, тонко характеризующем поэтический космос символиста А. Белого и посвященном его памяти, мотивы звучащих (музицирующих и поющих) гор получают музыкально-симфоническое воплощение:

Он дирижировал кавказскими горами
И, машучи, ступал на тесных Альп тропы
И, озираючись, пустынными берегами
Шел, чуя разговор бесчисленной толпы.
[15. С. 405.]

Полагаем, что это амплуа «дирижера кавказскими горами» не в меньшей степени применимо и к автору поэмы «Шествие осеней в Пятигорске». В стихотворении «Моряк и поец», написанном в том же году, что и поэма, «Первый Председатель Земного Шара» (самоопределение поэта) вопрошает:

Скажи, ужели святотатство
Сомкнуть, что есть, в земное братство?
И, открывая умные объятия,
Воскликнуть: звезды – братья! горы – братья! боги – братья!
[5. Т. 2. С. 179.]

Здесь «дирижерское» восклицание прямым образом снимает всякую иерархию вселенских сущностей (горы представлены в их магистральном ряду), восходящую к представлениям Платона (диалог «Послезаконие») о «силах, братски родственных между собой» [5. Т. 2. С. 549]. Таким образом, нетрудно «услышать» партитуру «симфонии», заключенной в космический масштаб сопряжения геогностического кода и утопии Хлебникова.

Продолжая разворачивание интересующего нас мотивного ряда, обратим внимание на следующий фрагмент из знаковой для всего творчества Будетлянина поэмы «Каменная баба»:

И снежной вязью вьются горы,
Столетних звуков твердые извивы.
И разговору вод заборы
Утесов, сверху падших в нивы.
[5. Т. 3. С. 195.]

М.И. Панов указывает: «Очертания горного хребта и кимограмма звука по очертанию похожи» [14. С. 317]. Обратим внимание на весьма характерный медицинский термин, используемый ученым, – «*кимограмма*». Кимограмма понимается как овеществленный результат кимографии (от греч. *кума* – волна и *графо* – пишу) – метода регистрации физиологических процессов в живом организме [16. С. 112] (5). Таким образом, перед исследователем возникает художественный феномен как бы осмысленной речи (живого голоса) «поющих гор», которую природа разными способами будто бы пытается записать, то есть создать своего рода парадоксально бытующий и фиксирующий сам себя звук (кимограмму) – своеобразную «фонограмму», где звуковая дорожка замкнута в себе и на себя, но «начертана» по принципу записи сигнала на аналоговый носитель.

Итак, мы видим, что в хлебниковской поэтической системе (при взгляде с «дирижерского пульта» творца) контуры гор генерируют некие *письмена* – фонетические элементы музыкальной ткани коррелируют с буквенными начертаниями. Это, в свою очередь, приводит к формированию ситуаций звукобуквенного изоморфизма, характерных для традиции архаических практик, однако рождающих у «меродателя» уже новый *геологический миф*, когда мифологизация объектов масштабируется в пространстве гиперсемиотических толкований.

При этом следует отметить, что обращенность к этим практикам обнаруживается и в мифопоэтике, казалось бы, чуждого Хлебникову русского символизма, а будетлянские прозрения парадоксально резонируют с моделями репрезентаций горных структур и «космической символики» в мотивной системе поэтов этого направления: «“*Выси гор*” <...> суть одновременно цель и средство обозрения, а также и эквивалент высоким космическим, небесным символам (курсив наш. – М.Г.)» [17. С. 579–580]. Однако при всей разнице оптической перспективы и исходных «точек зрения»: «Горы – либо объект созерцания (снизу, с земной позиции), либо исходные точки некоего визионерского обзора, поднимающего *poeta vates* над земным и в идеальном случае позволяющего осмыслять земное *sub specie aeternitatis*» [17. С. 579].

Расширяя геогностический контекст эпохи, обратим внимание на отталкивание/сближение хлебниковского письма с идиостилем М. Цветаевой: в мифопоэтике поэтессы, позиционировавшей себя вне направлений и школ, мотив «горы» также становится одним из ключевых. Вспомним написанный зимой 1924 г. знаменитый «пражский» (акцентируется *геопоэтика* Запада в отличие от хлебниковского Востока!) текст «Поэма Горы» [18. С. 24–30]. Пронизанный романтическими коннотациями образ горы становится своеобразным символом «лавинности» любви, чувственной «укорененности» природы человека. Противопоставляя геологические образования морской стихии, автор

поэмы сообщает: горы «благодарны (божественны)» (из письма к Б.Л. Пастернаку) [18. С. 776], и декларирует: «Гора – “верх земли и низ неба” <...> Гора – в небе» [18. С. 776]. Геогнозис, постижение «горного» кода у Цветаевой эксплицируется также на уровне рифмы и лексико-фонетической игры: *гОре/горЕ*, читаем в «Посвящении к поэме»:

Вздогнешь – и горы с плеч,
И душа – горе.
Дай мне о *гОре* спеть:
О моей горé.
<...>
Дай мне о *гОре* спеть
На веру горы.
[18. С. 24.]

Укажем, что древнерусское наречие «Горѣ» обозначает «вверх, вверху, высоко» [19. С. 364], возможно, отсюда – антиномичность «горного» и «дольного» миров, столь существенная как для Цветаевой, так и для В. Хлебникова:

Горы денег сильнее пушинка его.
И в руке его белый пух, перо лебедя,
Лебедем ночи потерян,
Когда он летел высоко над миром,
Над *горой* и *долиной*.
[5. Т. 3. С. 293.]

Таким образом, поэтика геогностической образности в парадигме мифопоэтических систем эпохи фиксируется в идиостилиях весьма разных и зачастую эстетически чуждых друг другу авторов.

Заключение

Итак, уже в дореволюционный период в творчестве В. Хлебникова появляются мифопоэтические мотивы, структурно и типологически близкие феномену «поющие горы» (мы назвали их «геогностическими»). Однако наиболее полно они раскрываются на позднем этапе его творческих прозрений (в 1919–1922 гг.). Четко определен объективированный источник звука и названы детерминирующие его конкретные геологические образования (горы Бордо и Бештау). Выдвигается положение о том, что сложно оформленный и обладающий мифопоэтическим напряжением мотив «пение гор» (и его варианты) в значительной степени реализуется в парадигме автокоммуникативной модели.

Добавочные коды, характерные для функционирования автора в рамках системы «Я – Я», продуцируются формой и ритмом очертаний геологических объектов и развертываются в представленном мотиве. Однако «гора» – это и самостоятельный коммуникант в автокоммуникативной системе, он конфигурируется в ролях как источника звука или «тишины» (как некоего сообщения), так и их фиксатора и анализатора (в том числе и собственно рецепторно-аналитического аппарата), то есть в функциях направляющей и воспринимающей сигнал сторон. Такая стратегия приводит к репликации цепочек и уровней кодов, актуализации обновленных мифологем и мотивов.

Показаны некоторые интертекстуальные связи и резонанс мотивов в поэтическом творчестве важнейших фигур русского модернизма.

Примечания

- (1) В этом контексте обозначенные мотивы у «раннего» Хлебникова заслуживают отдельного изучения.
- (2) Термин «геогнозия» в «объяснительном» словаре А.Д. Михельсона трактуется как «наука о составе и строении земной коры» [4]. Здесь же отметим, что продуктивным в перспективе могло бы стать исследовательское «приближение» к гумбольдтианскому пониманию терминов «геогнозия» и «геогнозис».
- (3) Иная, контоминированная редакция этого текста представлена в книге «Творения» под заглавием «Тиран без Тэ» [11. С. 348–358].
- (4) Еще один конкретный геологический объект, становящийся «субъектом» коммуникации и одновременно выступающий в инструментальной функции – это *Гауризанкар* (вершина, находящаяся в гималайской горной системе). В «эпистолярном» манифесте «Письмо двум японцам» (1916 г.) читаем: «...вырвем в лесу сосну, обмакнем в чернильницу моря и напишем знак-знамя “Я – Азия”. У Азии своя воля. Если сосна сломится, возьмем Гауризанкар» [5. Т. 6. Кн. 1. С. 255]. Этот же вершинный объект позднее (в 1918 г.) упоминается в работе «Азия как освободительница мира». Как поясняет А.Е. Парнис: «В то время гора Гауризанкар считалась самой высокой горой в мире» [20. С. 341].
- (5) Соответственно, прибор, настроенный на фиксацию динамики изменений этих процессов и ритмов, носит название «*кимограф*» [16]. Это техническое устройство уместно соотнести с фонографом, который в начале XX в. использовался в исследованиях в области экспериментальной фонетики: Хлебников интересовался исследованиями в области фонологии и был знаком с пионерскими работами знаменитого лингвиста Л.В. Щербы.

Список литературы

- [1] *Поповский А.А.* Концепты горы и камня в поэме В. Хлебникова «Труба Гуль-муллы» // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2006. № 5 (34). С. 132–136.
- [2] *Ханинова Р.М., Топалова Д.Ю.* Калмыцкая легенда о горе Богдо как один из источников поэмы В. Хлебникова «Хаджи-тархан» // Новый филологический вестник. 2017. № 4 (43). С. 150–159.
- [3] Горная энциклопедия: в 5 т. Т. 1 / под ред. Е.А. Козловского. М.: Советская энциклопедия, 1984. 560 с.
- [4] *Михельсон А.Д.* Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. По словарям: Гейзе, Рейфа и др. СПб. – М.: «Русская типография» А.О. Лютецкого, 1883. 764 с.
- [5] *Хлебников В.В.* Собрание сочинений: в 6 т. / под общ. ред. Р.В. Дуганова. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2013–2015.
- [6] *Михалик Е.А.* Метасюжет поэзии В. Хлебникова: преодоление разобщенности мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2010. 27 с.
- [7] *Успенский Б.А.* К поэтике Хлебникова: проблемы композиции // Избранные труды: в 2 т. Т. 2: Язык и культура. М.: Гнозис, 1994. С. 242–245.
- [8] *Лотман Ю.М.* Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 163–177.
- [9] *Ганин М.В.* «Мера» как категория мифопоэтики В. Хлебникова: трансформация элементов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: РУДН, 2013. 21 с.
- [10] *Соколова О.В.* Стратегии автокоммуникации как поиск лица: Хлебников и неоавангард // Велимир Хлебников в новом тысячелетии. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 342–352.
- [11] *Хлебников В.В.* Творения / сост., подгот. текста и коммент. В.П. Григорьева, А.Е. Парниса. М.: Советский писатель, 1986. 736 с.

- [12] *Шараева Т.И.* Культурные объекты калмыков: гора Богдо // Вестник калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 4 (32). С. 43–48.
- [13] *Хлебников В.В.* Поэзия. Проза. Драматургия. Публицистика / сост. и коммент. А.Е. Парниса. М.: СЛОВО/SLOVO, 2001. 696 с.
- [14] *Панов М. В.* Сочетание несочетаемого // Мир Велимира Хлебникова: статьи, исследования (1911–1998). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 303–332.
- [15] *Мандельштам О.Э.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. Стихотворения. Переводы / сост. С. Аверинцев, П. Нерлер. М.: Художественная литература, 1990. 640 с.
- [16] Большая советская энциклопедия: в 7 т. Т. 3: Кварнер – Конгур. М.: Советская энциклопедия, 1973. 624 с.
- [17] *Ханзен-Лёве А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб.: Академический проект, 2003. 813 с.
- [18] *Цветаева М.И.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3: Поэмы. Драматические произведения. М.: Элис Лак, 1994. 816 с.
- [19] Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. Т. 2 / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: Русский язык, 1989. 494 с.
- [20] *Парнис А.Е.* «Евразийские» контексты Хлебникова: от «калмыцкого мифа» к мифу о «единой Азии» // Евразийское пространство: звук, слово, образ. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 299–344.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 марта 2020 г.

Дата принятия к печати: 25 марта 2020 г.

Для цитирования:

Ганин М.В. «Пение гор» в поэтике «позднего» В. Хлебникова: геогностический код в автокоммуникативной модели // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 214–225. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-214-225>

Сведения об авторе:

Ганин Максим Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и культурологи Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. E-mail: isaaa@ya.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-214-225

Research article

“Singing mountains” in the late Khlebnikov’s poetic manner: geognostic code in the autocommunicative model

Maxim V. Ganin

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University
38 K. Marksa St, Cheboksary, 428000, Russian Federation

Abstract. This article analyzes the peculiarities of realization of the motif of “singing mountains” (and its variations) in the later period of artistic and philosophical searches of Russian poet and thinker, one of the originators of futuristic movement – Velimir Khlebnikov.

Representations of the geognostic code are given in the paradigm of autocommunicative model peculiar to philosophical and aesthetic thinking of the poet. The actuality of the work is determined by the insufficient previous study of the problem of functioning of geognostic elements in the Khlebnikov's universe, as well as the importance of studying the autocommunicative strategies implemented in poetic texts with a complex structure and a high degree of "encryption" of the material. Structural semiotic and mythopoetic approaches together with elements of textological and componential analysis methods allowed to reveal mythopoetic motifs that are structurally and typologically close to the phenomenon of "singing mountains". Based on the consideration of the post-revolutionary works of "rechetvoret" ("wordwright") an assumption is made that their geognostic motifs can be configured both at the level of mythopoetic units and additional codes, and of "natural objects" that become independent communicators (addressant and addressee) in the system "I – I". The contours of intertextual field analysis in the space of implementation of the considered motif are outlined.

Keywords: geognosy, Velimir Khlebnikov, motif, mythopoetics, autocommunication, poems, intertextuality, code

References

- [1] Popovskiy, A.A. (2006). Koncepty gory i kamnya v poeme V. Khlebnikova "Truba Gul'-mully" [The concept of the mountain and the stone in the poem "The horn of Hull-mullah" by V. Khlebnikov]. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [*Vestnik of Astrakhan State Technical University*], 34(5), 132–136.
- [2] Khaninova, R.M., & Topalova, D.Yu. (2017). Kalmyckaya legenda o gore Bogdo kak odin iz istochnikov poemy V. Khlebnikova "Khadzhi-tarkhan" [The Kalmyk Legend of Mount Bogdo in V. Khlebnikov's Poem "Khadzhi-Tarkhan"]. *Noviy filologicheskii vestnik* [*New Philological Bulletin*], 43(4), 150–159.
- [3] Kozlovskii, E.A. (Ed.). (1984). *Gornaya entsiklopediya* [*The Mountain Encyclopedia*]: in 5 vols. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ.
- [4] Mikhel'son, A.D. (1883). *Ob'yasnitel'nyi slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkii yazyk, s ob'yasneniem ikh kornei. Po slovaryam: Geize, Reifa i dr.* [*Explanatory dictionary of foreign words that have entered the use of the Russian language, with an explanation of their roots. According to dictionaries: Geise, Reif, et al.*]. Saint Petersburg, Moscow, "Russkaya tipografiya" A.O. Lyutetskogo.
- [5] Khlebnikov, V.V. (2013–2015). *Sobranie sochineniy* [*Collection of works*]: in 6 vols. (vol. 2). Moscow, Dmitriy Sechin Publ.
- [6] Mikhailik, E.A. (2010). *Metasyuzhet poezii V. Khlebnikova: preodolenie razobshhennosti mira* [*The metaplot of V. Khlebnikov's poetry: overcoming fragmentation in the world*] (Abstract of the Dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Perm.
- [7] Uspenskiy, B.A. (1994). K poetike Khlebnikova: problemy kompozitsii [To Khlebnikov's poetics: Problems of composition]. *Izbrannye trudy* [*Selected works*]: in 2 vols. Vol. 2. Yazyk i kultura [Language and culture] (pp. 242–245). Moscow, Gnozis Publ.
- [8] Lotman, Yu.M. (2000). Avtokommunikatsiya: "Ya" i "Drugoy" kak adresaty (O dvukh modelyakh kommunikatsii v sisteme kul'tury) [Autocommunication: "I" and "Another" as addressees (On two models of communications in culture system)]. *Semiosfera* [*Semiosphere*] (pp. 163–177). Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ.
- [9] Ganin, M.V. (2013). "Mera" kak kategoriya mifopoetiki V. Khlebnikova: transformatsiya elementov ["Measure" as a category of the mythopoetry of V. Khlebnikov: the transformation of elements] (Abstract of the Dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Moscow.
- [10] Sokolova, O.V. (2012). Strategii avtokommunikatsii kak poisk lica: Khlebnikov i neoavangard [Strategies of an autocommunication as a face search: Khlebnikov and neoavant-garde]. *Velimir Khlebnikov v novom tysyacheletii* [*Velimir Khlebnikov in the new millennium*] (pp. 342–352). Moscow, IMLI RAN Publ.

- [11] Khlebnikov, V.V. (1986). *Tvoreniya* [Creations]. Moscow, Sovetskii pisatel Publ.
- [12] Sharaeva, T.I. (2007). Kul'tovye ob"ekty kalmykov: gora Bogdo [The Kalmyk Places of Worship: Mount Bogdo]. *Vestnik kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences], 32(4), 43–48.
- [13] Khlebnikov, V.V. (2001). *Poeziya. Proza. Dramaturgiya. Publicistika* [Poetry. Prose. Dramaturgy. Publication]. Moscow, SLOVO Publ.
- [14] Panov, M.V. (2000). Sochetanie nesochetaemogo [Combination of the Incompatible]. *Mir Velimira Khlebnikova: stat'i, issledovaniya (1911–1998)* [The World of Velimir Khlebnikov: articles, research (1911–1998)] (pp. 303–332). Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ.
- [15] Mandel'shtamm, O.E. (1990). *Sochineniya* [Works]: in 5 vols. Vol. 1. Stikhotvoreniya. Perevody [Verses. Translation]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ.
- [16] *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]: in 7 vols. Vol. 3: Kvarner – Kongur. (1973). Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ.
- [17] Hansen-Love, O.A. (2003). *Russkiy simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoe-ticheskii simvolizm. Kosmicheskaya simbolika* [Russian symbolism. The system of poetic motifs. Mythopoetic symbolism. Space symbols]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt Publ.
- [18] Cvetaeva, M.I. (1994). *Sobranie sochineniy* [Collection of works]: in 7 vols. Vol. 3. Poemy. Dramaticheskie proizvedeniya [Poems. Dramatic works]. Moscow, Elis Lak Publ.
- [19] Avanesov, R.I. (Ed.). (1989). *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian Language (XI–XIV centuries)]: in 10 vols. Vol. 2. Moscow, Russkii yazyk Publ.
- [20] Parnis, A.E. (2003). “Evraziyskie” konteksty Khlebnikova: ot “kalmytskogo mifa” k mifu o “edinoy Azii” [Khlebnikov’s Eurasian Contexts: From the “Kalmyk Myth” to the “United Asia Myth”]. *Evraziyskoe prostranstvo: zvuk, slovo, obraz* [The Eurasian Space: Sound, Word, Image] (pp. 299–344). Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ.

Article history:

Received: 10 March 2020

Revised: 12 March 2020

Accepted: 25 March 2020

For citation:

Ganin, M.V. (2020). “Singing mountains” in the late Khlebnikov’s poetic manner: Geognostic code in the autocommunicative model. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 214–225. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-214-225>

Bio note:

Maxim V. Ganin, Ph.D., Associate Professor of the Department of Russian Literature and Cultural Studies of I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University. E-mail: isaaa@ya.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-226-233
УДК 821.16.1

Научная статья

У истоков эпопейного труда (к истории первой главы романа В.П. Астафьева «Прокляты и убиты»)

А.И. Именных

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

Аннотация. В статье рассматриваются два ранних черновых автографа первой главы романа В.П. Астафьева «Прокляты и убиты», обнаруженные в Государственном архиве Пермского края. Они детально сопоставляются друг с другом и с дефинитивным текстом, что позволяет впервые прояснить некоторые существенные аспекты творческой истории вершинного произведения Виктора Астафьева на ее начальном этапе. Проведенный анализ дал возможность понять последовательность и смысл ряда авторских решений. Стало очевидно, что по мере вызревания замысла художественная образность и стилистика романа ужесточались. Это сказалось и в переделке заголовочного комплекса, и в смене изобразительного ракурса, усилении эпического начала, повышении роли пантонального звукового ряда. Биографически мотивированным явилось изменение имени и фамилии главного героя Лешки Шестакова (первоначально – Толи Мазова). В то же время выявление различий между рукописными черновиками и окончательным вариантом показало, что они не затрагивают концептуальной сути эпоеи. Мысль о войне как противоестественном состоянии мира, чередой событий, непоправимо травмирующих человеческую природу, объединяет все варианты, лишь приобретая большую экспрессивность по ходу работы Астафьева над книгой.

Ключевые слова: Виктор Астафьев, «Прокляты и убиты», роман, текстологический анализ, творческая история произведения, вариант

Введение

В Государственном архиве Пермского края хранятся два черновых автографа первой главы романа В.П. Астафьева «Прокляты и убиты» [1]. В одном – девятнадцать листов формата А4, заполненных с обеих сторон, в другом – два таких же листа. На первой странице большого черновика (далее – Д. 568) рукой автора выведено: «В. Астафьев. Запасной полк. Глава первая». В архиве название документа дополнили пометой «Черновые наброски романа “Прокляты и убиты”». Заголовок на первой странице малого черновика (далее – Д. 1288), также написанный рукой автора: «Виктор Астафьев. Прокляты и убиты – роман. Книга первая – Чертова яма». Тексты содержат авторскую правку, они не завершены, специальные пометы, датировка и локализация отсутствуют.

© Именных А.И., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Вместе с другими документами семьи Астафьевых (Виктора Петровича и его жены Марии Семеновны) автографы поступили на хранение в Государственный архив Пермской области (ныне – ГАПК) из Академгородка под Красноярском еще при жизни писателя, в 1994 году. До сих пор они опубликованы не были и никаким другим способом в научный оборот не вводились. Таким образом, эти рукописи являются ранее не учитывавшимся звеном в творческой истории астафьевского романа.

Обсуждение

Сопоставление обнаруженных черновиков с итоговым, опубликованным текстом позволяет лучше представить процесс развития авторской мысли, глубже понять замысел эпопейного труда.

Как уже указывалось, Д. 568 называется «Запасной полк», Д. 1288 – «Прокляты и убиты – роман. Книга первая – Чертова яма», что совпадает с заголовочным комплексом дефинитивного текста. Возникает вопрос: рассматривал ли Астафьев название «Запасной полк» в качестве возможного заглавия всего романа или это было заглавием первой книги? В мае 1966 года он написал жене из Новосибирска: «А дальше – сосны и место моей службы, так и напрашивается начало моей будущей повести о запасном полку. Но пока не до нее».

Спустя почти десять лет Астафьев пришел к окончательному названию романа. 19 июня 1975 года он адресовал директору издательства «Советский писатель» Н.В. Лесючевскому просьбу включить в перспективный план изданий его роман «Прокляты и убиты» [2]. Еще через три года, в мае 1978 года, в письме своему другу Вадиму Летову поделился желанием купить дом на родине, в селе Овсянке (1), и сесть за книгу о войне: «Надумывается трилогия – запасной полк, фронт, после фронта». Так или иначе, в обоих случаях заголовок с нейтрального меняется на эмоционально окрашенный.

Начало обоих черновых вариантов соответствует фабуле романа: морозным днем на железнодорожную станцию в Бердск приходит поезд. Однако далее появляются существенные расхождения. Так, в Д. 568 главного героя, вышедшего на перрон, зовут не Лешка Шестаков, каким он станет в итоговом тексте, а Толя Мазов. Примечательно, что так звали персонажей двух произведений Астафьева: повести «Кража» и рассказа «Через повешение» (2). Появление фамилии Мазов в повести «Кража» косвенно указывает на то, что Д. 568 относится ко времени, предшествующему написанию этой повести, то есть до 1966 года.

Не менее важен автобиографический момент: фамилия Мазов дорога писателю потому, что это фамилия его прадеда – Якова Максимовича, человека, по словам Астафьева, «могучего, самовитого, трудолюбием от Бога наделенного» [3. С. 8]. Связь с железной дорогой также очевидна: после школы будущий писатель поступил в Красноярскую железнодорожную школу ФЗО на станции Енисей, потом работал помощником машиниста паровоза. Таким образом, последующие изменения могут быть обусловлены сменой художественной оптики: отказом от прямых параллелей с собственной биографией и желанием создать дистанцию между личным опытом и многолинейным сюжетом.

Это заметно при сличении дефинитивного текста с первоначальными вариантами. Примечательно, что во всех вариантах большая, едва ли не перво-степенная роль принадлежит звуковым образам, звуковым картинам, которые глубже и выразительнее любых рациональных описаний передают душевное состояние человека, ступившего на дорогу войны, дорогу смерти.

Д. 568 начинается с описания станции Бердск поздней осенью 1942 года. Из одного вагона вышел новобранец, которого зовут Толя Мазов. Он увидел дежурного станции, и тот сказал, куда ему нужно двигаться, чтобы выйти к своей части. Дорогу ему показывают и другие солдаты, проходящие мимо. Новобранец идет по дороге, в повествование вплетаются сцены из его жизни до войны. Трудовой путь Толя Мазов начал как раз на железной дороге. Он думает о паровозной «пробке», свидетелем которой стал, представляет, из-за чего она случилась и как должны были бы поступить машинисты и дежурный по станции. Его мысли накладываются на какофонию звуков, доносящихся со станции: орал дежурный, рывкали паровозы, громыхал железнодорожный состав, рядом с Толей кричали воробы. Постепенно звуки становились глуше, наступала «туманная, густая тишина», в которой ощущались настороженность и беспокойство.

Вдруг со стороны леса, из этой сумрачной тишины, начали проступать новые звуки, что-то протяжное, «тревожное и пока еще неуловимое».

Тяжкое «а-а, а-а, а-а-а...» стала различаться в темном лесу. Толя догадался, что это солдатская песня. Она все «отчетливей и ясней выступала из неподвижно застывшей земли, из самых ее недр» [1].

Толя различает «Вставай, страна огромная...». Какие-то ниточки рвутся в его душе, он понимает, что связь с прошлым оборвана и прежняя жизнь никогда не вернется. «Будущее брало за горло, сжимало его твердыми пальцами и заставляло пристраиваться к себе и шагать в едином строю, в едином ритме, дышать единым дыханием: “Вставай страна огромная...”».

В процессе работы Астафьев, видимо, попробовал испытать иной путь изображения.

От первоначального варианта, согласно которому новобранец Толя Мазов идет в свою часть один, самостоятельно, в итоговом тексте автор отказался. Поэтому описание железнодорожной станции и все эпизоды, так или иначе связанные с работой железной дороги, со взаимоотношениями дежурных и машинистов, подверглись редукции. Отсутствует, в частности, паровозная «пробка». Нет речи о работе Толи на железной дороге.

Совсем нет в более позднем Д. 1288 и песенных образов. Но в дефинитивном тексте Астафьев к ним вернулся и музыкальную тему, намеченную в Д. 568, развил еще глубже.

В Д. 568 слова «Священной войны» Толя повторяет за теми еще не знакомыми ему солдатами, с кем он уже был этими словами и их мелодией накрепко связан. Он слышал море голосов, в котором катились волны уже разных других песен – беззаботных, удалых, грустных. Но спазмой в горле оставалась и над всеми господствовала «одна, самая грозная и, может быть, самая печальная из всех песен, какие когда-либо рождались на земле “Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...”» [1].

В окончательном тексте изобразительный ряд бесконечно расширяется. Лирическая образность сменяется эпической. Уже не один Толя Мазов идет по дороге от станции, а масса молодых, только что призванных в армию солдат, еще не вполне осознавая того, что происходит, движется прямо в огонь войны: «И вдруг дужкой железного замка захлестнуло сердце: “Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой...” – грозная поступь заняла даль и близь, она властвовала над всем остывшим, покорившимся миром, гасила, снимала все другие, слабые звуки, все другие песни, и треск деревьев, и скрип полозницы, и далекие гудки паровозов – только грохочущий, все нарастающий тупой шаг накатывал со всех сторон и вроде бы даже с неба, спаянного с землею звенящей стужей. Разрозненно бредущие новобранцы, сами того не заметив, соединились в строй, начали хлопать обувь по растоптанной, смешанной со снегом песчаной дороге в лад грозной той песне, и чудилось им: во вдавленных каблучках ямках светилась не размичканная брусника, но вражеская кровь» [1].

Лейтмотивом принципиально расширившегося звукового полотна по-прежнему остается «Священная война». Грозная гармония распевного марша создает контрапункт к звуковому хаосу, рожденному прибытием железнодорожного состава с молодым пополнением. Она несет весть о неминуемой кровавой жертве. И в Д. 568, и в дефинитивном тексте Астафьев не ограничился призывной первой строчкой «Вставай, страна огромная...», но дал ее трагическое продолжение: «Вставай на смертный бой».

Рукопись Д. 1288 начинается с того, что в «железную стужу» на станцию (названия вначале нет, слово «Бердск» появится позже) пришел состав. Описание дано через развернутую какофонию резких, скрежещущих звуков. «Поезд звякнул, захрустел мерзло <...>, остановился в изнеможении, но еще долго скрежетало, постукивало и визжало под поездом и в поезде железо. Отвердевшие звуки словно крошились в стужу, ломко отдаваясь в зубах, хрустя во рту, в ушах, острой россыпью проходили по засохшему горлу» [1].

Только развернув эту скрежещущую прелюдию, автор перешел к описанию прибывших. Из вагона «не прыгнул, а с отчаянной решимостью ухнул вниз» военный, приказав шестой команде выходить. Перрон заполнился красноармейцами. Среди них Лешка Шестаков, однако внимание автора больше привлекает командир – старший сержант Яшкин. Заканчивается текст изображением новобранцев.

Образы Д. 1288 сохранились в окончательном тексте с некоторыми изменениями. Прежде всего, они относятся к характеристикам героев. Так, вначале старший сержант Яшкин предстает как «...человек тощий, крикливый и какой-то весь [нрзб.]. Он даже в вагоне, у печки пребывал в на все пуговицы застегнутом шлеме, в шинели, тоже застегнутой, с поднятым воротником и когда ел, снимал только одну, правую рукавицу, да и ту все время искал глазами, и видно было ждет не дождется, как бы поскорее надеть ее и успокоиться. И голос, звучащий из мокрого от дыхания шлема, на котором железные пуговицы окислились и заржавели, звучал сдавленно, потому что сырое сразу схватывалось на морозе, пристыло к подбородку, сдавило рот командиру» [1].

В дефинитивном тексте портрет старшего сержанта выглядит объемнее, красочнее, выразительнее. Образ обрел психологическую детерминированность, которой прежде не было.

«У сержанта к рукаву шинели была привязана повязка, какие нацепляют людям, стоящим в почетном карауле. Он и назвался старшим караула по карантину. Яшкин уже побывал на фронте, имел орден, в запасном полку он оказался после госпиталя, с маршевой ротой вот-вот снова уйдет на передовую из этой чертовой ямы, чтоб она пропала, провалилась, сгорела в одночасье – так заявил он. Был Яшкин малоросл, худ, зол. Борода у него почти не росла, реденько торчало что-то на прогнутых непробритых санках челюсти, да сорно лепилась редкая поросль под носом, глаза желтые, унылые, кожа под ними мелко сморщенная, на лбу тоже желта. Он грелся, налегши грудью на печку, толсто заваленную перекаленным песком, ежился спиной, со щенячьим скулежом втягивал воздух, спрашивал табаку, хлеба, сала» [4. С. 11–12].

Более развернутым, психологически акцентированным стало описание выхода молодых красноармейцев из поезда.

В Д. 1288: «Дверь отворилась, хлынуло парное из-под нее тепло, постоял в проеме военный, выглянул, передернулся и не прыгнул, а с отчаянной решимостью ухнул и, едва коснувшись сапогами ступеней и мерзлой щебенки, закричал, точнее, заблеял: “Н-ня-а выхооо-од! Шестая команда на выход!” – Никто не выходил, и, подождав маленько, <...> за поручень, подпрыгнул, подтянулся на ступеньку и заорал уже сердито: “Я кому сказал – шестая на выход!..”

И зашевелился поезд, зазвучал, посыпались из него люди с котомками, сделанными из деревенских холщовых мешков, и тут же сделалось пестро на тихой станции, пестро, дымно, бестолково-суетно – то и дело слышалось: «шестая команда ко мне», «девятая сюда, сюда», «восьмая, твою мать, оглохли что ли?» [1].

В окончательном тексте: «Когда новобранцев выгоняли из вагонов какие-то равнодушно-злые люди в ношеной военной форме и выстраивали их подле поезда, обляпанного белым, разбивали на десятки, затем приказали следовать за ними, новобранцы все вертели головами, стараясь понять: где поют? кто поет? почему поют?» [4. С. 9]. Еще раньше, находясь в поезде, они слышали вой со стороны леса и только через некоторое время догадались, что это пение.

Заключение

Стилевой почерк Астафьева заметно ужесточился. Психологические и портретные детали («какие-то равнодушно-злые люди в ношеной военной форме», «новобранцы все вертели головами, стараясь понять... почему поют?» и др.) создают эффект отстранения, усиливая представление о войне как противостоительном состоянии мира, воплощении тех сил и условий, которые противоположны человеческой натуре.

Помимо этого, отличия между черновыми автографами и дефинитивным текстом относятся, прежде всего, к заголовочному комплексу, к смене художественной оптики, усилению эпического начала, повышению роли звукового ряда.

Последнее представляется особенно знаменательным. С известными оговорками вполне допустимо провести аналогию с тем состоянием, которое переживал А.А. Блок, создавая поэму «Двенадцать». В предисловии к «Возмездию» (1919) он указал на то, что вообще «привык сопоставлять факты из всех областей жизни <...> и уверен, что все они вместе всегда создают единый музыкальный напор» [5. С. 297].

С исключительной силой эта особенность проявилась в январе предыдущего, 1918 года, когда складывались строки «Двенадцати». Поэт записал: «Страшный шум, возрастающий во мне и вокруг. Этот шум слышал Гоголь» [6. С. 387]. И через два года, вспоминая эти дни: «Оттого я и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно было писано в согласии со стихией: например, во время и после окончания «Двенадцати» я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг – шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира)» [7. С. 474]. Из этого «единого музыкального напора» появилась великая поэма.

Подобных признаний Астафьев не оставил ни в записных книжках и дневниках, ни в статьях и интервью. Но «музыкальный напор», возрастание которого, как свидетельствует проведенное сопоставление ранних рукописей, все больше воздействовало на него, похоже, имел ту же поэтическую, «блоковскую» природу. Он тоже сначала слышал свой вершинный роман и, трудясь над текстом, перерабатывая его, во многом подчинялся именно звуковой стихии. И вообще, музыкальная сторона прозы Астафьева (прежде всего романа «Царь-рыба», пасторали «Пастух и пастушка» и др.) заслуживает отдельных исследований.

В любом случае без учета пермских черновиков невозможно воссоздать творческую историю последнего эпического произведения В.П. Астафьева и особенно эволюцию его грандиозного замысла, который волею судьбы ему не дано было воплотить в полном объеме.

Примечания

- (1) Через два года, вернувшись в Овсянку, где он родился, писатель осуществил свою мечту. Астафьев хотел поселиться в бабушкином доме, но люди, жившие там, отказались продать его. Пришлось купить домик поблизости, через дорогу напротив.
- (2) Рассказ «Через повешение» был написан в то время, когда Астафьев работал над «Проклятыми и убитыми», и, возможно, писатель видел его как часть романа. Но в итоге он не вошел в роман и при жизни автора публиковался как самостоятельное произведение.

Список литературы

- [1] Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-1659. Д. 568, 1288.
- [2] Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1234. Оп. 23. Ед. хр. 25.
- [3] Астафьев В. Подводя итоги // Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Т. 1. Красноярск: Офсет, 1997.
- [4] Астафьев В. Прокляты и убиты // Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Т. 10. Красноярск: Офсет, 1997.
- [5] Блок А.А. Предисловие [к поэме «Возмездие»] // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. М. – Л.: ГИХЛ, 1960.

- [6] Блок А.А. Записные книжки: 1901–1920. М.: ГИХЛ, 1965.
[7] Блок А.А. Из «Записки о “Двенадцати”» // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. М. – Л.: ГИХЛ, 1960. С. 474.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 марта 2020 г.

Дата принятия к печати: 25 марта 2020 г.

Для цитирования:

Именных А.И. У истоков эпической поэмы (к истории первой главы романа В.П. Астафьева «Прокляты и убиты») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 226–233. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-226-233>

Сведения об авторе:

Именных Анастасия Ивановна, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: a.imennykh@gmail.com

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-226-233

Research article

**At the origins of epic work
(to the history of the first chapter of
V.P. Astafiev’s novel “Damned and Killed”)**

Anastasiia I. Imennykh

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, bldg. 51, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to two early draft autographs of the first chapter of V.P. Astafiev’s novel “Damned and Killed”, discovered in the State Archive of the Perm Krai. They are compared in detail with each other and with the definitive text, which allows to clarify for the first time some essential aspects of the creative history of the work of Victor Astafiev at its initial stage. The analysis made it possible to understand the sequence and meaning of a number of author’s decisions. The artistic imagery and stylistics of the novel tightened. This was reflected in the alteration of the title complex, as well as in a change in the visual angle, in strengthening the epic principle, and the increasing role of sound. Biographically motivated was the change in the name and surname of the protagonist Lyosha Shestakov (originally – Tolya Mazov). At the same time, the identification of differences between handwritten drafts and the final version showed that they do not affect the conceptual essence of the epic novel. The idea of war as an unnatural state of the world, as a series of events that irreparably traumatize human nature, unites all options, acquiring great expressiveness during the course of Astafiev’s work on the book.

Keywords: Victor Astafiev, “Damned and Killed”, novel, textual analysis, creative history of the work, variant

References

- [1] State archive of the Perm Krai. F. R-1659. С. 568, 1288.
- [2] Russian State Archive of Literature and Art. F. 1234. L. 23. St. Un. 25.
- [3] Astafiev, V. (1997). Podvodya itogi [Summarize]. In V. Astafiev, *Collected works: in 15 vols. (vol. 1)*. Krasnoyarsk, Offset Publ.
- [4] Astafiev, V. (1997). Proklyaty i ubity [Damned and Killed]. In V. Astafiev, *Collected works: in 15 vols. (vol. 10)*. Krasnoyarsk, Offset Publ.
- [5] Blok, A.A. (1960). Predislovie (k poeme “Vozmezdie”) [Preface (to the poem “Retribution”)]. In A.A. Blok, *Collected works: in 8 vols. (vol. 3)*. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literature Publ.
- [6] Blok, A.A. (1965). *Zapisnye knizhki: 1901–1920 [Notebooks: 1901–1920]*. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ.
- [7] Blok, A.A. (1960). Iz “Zapiski o ‘Dvenadcati’ ” [From “Notes about the ‘Twelve’ ”]. *Collected works: in 8 vols. (vol. 3)*. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literature Publ.

Article history:

Received: 10 March 2020

Revised: 12 March 2020

Accepted: 25 March 2020

For citation:

Imennykh, A.I. (2020). At the origins of epic work (to the history of the first chapter of V.P. Astafiev’s novel “Damned and Killed”). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 226–233. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-226-233>

Bio note:

Anastasiia I. Imennykh, Ph.D. student of the Department of History of Modern Russian Literature and Modern Literary Process of Lomonosov Moscow State University. E-mail: a.imennykh@gmail.com

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-234-246
УДК 821.16.1

Научная статья

Русская и русскоязычная проза в ситуации мультикультурности: опыт Казахстана

У.В. Овчеренко, И.В. Монисова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

Аннотация. Статья посвящена современному литературному процессу в Казахстане – его русскому и русскоязычному сегменту – на фоне интеграционных движений в мире и специфических культурных процессов на постсоветском пространстве. Выявляется, насколько изменились за последние десятилетия в регионе положение и роль литературы, создаваемой на русском языке, как выражается на нем иная идентичность, менталитет иной культуры и как эта культура, в свою очередь, воздействует на тексты русскоязычные. Делается попытка проследить основные тенденции в развитии современной казахстанской литературы на русском языке, в связи с чем анализируются произведения И. Одегова, Г. Дорониной, Х. Адибаева, Д. Накипова, А. Жаксылыкова и др. Делается вывод о том, что русский язык и после утраты им бывшего статуса остается востребованным в литературе не только этническими русскими, но и казахами-билингвами, успешно экспериментирующими с тюркизмами. При этом русские авторы озабочены сохранением национальной идентичности, что мотивирует обращение к классике и национальному фольклору, тогда как казахские больше ориентированы на пространство мировой литературы.

Ключевые слова: литература Казахстана на русском языке, двуязычие, современная проза, культурный диалог, идентичность, мультикультурность, интеграция, диалог с Другим

Введение

Современный мир, в том числе и постсоветское пространство, несмотря на официальные границы, политические конфронтации, исторические претензии, санкции и т. п., представляет собой интегрирующуюся реальность. Разные национальные культуры (и литературы в частности) не только входят в тесное взаимодействие и диалог, но и порой являют миру самые разнообразные гибридные формы и синкретические образования. Взаимодействие с иной языковой, политической, культурной средой, постоянный диалог с Другим (по Бахтину) – это новая реальность, в которой возникает вопрос о продуктивности взаимодействия «своего» и «чужого» и/или «другого» в развитии любой национальной литературы, что, безусловно, актуализирует и обогащает на современном этапе идеи А. Веселовского, В. Жирмунского, Н. Кон-

© Овчеренко У.В., Монисова И.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

рада, Ю. Тынянова, М. Бахтина, Ю. Лотмана. В этой связи основополагающей можно считать устоявшуюся в мировых гуманитарных исследованиях мысль о том, что «границы в пространстве культуры наделены способностью не только разделять, но и связывать, выступая местом встречи разнородных смысловых потоков и рождения новых смыслов» [1].

Феномен билингвизма и проблема диалога культур имеют свою специфику в условиях постсоветского пространства, где совмещение родного для титульной нации и русского (в недавнем прошлом государственного) языков по-прежнему происходит на уровне сознания и коммуникации, где есть немалая русскоязычная аудитория и мотивация расширить ее за счет российской. Эта проблематика очень актуальна для современного Казахстана.

Русская и русскоязычная казахстанская проза в ситуации мультикультурности

Новейший литературный процесс в Казахстане представляет собой явление разнообразное и сложное, не исключение и та его часть, которая касается авторов с русской идентичностью и казахов, предпочитающих писать по-русски в ситуации, когда русский язык утратил статус государственного. Сегодня русская литература существует и развивается в окружении литературы на казахском, при нарастающем присутствии английского языка в жизни страны, что, разумеется, привносит свой колорит в формирование общего литературного процесса. В стране действуют разнообразные русскоязычные издания – как толстые литературные журналы, так и популярные интернет-издания. В течение последних десятилетий после распада СССР русскоязычная казахстанская литература переживает заметный подъем и обновление в области стилистики, жанров и выбора литературных направлений. Казахские писатели более не ограничиваются заданными в Европе жанровыми канонами, а органично сочетают их с типично восточными формами поэзии и прозы, связанными с казахской культурой исторически. Важно в этом контексте условиться о различии работающих в одном культурном пространстве русских и русскоязычных писателей, которого придерживается большинство казахстанских литературоведов и критиков: к русскоязычным относятся писатели-билингвы, то есть этнические казахи, пишущие на русском языке, а к русским – этнические русские, пишущие на своем родном языке. Подобное разделение актуально по ряду причин: русская и русскоязычная литература различаются стилистически и тематически, нередко отражают описываемую реальность под разными углами зрения, используя различающиеся формы рефлексии. Например, темой творчества становится не только современная жизнь, но и воспоминания о советском прошлом, на которое приходится молодость и становление личности литературного героя того или иного произведения. Таковы персонажи романов А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» и Д. Накипова «Круг пепла». Осмысливая прошлое, русские авторы опираются, как правило, на опыт мемуаристики классической русской литературы, тогда как русскоязычные писатели преломляют события макроистории сквозь национальную микроисторию, данную в личностных переживаниях и действиях персонажей. Актуальной для русскоязычных авторов остается проблема экологии, последствий испытаний на Семипала-

тинском ядерном полигоне. Так, в романе 2014 года «Синхро» С. Каирханова затрагивается эта все еще не пережитая казахстанцами травма, а А. Жаксылыков посвящает данной трагедии трилогию «Сны окаянных».

Что касается литературных направлений, то современной казахстанской прозе конца 1990-х – начала 2000-х годов свойственно тяготение к постмодернистской европейской традиции, эксперименты не только с материалом, но и языком. На лингвистическое своеобразие казахстанской литературы стоит обратить особое внимание: по сути, русскоязычные казахстанские писатели расширяют границы русского языка, его выразительные возможности. Синтез русских и казахских произносительных норм, выполненный в рамках литературного русского языка, не только придает тюркский колорит русскоязычному тексту, но и демонстрирует то, насколько гибок и подвижен язык как средство выражения культурных и языковых особенностей. Подбор, к примеру, сингармоничных элементов русской орфоэпической нормы, родственных по духу и звучанию исконному казахскому сингармонизму, позволяет читателю «слышать» казахскую речь, выраженную при этом русским языком. Например, для казахского языка характерна следующая словообразовательная модель: чтобы создать превосходную степень прилагательного, необходимо повторить корень искомого прилагательного, добавив к нему суффикс «п», и присоединить новую конструкцию к исходному прилагательному. Таким образом, из «жасыл» – «зеленый» получается «жап-жасыл» – «очень зеленый». Д. Накипов творчески осмысляет эту словообразовательную модель, создавая существительное «хор-хорёчек», оставляя и русский уменьшительно-ласкательный суффикс существительного, и казахскую модель словообразования. В данном случае автор не ставит перед собой цель видоизменить грамматические нормы – он пытается добиться такого акустического эффекта, при котором бы распознавалась казахская речь, при этом сохраняя русскую грамматику. (Отметим здесь, что русские авторы к подобным приемам не прибегают.) Сказанное не означает, что постмодернистский вектор единственный в современной литературе Казахстана, ее представляют и писатели, тяготеющие к реалистической эстетике, например билингв Р. Сейсембаев и русский Г. Доронин.

Стоит особо отметить, что обе группы писателей выделяют своих предшественников. Так, русские писатели Казахстана обращены непосредственно к русской и европейской литературной традиции. На творчество русскоязычных писателей Казахстана во многом влияет наследие Олжаса Сулейменова, заявившего о себе еще в эпоху шестидесятников, известного своими поэтическими произведениями, а также книгой «Аз и Я», посвященной выявлению скрытых тюркизмов в «Слове о полку Игореве». Несмотря на то что последняя была отвергнута научным сообществом, именно она стоит у истоков самой идеи билингвальности литературного произведения и влияет на многих тюркоязычных писателей и поэтов. Идея синтеза разных картин мира и языков весьма привлекательна и по-прежнему актуальна в условиях полинациональной среды Казахстана:

Нет Востока, и Запада нет.
 Нет у неба конца.
 Нет Востока, и Запада нет,
 Два сына есть у отца.
 Нет Востока, и Запада нет,
 Есть Восход и закат,
 Есть большое слово – ЗЕМЛЯ! [2]

Н. Сагандыкова отмечает, что переводы Сулейменова на казахский язык были не столь успешными, как оригинал, написанный на русском. Причина этого, по мнению исследователя, в том, что силлабическая система казахского стихосложения лучше осваивает произведения русских поэтов, написанные трехсложными размерами, а также пяти–шестистопным ямбом и хореем. Поэтому, говоря о поэтических переводах с русского на казахский язык, она замечает, что «читатель от их прочтения не получает того эстетического удовольствия и радости, как от прочтения оригинала...» [3]. Это умозаключение важно в контексте анализа выразительных средств, используемых русскоязычными писателями Казахстана. Столкнувшись с неудачными результатами переводов с русского на казахский язык, современные русскоязычные авторы задумались над адаптацией выразительных средств, предлагаемых русским языком, с целью вместить в него и некоторые элементы казахского сингармонизма и силлабики. Например, казахской литературной речи свойственно сопровождать существительное сразу несколькими прилагательными, что сообщает повествованию некоторую напевность. В текстах Накипова на русском языке находим аналогичный прием: для описания действия или состояния он использует несколько частей речи подряд и пишет их через дефис, создавая таким образом не только определенный ритм повествования, но и ощущение текучести действия или образа, невозможности разделить его на стадии: «медленно-слишком долго», «нора-обиталище», «тихий-смирный-нежный-грустный», «прошло-улетело».

Как можно определить основные тематические и стилевые тенденции, актуальные для современной русскоязычной прозы Казахстана? Глобализация литературного процесса существенно продвинула казахстанскую литературу – авторы успешно осваивают общемировые проблемы бытия, тогда как интерес к остросоциальным темам, характерный для казахстанского литературного процесса советского периода, отступает на второй план. Х. Ортега-и-Гассет говорил о том, что мы воспринимаем и жизнь, и предметы искусства через призму собственного сознания, словно человек, который смотрит на сад через окно [4]. Образно говоря, казахстанских авторов сейчас все больше интересует не сад как объект изображения и не факт того, что мы смотрим на сад через окно – авторы обратили свое внимание к самому окну. Почему сад видится именно таким и именно через это окно – вот главный вопрос современной литературы. Н. Сарсекеева отмечает возрастающую долю эссеизма в литературе, возобладание над повествованием авторской рефлексии: «Яркие, запоминающиеся мыслеобразы, “вторжение” автора в структуру повествования как доминирующие признаки стиля отличают прозу новейшего периода независимо от того, какие тенденции в ней преобладают – реалистические (“неоклассические”), модернистские или постмодернистские» [5]. Не описание, но восприятие современности, разговор о ней с читателями в разных формах выходят на первый план в литературе, при наличии сюжета последний подчиняется авторской рефлексии, движем ею, часто в повествовании освещаются лишь события, отмеченные личным опытом и эмоциональными оценками персонажей.

Сарсекеева выделяет такое литературное течение, как «новый» интеллектуальный казахстанский роман рубежа XX–XXI веков (Х. Адибаев, Д. Наки-

пов, А. Жаксылыков и др.), в котором преобладает «безгеройность» повествования (в смысле отсутствия героя-протагониста), «ломаный» сюжет (исследователь называет так сюжет, протекающий в разных временах и/или пространствах). «Казахская проза периода независимости отличается тенденцией к синтезу различных методов и жанровых экспериментов, поисками оригинального стиля» [6]. К примеру, жанр одного из выдающихся текстов последних лет – романа Д. Накипова «Круг пепла» – определен самим автором как «роман интенций», между тем произведение признано исследователями первым постмодернистским казахстанским романом, свободным от влияния западных тенденций. А. Жаксылыков и А. Жаппарова отмечают, что «Круг пепла» представляет собой гипертекст, «сотканный из огромного количества микротекстов, интертекстов, реминисценций, аллюзий с локализованными темами и подтемами и общим концептуальным планом» [7]. Действительно, тексту романа свойственны фрагментарность и расфокусированность субъекта: повествование, переходящее от одного к другому из пяти персонажей перемежается с песнями самионов, картинами их быта и мифами, а также описанием жизни на планете-близняшке, иронией и черным юмором, эротизмом, присутствием постмодернизму в целом [8]. Можно предположить, что, помимо прочего, такое повествование ориентировано на айтматовский «код» (современность + древние притчи + космическая тема), хотя у Накипова мир самионов и оносамов выстроен в отдельную сюжетную линию («прошлое – альтернативное настоящее»), которая реализует философию романа. Кроме этого, в произведении усматриваются признаки жанра «романа с ключом». Так, Накипов мифологизирует культурно значимые топосы Алма-Аты 60-х годов XX века – кафе Акку, где велись жаркие философские и культурные споры и собирался мыслящий цвет города, широкую улицу Брод, на которой располагались театры и увеселительные заведения для интеллигенции тех годов (само название «Брод» мифологично – произошло то ли от «Бродвей», то ли от глагола «бродить»). Закодированы также некоторые исторические имена: «...мой город-пространство, где хаживал почти по-калмыцки странный и пестрый чудак Калмык, не по “Слову”, а по-нашему в “тьме тараканьей” возвышенно-гордо (воистину “сал” – здесь: человек искусства. – прим. автор) бормотал бормотухе подзаборные чудные вещи Мукагалище и жуткий Олжасуха, ужасая, “кыз-куу”-ийствовал истово, кого-то ужаривал по половецкому краю, пока не поймал свой “глиняный слог”...» [9]. Без труда в этих шифрах культурная память казахстанцев опознает имена известнейших поэтов и писателей Мукагали Макатаева и Олжаса Сулейменова, расшифровке поддается и имя известного художника Сергея Калмыкова, названного в повествовании Калмыком. Встречается в романе и «реформатор с отметиной на лбу» (далее этого героя называют «меченый»), в котором без труда опознается фигура М. Горбачева. Накипов прибегает к жанру «романа с ключом» для отображения сути истории, зашифрованной и мифологизированной, что заставляет осмыслять и жизнь самого творца как миф [10]. Можно вычленив в романе и элементы антиутопии: параллельно с «настоящей» реальностью существует вселенная, где две планеты-близняшки – Земля и безымянная голубая планета – связаны кругом предстояния, заходить за который жителям голубой планеты строго запрещено S-кодексом. Однако один из героев ро-

мана – Раль – обладает способностью входить в круг предстояния, и открывающаяся ему реальность первобытного земного племени самионов завораживает его своей дикой красотой.

Интересен метафорически переданный автором взгляд на историю, особенно на ее «переписывание» победителем. В романе присутствует эпизод, когда молодой самец самионов занялся сексом с такой же молодой, но замужней самкой. Для них обоих это было ничего не значащее приключение в жаркий, сытый летний полдень. Однако вождь племени воспротивился перспективе бесконтрольных соитий и устроил героям позорное погребение. Через десяток страниц читатель узнает, что к месту погребения призываются воины, идущие на охоту или битву, и вождь в обращении к молодым воинам (не заставшим сам инцидент) воспроизводит иную картину событий – случайное соитие подается как инцест. Воины мочатся на позорное место и отправляются в бой. Так демонстрируется недостоверность самого понятия «народной памяти» (весьма актуального для советского периода литературы Казахстана). Д. Накипов переосмысливает традицию, одновременно поднимая проблему достоверности истории. Если даже древние племена прибегали к спекуляции фактами, то что мы *действительно* знаем о событиях прошлого? Можно сделать вывод, что передача макроистории сквозь множество микроисторий есть не что иное, как единственный способ собрать реально совершившиеся события в какое-то подобие единства. Однако культурный феномен народной памяти по-прежнему значим для русскоязычной казахстанской прозы. В противовес героям западного романа, оторванным от своих корней и реальности социума, герои казахстанского романа все еще связаны со своими истоками, память рода достаточно сильна. Эта тенденция отражается в творчестве и постмодернистов, и реалистов, и представителей модернизма: так, в тетралогии А. Жаксылыкова «Сны окаянных» задействована характерная для творчества казахстанских авторов 70-х годов XX века тема Семипалатинского полигона (трагедия, случившаяся на Семипалатинском полигоне, все еще будоражит умы казахстанцев). При этом Жаксылыков, творчество которого тяготеет к модернизму, в передаче экзистенциальной безысходности во многом схож с А. Платоновым и его «Котлованом». Затрагивается проблема физического вырождения человека (используются натуралистичные картины страданий и смерти как данности и обыденности), а также потери индивидуумом национального, исторического самоощущения и ориентации.

Многие произведения казахстанских писателей обращены к экзистенциальной проблематике, в частности к теме тотального одиночества и разобщенности людей. Разрозненность сюжетных линий и взаимная глухота персонажей, обращение героев внутрь себя, что мотивирует определенные нарративные стратегии, – все это сближает русскоязычную казахстанскую прозу с мировыми тенденциями и позволяет ей быть вписанной в мировой литературный контекст. И здесь мы возвращаемся к сказанному выше о субъективном характере передачи того или иного явления или картины действительности. Дело в том, что во многих текстах современных русскоязычных писателей проявляется специфическое «двойничество»: каждый из разобщенных персонажей произведения может выступать отдельной ипостасью самого писателя, а герой появляться в окружении собственных «отражений». Напри-

мер, в романе Х. Абиева «Созвездие близнецов» автор, который именуется врачом, предстает как лирический герой, собственно рассказчик и собиратель мифов. В романе Д. Накипова «Круг пепла» авторская личность как бы разделяется на Балерину, Гевру и Дока. В романе А. Жаксылыкова «Поющие камни» поднимается вопрос о теневой стороне личности: каждый, кто встречается человеку на жизненном пути, есть тень его собственной личности. Так, герой Жан «отражается» в своей меркантильной жене, своим закланым враге и старике, к которому попадает в рабство. Само имя персонажа – Жан – переводится с казахского как «душа», что символически закрепляет предложенную автором концепцию, которая в сущности «отменяет» объективную реальность. Растворение автора в персонажах, а персонажей – в самих себе есть отличительная черта казахстанской прозы в целом. Свойственная национальному менталитету казахов открытость как бы проверяется и осмысливается в пространстве современной литературы, звучит тема утраты идентичности в мире глобализации. Авторы ищут ответ на вопросы: что важнее – личное или общественное? национальное или общечеловеческое? культурная идентичность или осознание себя частицей Космоса? В большинстве случаев ответы получаются отнюдь не однозначными. Итак, творческий и идейно-философский поиск позволил казахским русскоязычным авторам развить национальную литературу в новом направлении, приобщить ее к мировым литературным тенденциям.

Собственно русские авторы в Казахстане также обновляют традиции русской и советской прозы. В стране существует ряд русскоязычных литературных изданий, среди которых толстые литературные журналы «Простор» и «Нива», петропавловский журнал «Провинция», усть-каменогорский «Иртыш», костанайские «Берега» и др. Среди молодых писателей большей популярностью пользуется поэзия, нежели проза, а в уже признанной литературе существенного родового «перевеса» не наблюдается. Если говорить о прозаических жанрах, то наиболее популярным из них является рассказ. Исследователь В. Савельева в статье «Рассказ в новейшей русской прозе Казахстана» выделяет его в качестве первожанра современной русской казахстанской прозы и определяет его жанровые модификации: «...рассказы классического типа (А. Арцишевский, Г. Доронин, С. Назарова, К. Гайворонский, М. Земсков), короткие рассказы (Е. Тикунова, Е. Терских, У. Тажикенова), юмористические рассказы (Р. Соколовский, К. Воскобойников), рассказы-притчи (У. Тажикенова, Г. Бельгер), рассказы-новеллы (О. Марк, О. Шиленко, В. Гордеев, И. Одегов), автобиографические рассказы (Н. Чернова, Г. Бельгер, Б. Каныпьянов, К. Гайворонский), рассказы с элементами мифологизма, фантастики, абсурда и гротеска (Н. Веревошкин, Г. Доронин, А. Рогожникова, М. Величко) и другие» [11]. Как видим, исследователь не разделяет русскую и русскоязычную прозу Казахстана, мы же считаем, что принципиально говорить о художественной специфике той и другой.

Русская литература Казахстана имеет ряд отличительных черт. К примеру, авторы достаточно часто обращаются к русскому фольклору, органично вплетая элементы устного народного творчества в ткань собственного повествования. Так, цикл рассказов Н. Черновой «Кудыкины горы» представляет собой множественные аллюзии на русские сказки и поговорки. Подробному разбору этих

текстов посвящена статья Н. Исиной «Поэтика цикла Н. Черновой “Кудыкины горы”». Исследователь анализирует трансформацию сказочных элементов в современном авторском повествовании или их обнаружение, «прорастание» в новой истории. Например, рассказ «Вина» по сюжетной конструкции и типу персонажа похож на сказку «Морозко»: героиня чиста душой, а жизненные обстоятельства вынуждают ее пуститься в странствия. В рассказе «Сын Пушкина» усматриваются аллюзии на «Снегурочку». Само название цикла отсылает к присказке «на Кудыкину гору, воровать помидоры», а многие из его частей представляют собой по сути стилизованные сказки [12]. Обращенность к фольклору демонстрирует глубокую связь произведений русских писателей Казахстана с традицией литературной сказки, начало которой было положено в дворянских кругах России в XVIII веке. Можно сказать, что русские писатели озабочены проблемой сохранения идентичности, особенно теперь, когда родной язык утратил статус государственного, что дает дополнительную мотивацию их обращению к национальным культурным традициям.

Герой книги рассказов Г. Доронина «Времен(ы)ой роман», по мнению В. Савельевой, отсылает к образу маленького человека, при этом озабоченного гамлетовскими вопросами, и вызывает в памяти целый корпус соответствующих героев русской литературы, в том числе недавних времен: «Он предстает как шукшинский чудик, или едущий в электричке Веничка Ерофеев, или вампиловский циник, маканинский интеллектуал, а может, мамлеевский монстр. Он наделен особым зрением, контактен, но и одинок во вселенной в своих перемещениях во времени, как экспериментатор братьев Стругацких. Этакий экзистенциальный герой сюрреалистических рассказов» [13]. Другой прозаический цикл Доронина, «Мир Вовочки», отсылает читателя к серии известных анекдотов советских времен, причем диссонирует с отмеченной выше тенденцией «опрокидывания» героя внутрь себя, характерной для многих русскоязычных авторов. Если их герои практически замкнуты на себе и пребывают в субъективном пространстве, то сюжеты рассказов из цикла «Мир Вовочки» хоть и содержат интенции героя, но взгляд его определенно фиксирует не внутреннюю, а объективную реальность, именно ее анализирует герой и ёрничает над ней. Семиклассник Вовочка активно воспринимает действительность и, как любой подросток, примеряет ее на себя, пытается вместиť ее в свою картину мира, по ходу дела эту же картину подправляя. На вопрос сочинения: «Чего больше всего на свете?» – Вовочка резонно отвечает: «Больше всего на земле рекламы... Может быть, только вранья больше... Но это как посмотреть, потому что вранье часто и есть реклама» [14]. Далее вся повествовательная линия рассказа «Мыльные пузыри» строится на различных текстах рекламы и интерпретациях заглавным героем и его окружением этой рекламы. Стилль данного цикла Доронина напоминает стилль «Компромиссов» С. Довлатова – общее настроение и тональность юмора, использованный жанр рассказа-анекдота позволяют провести эту литературную параллель.

Среди русских писателей Казахстана выделяется И. Одегов, лауреат национальных и международных литературных премий, занявший прочную нишу в казахстанской литературе. Цикл его рассказов «Любая любовь» имеет авторское жанровое определение – «концерт в 7 частях» и демонстрирует мастерское владение автором интермедиальной техникой письма. Исследова-

тель О. Трутнева пишет: «В концерте “Любая любовь” Илья Одегов... возвращается к литературному эксперименту... Все части “Любой любви” написаны в своем ритме, в своем музыкальном жанре. Здесь и вальс, определяемый троекратными повторениями слов, действий, событий, и джаз, позволяющий героям солировать по очереди, и фолк, блюз, даже шансон. Эти отдельные, казалось бы, рассказы переплетаются сюжетами, героями, деталями в единый концерт, где каждый новый фрагмент звучит в унисон с состоянием души героя» [15]. Действительно, первая часть цикла – «В одной лодке» – представляет собой «вальс» с трехтактной структурой ритма, наложенного на повествование. Трехтактные повторы намечены и лексически («раз-два-три»), и композиционно. «За дверью» – вторая часть «концерта», призванная воплотить джазовые ритмы. На протяжении повествования неоднократно звучит саксофон, а ритмическая организация текста позволяет оценить сначала стремительно нарастающую скорость, а затем финальное замедление джазовой композиции, воплощенной в тексте. Третья часть концерта – «Чудовище» – отсылает к фольклорным мотивам, выбран и соответствующий жанр музыки – фолк. Используется мотив оборотничества, но в отличие от сказочного сюжета, где чудовище превращается в прекрасного принца, в третьей части концерта все происходит наоборот – герой Еркен в глазах обманутой женщины приобретает черты чудовища. «Благодарность» (четвертая часть) – это шансон, а «По ту сторону реки» (пятая часть) – это блюз. Шестая часть цикла («На одной линии») венчает ритмическое разнообразие частей, затухая и сводя на нет общую мелодию прозаического «концерта».

Другой одеговский сборник рассказов, «Культия», являет собой оригинальный образец осмысления текста и заключенной в нем реальности автором-постмодернистом. На протяжении всего повествования, от рассказа к рассказу, автор исследует грани такого явления философии постмодерна, как телесность, пытаясь найти способы осмысления этого феномена и пути примирения с ним. Подобные литературные опыты обладают высокой степенью новаторства для современной казахстанской литературы.

Заключение

В целом можно сказать, что русская и русскоязычная литература Казахстана наследует традиции русской и мировой классики и стремится в разных формах вписать себя в современный контекст. В последние годы она сделала значительный рывок в пространство мировой литературы, о чем свидетельствуют интересные поиски авторов в содержательно-формальной сфере, смелые творческие эксперименты. На русском языке пишут сегодня в Казахстане не только этнические русские, но и казахи-билингвы, причем иногда в списке изданных произведений одного и того же автора можно обнаружить как романы или повести на русском языке, так и тексты на казахском – ярким примером тому может служить литературное наследие Роллана Сейсенбаева. Таким образом, можно утверждать, что русский язык как язык творчества все еще актуален для литературы Казахстана, несмотря на потерю им статуса государственного. Русскоязычная литература стремится обживать и интерпретировать мировые литературные тенденции – прежде всего постмодернизм, ориентирована на

эксперимент, усложненные повествовательные стратегии, жанровый микс. Остро-социальные темы отходят на второй план, заменяясь общемировыми: актуализируется стремление познать мир и определить место в нем не только отдельного человека, но и его прошлого, прошлого его страны, преломленное через индивидуальное сознание. Происходит отказ от «нарочитой» этники, напротив – персонажи выглядят скорее «космополитичными», имеющими не столько национальность, сколько память о земле, на которой они родились, и событиях, происходивших с ними на этой земле, осознающими свою привязанность к хронотопу истории. Вместе с тем в этих текстах частотны отсылки к тем или иным произведениям русской литературы, иногда указания на авторов, послуживших источником вдохновения или восхищения, что свидетельствует об актуальности русской классики для писателей-билингвов.

Русские авторы отчетливо тяготеют к своим литературным «корням», нередко ориентируются на народное словесное творчество, включая советский фольклор. Если русскоязычная литература старается актуализировать себя прежде всего в мировом пространстве, то русская очерчивает свои границы в среде иноязычия и инокультурности, в связи с чем она заметно ориентирована именно на национальные литературные традиции. Примечательно, что герои многих произведений русских писателей как раз имеют национальную идентичность, вероисповедание и т. д., их авторы не готовы раствориться в космополитичном пространстве мировой культуры, что обусловлено в первую очередь социокультурной ситуацией.

Список литературы

- [1] *Бурцева Ж.* Транскультурная модель якутской русскоязычной литературы: художественно-эстетические особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2008. URL: <http://cheloveknauka.com/transkulturnaya-model-yakutskoy-russkoyazychnoy-literatury-hudozhestvenno-esteticheskie-osobennosti> (дата обращения: 5 марта 2020 г.).
- [2] *Сулейменов О.* Земля, поклонись человеку! 1961. URL: <https://stihi.ru/2011/09/10/3523> (дата обращения: 27 февраля 2020 г.).
- [3] *Сагандыкова Н.Ж.* Штрихи к творческому портрету Олжаса Сулейменова // VIII Международная научно-теоретическая конференция, посвященная 90-летию Казахского национального педагогического университета имени Абая (Алма-Ата, 24–26 мая 2018 г.). Алма-Ата, 2018. С. 150.
- [4] *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega12.txt> (дата обращения: 25 февраля 2020 г.).
- [5] *Сарсекеева Н.К.* Диалог традиций и новаторство казахстанской прозы периода Независимости // Керуен. 2015. Т. 42. № 3. С. 135–143.
- [6] *Сарсекеева Н.К.* Опыт самопознания прозы на рубеже XX–XXI вв.: учебное пособие. Алма-Ата: Казак университеті, 2006.
- [7] *Жаксылыков А., Жаппарова А.* Гипертекст Дюсенбека Накипова. URL: <http://tamug.org/?p=2614> (дата обращения: 1 марта 2020 г.).
- [8] *Овчеренко У.В.* Элементы жанра антиутопии в романе Д. Накипова «Круг пепла. Роман интенций»: проблема евгеники // Ломоносов-2018: Международная научная конференция студентов, магистрантов и молодых ученых (Москва, 9–13 апреля 2018 г.). М., 2018. С. 59.
- [9] *Накипов Д.* Круг пепла. Роман интенций. Алма-Ата, 2005. С. 101.
- [10] *Овчеренко У.В.* Роман Д. Накипова «Круг пепла. Роман интенций» как «роман с ключом». Образ Сергея Калмыкова // Проблемы поэтики и стиховедения: VIII Меж-

дународная научно-теоретическая конференция, посвященная 90-летию Казахского национального педагогического университета имени Абая (Алма-Ата, 24–26 мая 2018 г.). Алма-Ата, 2018. С. 132.

- [11] *Савельева В.* Рассказ как первожанр // *Простор*. 2011. № 3. С. 148–149.
- [12] *Исина Н.У.* Поэтика цикла Н. Черновой «Кудыкины горы» // *Проблемы поэтики и стиховедения: VIII Международная научно-теоретическая конференция, посвященная 90-летию Казахского национального педагогического университета имени Абая (Алма-Ата, 24–26 мая 2018 г.)*. Алма-Ата, 2018. С. 99.
- [13] *Савельева В.* Ампутированная жизнь и ее абсурд в сюрреалистических рассказах Геннадия Доронина // *Простор*. 2011. № 3. С. 153–155.
- [14] *Доронин Г.* Я б в волшебники пошел. Астана: Казахстанская правда, 2008.
- [15] Книжная полка Оксаны Трутневой // *Новый Мир*. 2015. № 12.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 марта 2020 г.

Дата принятия к печати: 25 марта 2020 г.

Для цитирования:

Овчеренко У.В., Монисова И.В. Русская и русскоязычная проза в ситуации мультикультурности: опыт Казахстана // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 234–246. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-234-246>

Сведения об авторах:

Овчеренко Ульяна Владимировна, аспирант филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: ovcherenko1993@gmail.com

Монисова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносов. E-mail: monisova2008@yandex.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-234-246

Research article

Russian and Russian-speaking prose in the situation of multiculturality: experience of Kazakhstan

Uliana V. Ovcherenko, Irina V. Monisova

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, bldg. 51, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the modern literary process in Kazakhstan, specially its Russian and Russian-speaking segment against the background of integration movements in the world and specific cultural processes in the post-Soviet space. It reveals how much the situation and part of literature created in Russian language in the region over the past decades has changed, how a different identity, the mentality of a different culture is expressed and how in turn this culture affects Russian-language texts. An attempt is made to trace the main trends in the development of modern Kazakhstani literature in Russian, in connection with which the works of I. Odegov, G. Doronin, H. Adibaev, D. Nakipov, A. Zhaksylykov and others are analyzed.

It is concluded that the Russian language, even after losing its former status, remains in demand in the literature not only by ethnic Russians, but also by Kazakh bilinguals who are successfully experimenting with Turkisms. At the same time, Russian authors are concerned about the preservation of national identity, which motivates the appeal to classics and national folklore, while Kazakhs are more focused on the space of world literature.

Keywords: Kazakh literature in Russian, bilingualism, modern prose, cultural dialogue, identity, multiculturalism, integration, dialogue with the Other

References

- [1] Burtseva, J. (2008). *Transkul'turnaya model' yakutskoi russkoyazychnoi literatury: khudozhestvenno-esteticheskie osobennosti* [*Transcultural model of the Yakut Russian-language literature: artistic and aesthetic features*] (Abstract of the Dissertation in Philology). Yakutsk. Retrieved March 5, 2020 from <http://cheloveknauka.com/transkulturnaya-model-yakutskoy-russkoyazychnoy-literatury-hudozhestvenno-esteticheskie-osobennosti>
- [2] Suleimenov, O. (1961). *Zemlya, poklonis' cheloveku!* [*Earth, Bow down to Man!*]. Retrieved February 27, 2020 from <https://stihi.ru/2011/09/10/3523>
- [3] Sagandykova, N.Zh. (2018). Shtrikhi k tvorcheskomu portretu Olzhasa Suleimenova [Strokes to the creative portrait of Olzhas Suleimenov]. *Problemy poetiki i stikhovedeniya: VIII Mezhdunarodnaya nauchno-teoreticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 90-letiyu Kazakhskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta imeni Abaya (Alma-Ata, 24–26 maya 2018 g.)* [*Problems of poetics and poetry: 8th International scientific and theoretical conference, dedicated to the 90th anniversary of the Abay Kazakh National Pedagogical University (Almaty, May 24–26, 2018)*] (p. 150). Almaty.
- [4] Ortega y Gasset, H. (n.d.). *Degumanizatsiya iskusstva* [*Dehumanization of art*]. Retrieved February 25, 2020 from <http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega12.txt>
- [5] Sarsekeeva, N.K. (2015). Dialog traditsii i novatorstvo kazakhstanskoi prozy perioda Nezavisimosti [The dialogue of traditions and the innovation of Kazakhstani prose of the period of Independence]. *Keruen*, 42(3), 135–143.
- [6] Sarsekeeva, N.K. (2006). *Opyt samopoznaniya prozy na rubezhe XX–XXI vv.* [*The experience of self-knowledge of prose at the turn of the 20–21 centuries*]: textbook. Almaty, Kazakh University Publ.
- [7] Zhaksylykov, A., & Zhapparova, A. (n.d.). *Gipertekst Dyusenbeka Nakipova* [*Hyper-text of Dyusenbek Nakipov*]. Retrieved March 1, 2020 from <http://tamyр.org/?p=2614>
- [8] Ovchenerenko, U.V. (2018). Elementy zhanra antiutopii v romane D. Nakipova “Krug pepla. Roman intentsii”: problema evgeniki [Elements of the dystopian genre in D. Nakipov's novel “The Circle of Ashes. The novel of intentions”: the problem of eugenics]. *Lomonosov-2018: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya studentov, magistrantov i molodykh uchenykh (Moskva, 9–13 aprelya 2018 g.)* [*Lomonosov-2018: International scientific conference of students, undergraduates and young scientists (Moscow, April 9–13, 2018)*] (p. 59). Moscow.
- [9] Nakipov, D. (2015). *Krug pepla. Roman intentsii* [*The Circle of Ashes. The novel of intentions*] (p. 101). Almaty.
- [10] Ovchenerenko, U.V. (2018). Roman D. Nakipova “Krug pepla. Roman intentsii” kak “roman s klyuchom”. Obraz Sergeya Kalmykova [D. Nakipov's “The Circle of Ashes. A novel of intentions” as “a novel with a key”. The image of Sergei Kalmykov]. *Problemy poetiki i stikhovedeniya: VIII Mezhdunarodnaya nauchno-teoreticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 90-letiyu Kazakhskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta imeni Abaya (Alma-Ata, 24–26 maya 2018 g.)* [*Problems of poetics and poetry: 8th International scientific and theoretical conference, dedicated to the 90th anniversary of the Abay Kazakh National Pedagogical University (Almaty, May 24–26, 2018)*] (p. 132). Almaty.

- [11] Savelyeva, V. (2011). Rasskaz kak pervozhanr [The story as the base genre]. *Prostor*, (3), 148–149.
- [12] Isina, N.U. (2018). Poetika tsikla N. Chernovoi “Kudykiny gory” [Poetics of N. Chernova’s cycle “Kudykiny Gory”]. *Problemy poetiki i stikhovedeniya: VIII Mezhdunarodnaya nauchno-teoreticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 90-letiyu Kazakhskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta imeni Abaya (Alma-Ata, 24–26 maya 2018 g.)* [Problems of poetics and poetry: 8th International scientific and theoretical conference, dedicated to the 90th anniversary of the Abay Kazakh National Pedagogical University (Almaty, May 24–26, 2018)] (p. 99). Almaty.
- [13] Savelyeva, V. (2011). Amputirovannaya zhizn' i ee absurd v syurrealisticheskikh rasskazakh Gennadiya Doronina [Amputated life and its absurdity in the surreal stories of Gennady Doronin]. *Prostor*, (3), 153–155.
- [14] Doronin, G. (2008). *Ya b v volshebnyki poshel* [I would have been a magician]. Astana, Kazakhstanskaya Pravda Publ.
- [15] Knizhnaya polka Oksany Trutnevoi [The bookshelf of Oksana Trutneva]. (2015). *Novyi Mir* [New World], (12).

Article history:

Received: 10 March 2020

Revised: 12 March 2020

Accepted: 25 March 2020

For citation:

Ovcherenko, U.V., & Monisova, I.V. (2020). Russian and Russian-speaking prose in the situation of multiculturalism: Experience of Kazakhstan. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 234–246. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-234-246>

Bio notes:

Uliana V. Ovcherenko, Ph.D. student of Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University. E-mail: ovcherenko1993@gmail.com

Irina V. Monisova, Ph.D. Candidate, Assistant Professor of Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University. E-mail: monisova2008@yandex.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-247-257
УДК 821.56.09

Научная статья

Драматургия Н. Курилова в системе юкагирской литературы

Д.И. Фролкина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

Аннотация. В статье рассматриваются пьесы современного автора Н. Курилова, которые поднимают ряд проблем, характерных для юкагирской литературы. Малоизученность северной литературы, отсутствие полноценных исследований по материалам современных авторов подтверждают актуальность данной работы. Цель статьи – проанализировать особенности пьес Н. Курилова, определить их место в юкагирской драматургии и выявить литературные связи с произведениями других авторов-юкагириров. В своих произведениях Н. Курилов продолжает традиции Г. Курилова, детского писателя и драматурга, а также Г. Дьячкова, пьесы которого освещали социально-бытовые и нравственные проблемы юкагириров. Н. Курилов рассматривает эти проблемы под иным углом, что значительным образом проявляется в пространственно-временных характеристиках и отборе фольклорного материала. Кроме того, автор вводит ряд новых вопросов, ранее не звучавших в юкагирской драматургии, и особое место в произведениях занимают дети и детское воспитание. Драматург задумывается о причинах исчезновения народа, постепенной утрате языка, традиций и религиозных взглядов. Одной из особенностей авторского взгляда является мысль о том, что разрушение этноса происходит в том числе по вине самих юкагириров, переставших беречь свою самобытность. Однако пьесы выражают не только горькое сожаление, но и светлую надежду на возрождение одной из самых древних сибирских культур.

Ключевые слова: юкагирская литература, литература коренных народов Севера, современная драма

Введение

Юкагирская литература представляет собой одну из малоизученных областей отечественного литературоведения, несмотря на то, что именно в недрах этого народа сформировались такие знаковые фигуры, как Тэки Одулок (Н. Спиридонов), С. Курилов и Улуро Адо (Г. Курилов), без сомнения, оказавшие глубочайшее влияние на литературу Крайнего Севера. Их романы, повести и стихотворения прочно вошли в копилку не только школьной национальной программы или советского чтения, но и мировой литературы, например, роман «Ханидо и Халерха» С. Курилова был переиздан на русском языке около де-

© Фролкина Д.И., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

сяти раз, а повесть основоположника юкагирской литературы Тэки Одулока «Жизнь Имтеургина старшего» была переведена на английский, французский, чешский и белорусский языки еще при жизни писателя. Не остались в стороне и фольклорные тексты: отдельными изданиями в 2008 г. на английском и японском языках вышли сказки «Сестры-людоедки», «Сказочный старик», «Легенда о мамонте» и сборник «Юкагирские легенды».

Несмотря на то что юкагиры, как свидетельствуют ученые [1. С. 3], являются одним из самых древних народов Северо-Восточной Азии, обладавших изоцирковой наскальной письменностью, развитие художественной литературы началось лишь в 20–30-х гг. XX в. Большую роль в этом сыграла принятая в 1917 г. «Декларация прав народов России», утверждавшая равенство и ценность всех народов и этнических групп, населявших страну. После образования в 1924 г. якутской секции при Центральном издательстве народов СССР, главной задачей которого был выпуск книг на национальных языках, стало возможным развитие и юкагирской литературы. И уже в 1933 г. выходит первый художественный очерк «На Крайнем Севере» под авторством Тэки Одулока. Именно этот человек станет не только основоположником юкагирской литературы, но и первым жителем Крайнего Севера, получившим высшее образование. Пример Тэки Одулока послужит вдохновляющим толчком для других северных авторов, в том числе и якутских, и уже в 1960–1970-е гг. юкагирская литература переживает расцвет, связанный с именами братьев Семена Курилова и Улуро Адо (Гаврилы Курилова). Из-под их пера выходят первые романы на юкагирскую тематику, повести, рассказы, поэмы. Появляется также и первая детская пьеса «Наш друг Чага», изданная в 1984 г. Улуро Адо. Именно в 1980-е гг. развивается драматургия Геннадия Дьячкова, молодого юкагирского автора. Последним ярким и значимым писателем является Николай Курилов, посвятивший большую часть своего творчества детской и научной литературе. В 2007 г. вышел сборник его пьес «Олени на пальцах», который представляет особый интерес для современного литературоведения.

Стоит отметить, что изучением юкагирской художественной литературы занимаются преимущественно якутские исследователи: В. Огорокова, И. Николаева, Н. Гобуроков, Ю. Хазанкович и др. Однако пьесы Н. Курилова на данный момент не стали отдельным предметом для научного изучения.

Обсуждение

О Николае Курилове (родился в 1949 г.) северный читатель узнал в 1982 г. после выхода на якутском языке сборника стихов «Туундарам сири симэбэ» («Цветы тундры») для детей младшего школьного возраста. С тех пор автор издавал произведения для детей сразу на трех языках: юкагирском, якутском и русском. Хотя Н. Курилов ориентирует большую часть своего творчества на маленьких читателей, автор не остается в пределах одного жанра: он создает и стихи, и рассказы, и повести, и сказки. В 1993 г. выходит сборник «Фантастические рассказы», а в 1997 г. – путевые заметки «Хай!», появившиеся как результат поездки автора в США. В 2007 г. читатель знакомится с очередным жанровым экспериментом – сборником пьес «Олени на пальцах». Этот сборник не только демонстрирует многогранность литератур-

ного таланта Н. Курилова, но и вводит ряд новых тем, не свойственных ранее творчеству автора. Кроме того, драматург выбирает определенный круг проблем, который уже поднимался в юкагирских пьесах, именно поэтому представляется важным проследить развитие этих мотивов в драмах Н. Курилова.

Первая пьеса, или «сценка в пяти действиях» (авторское определение) – «Олени на пальцах». Уже в заглавие внесен собой особый национальный код: олень для северянина – это символ жизни, самое близкое кочевому человеку животное, ведь именно оно и мясо, и одежда, и транспорт. Отношения с оленями у арктических народов начались, по всей видимости, очень давно: самые древние наскальные изображения этих животных принадлежат еще эпохе раннего железного века [2. С. 16]. Ученый-исследователь А.Н. Алексеев не исключает, что группы оленеводческого населения могли обитать в районе Алдана уже в конце II – начале I тыс. до н. э. [3. С. 66]. С оленями связана также и первобытная охотничья магия этих народов, и мифы о животных-первопредках. О значении оленей в жизни юкагира точно выразился Тэки Одулок словами своего героя Имтеургина: «Без оленей жив не будешь. Птица прилетит и назад улетит, рыба на дно уйдет, а олень всегда с нами ходит, оленные мы люди» [4. С. 48]. Символично, что изданный в 2007 г. сборник другого юкагирского автора начинается именно с образа оленя.

Кроме того, название пьесы Н. Курилова содержит в себе еще один шифр: «олени на пальцах» – название древней детской забавы, игры, суть которой можно обозначить как театр теней, за исключением того, что герои изображаются пальцами, руками, а не марионетками. Мотив игры, своеобразной детской формы обучения – характерная черта юкагирской литературы, уже в одной из первых детских пьес – «Наш друг Чага» Улуру Адо – этот мотив присутствует. Николай Курилов – большой знаток национальных игр, его глубокая осведомленность позволила издать несколько научно-популярных пособий по этой теме, из которых особый интерес представляют книги «Традиционные игры и состязания юкагиров» и «Лексика спортивных игр юкагиров тундры». Игра у юкагиров (как и у многих древних народов) имела много функций, одна из которой носила этнопедагогический характер [5. С. 4]. Детям с самого раннего возраста прививали качества, необходимые охотнику и, возможно, будущему воину. Умение имитировать звуки природы, быть близким миру животных – все это в развлекательной форме воплощают в себе многие детские игры, в том числе и «олени на пальцах» [6. С. 12]. Пьесе открывает сцена, где современные дети-юкагиры соревнуются, у кого изобразить животных получается лучше. По ходу действия читатель узнает, что дети приехали домой на каникулы из интерната и тундра для многих из них – чуждое место, с которым их ничего не связывает, кроме родителей-оленеводов. Автор многократно подчеркивает это в речи героев, избыточной не только англо-американскими словечками, но и новыми, современными реалиями, так, детям больше по душе играть в компьютерные игры или смотреть боевики с Джеки Чаном, чем учить уроки или бродить по тундре. Встреча со Стариком, другом семьи, зашедшим в гости, усиливает конфликт оторванности молодого поколения от своей истории и культуры, которую воплощает в себе пожилой юкагир. Знаковым является диалог между Сеней, одним из мальчиков, и Стариком:

«Сеня: А это как... армистер... ну, руками... так (показывает) Вы играли?

Старик: У нас эта игра называлась скандарбеком. Не-ет, я слабый был» [7. С. 8]

Автор показывает горькую действительность молодого поколения Севера: еще не овладев в полной мере неродным, они уже потеряли связь со своим собственным. Сеня не может произнести правильно слово «армрестлинг», которое он имеет в виду, однако он даже не подозревает, что в его собственном языке уже давно есть обозначение этой игры, которая была хорошо знакома его народу. Тема исчезновения юкагирской культуры, растворение ее среди соседних – одна из ключевых тем юкагирской литературы. Об этом с горечью писали и С. Курилов, и Улуро Адо, и Г. Дьячков, продолжает эту тему Н. Курилов. Вопрос о сохранении своего языка, своего быта всегда стоял крайне остро для малочисленных народов Севера, не нашедших себя в мире современных цивилизаций. Ассимиляция соседним народом, утрата исконных ремесел, отдаление от родной истории – все это далеко не полный список проблем, с которыми столкнулись небольшие кочевые народы Арктики. Для юкагиров же это особенно актуально, ведь из общей численности в 1603 человека (данные 2010 г.) менее 100 владеют юкагирским языком, а считают его родным лишь 370 человек [8. С. 11]. Однако подобную проблему поднимал еще в конце XIX в. известный этнограф-северовед В.И. Иохельсон, говоря о юкагирах: «Это племя, дни которого сочтены. Через несколько десятков лет юкагирский язык может исчезнуть, а племя как таковое прекратит свое существование, отчасти вымерев, отчасти растворившись в других племенах» [9. С. 14]. После этих слов авторитетного этнографа прошло более ста двадцати лет, но юкагиры продолжают существовать и пользоваться (хотя и скудно) собственным языком. Такое положение дел не может не вселять надежду в будущее этого древнего народа, и именно этой надеждой дышат пьесы Н. Курилова. Несмотря на то что дети-школьники предпочитают английский язык своему родному и отчасти уже потеряли связь с кочевой культурой тундры, они продолжают играть в «олений на пальцах», все еще помнят старинные легенды, в них не угасли нравственные качества, столь ценные у юкагиров, – уважение к старшим и почтение к гостю. Так, Даша на протяжении всей пьесы подливает чай героям, угощает их оладьями, а когда Старик садится на «женское» место за столом, возле очага, не упрекает его, а наоборот, позволяет гостю согреться. Примечательно также, что в течение всего описываемого действия лишь один герой не участвует в общей беседе – Вася, самый младший из детей. Мальчик занят другим делом: он играет в «олений», пытаясь изобразить животных, которые раньше у него не получались. В конце пьесы ребенок радостно прерывает разговор героев, показывая, чему научился, и его изображение оленя вызывает всеобщее одобрение детей. Образ Васи важен для понимания этого произведения, ведь он становится неким символом юкагирского народа, который, несмотря на формальное участие в деле общемировых культур, все же выбирает свой собственный темп жизни и более обращен назад, к своему прошлому, к наследию предков, чем к современному обществу. Вася – единственный из детей, который видит сон о том, как его окружают бесчисленное количество оленей и

стремятся слизнуть с его протянутой руки соль. Этот сон играет явно благословляющую функцию, однако автор умалчивает, имеется ли в виду реальные олени, обладателем которых станет мальчик (а следовательно, и оленеводом, то есть продолжающим путь предков), или же это метафорическое изображение юкагиров, объединяющихся вокруг того внутреннего света, проводником которого становится герой.

Немаловажно, что Н. Курилов дает и свое объяснение тому, почему современные юкагирские дети отходят от национальной культуры. Читатель может увидеть это из диалога детей и Старика. Сеня жалуется гостю, что они, школьники, знают много «ругательных слов», потому что поневоле слышат их везде, особенно от пьяных людей. С Сеней соглашается и Ганя, говоря, что его собственный отец может сказать такие слова, от которых «у оленей рога опадают» [7. С. 9]. На что им с грустью отвечает Старик: «И что страшно, чем больше говоришь ругательные слова, тем меньше говоришь хорошие и добрые, и потом... чем больше ругательных слов в языке, тем беднее становится он... А потом этот язык исчезает, и народ тоже...» [7. С. 11]. В том, что молодое поколение не стремится изучать свое прошлое, виноваты не только внешние обстоятельства: сами юкагиры впустили в свой язык слишком много ненужного, опасного, вредного и поэтому могут передать своим детям слишком мало «хороших и добрых» понятий. Это равносильно самоуничтожению для народа, подарившему миру поговорку «Ребенок – корень жизни».

Большую роль в «Оленях на пальцах» играют легенды и народные предания, которые воплощаются в реальных героев в другой пьесе автора – «Нунни». Нунни – одно из ключевых для понимания юкагиров понятие, означающее переселение души умершего человека в новорожденного ребенка. Нунни, или нуннии, был крайне важным для этого северного народа, потому что не только давал детям ориентир в жизни, но и связывал их со своими предками, своим родом, иначе говоря, утверждал народ в собственной вечности. Действие пьесы перенесено в древнее легендарное время, когда люди и звери жили вместе и понимали друг друга. Стремление отыскать своих родственников, понять, кто чей нунни, связывает главных героев произведения – осиротевших медвежат и мальчика Уо. Отношения старшего из медведей, Хайи, и Уо отражают древнее предание, согласно которому медведь стал родоначальником юкагиров. Хайа, потерявший брата, начинает заботиться об одиноком мальчике, учит его жизни в тайге, почтению к духам и передает все свои знания. Однако Уо этого недостаточно, ему хочет понять, чей он, «двуногое существо в рыбьей одежде», нунни? Герой испытывает боль от мысли, что, возможно, он единственный такой не земле, не связанный ни с кем жизнью, а значит, оторванный от нее. Вместе с друзьями мальчик совершает опасное путешествие в Мир Недышащих, добраться до которого можно по тонкому льду лишь существу неоскверненному, с чистыми помыслами. Стремление Уо объяснимо, ведь по воззрению юкагиров, человек, не обретший и не познавший свой нунни, не может быть счастливым, миролюбивым или спокойным, он словно обречен на вечную суетливость [10. С. 61].

Однако встрече мальчика с родственниками не суждено сбыться: Уо решает взять с собой бубен предков, который ему отдал Песец. Надо отметить,

что Песец в данном произведении выступает в своей обычной для северной культуры роли хитрого, коварного и злобного существа, не случайно только он видит тени опасных людей с копьями, которые остаются незамеченными другими героями. Оскверненный нечистым животным, бубен не позволяет мальчику войти в Мир духов и воссоединиться со своим родом юкки. Но именно благодаря этому Уо познает важную мысль: «Все мы – единокровные» [7. С. 38]. Не так уж важно знать имя того, чей ты нунни, или видеть его своими глазами, гораздо важнее почувствовать единство со всеми жившими и живущими на земле.

Мотив обретения себя присутствует также в пьесе «Вера, Надежда, Любовь». В отличие от предыдущего произведения здесь события происходят уже в современном мире. Автор подробно описывает жизнь молодого студента из обеспеченной юкагирской семьи, однако это сложно в полной мере назвать «жизнью»: герою ничего не интересно, он изнывает от безделья и пытается заполнить все свое время выпивкой и встречами с людьми, которых даже не считает своими друзьями. Н. Курилов показывает также взаимоотношения студента со своими родителями, из многочисленных диалогов становится очевидно, что Слава не испытывает уважения ни к своему отцу, капитану милиции, ни к своей матери. Он привык лишь использовать их в своих нуждах, ведь связи отца помогают Славе избежать многочисленных административных и даже уголовных наказаний, а благодаря хлопотам матери он освобожден от каких-либо домашних обязанностей. Автор неслучайно останавливается на проблеме взаимоотношений молодого и старшего поколений, поскольку издревле дети, особенно сыновья, воспитывались у юкагиров как будущая поддержка и опора родителей. Отсюда происходят и многочисленные народные выражения и пословицы, например, родители часто говорили о ребенке «Мэтул лөлтей кедэдиэк», что дословно означает «За мной в старости ухаживающий человек». Поэтому одними из ключевых качеств, воспитываемых в детях, всегда оставались трудолюбие и почтение к старшим. Однако главному герою пьесы чуждо и то и другое. Показателен следующий разговор отца со Славой:

«Отец: Сын, нужно сходить и купить растительное масло, а?

Слава: Ну, папон: ты что – ехал и не купил?..

Отец: Ладно-ладно, сам пойду» [7. С. 89].

Герой, не испытывающий уважения к родителям, не считающий их в полной мере своими близкими людьми, отрывается от своих корней, лишается поддержки и опоры своей семьи, именно поэтому Слава чувствует себя одиноким и брошенным, оказавшись зимой в тайге. Он, потомок лесных жителей, ощущает себя совершенно чужим в открытой природе и не способен увидеть в ней нечто большее, чем ступок воплотившейся опасности. Однако именно здесь, в тайге, юноша не только преодолевает себя, но и обретает себя, свое истинное предназначение. Встреча с лесной юкагиркой заставляет Славу резко переосмыслить свою прошлую жизнь, а традиционность и внутренняя близость к природе девушки открывает ему дорогу к миру предков.

Н. Курилов умело демонстрирует развитие духовного пути героя с помощью хронотопа: узкие и душные пространства квартиры и лесного домика

символизирует нравственную ограниченность Славы, его неспособность выйти за рамки намеченного им образа жизни, и лишь таежные просторы, стесненные только линией горизонта, открывают в юноше глубокий и гармоничный мир забытого им народа. Изменения, произошедшие в герое, оказались настолько сильны, что Слава полностью порывает со своим прошлым и навсегда остается жить в тайге вместе со своей новой женой, юкагиркой. Но несмотря на такие резкие изменения, герою все-таки необходимо время, чтобы полностью исцелиться от своего прежнего уродливого состояния, возможно, именно поэтому воссоединение с родителями, уже потерявшими надежду вновь увидеть сына, произошло лишь спустя десять лет.

Пьесы юкагирского драматурга отражают не только современное состояние его народа, но и позволяют отыскать причины, которые повлияли на такое плачевное положение дел. Автор не снимает ответственности с самих юкагиров, позволяющих небрежно относиться к своим собственным традициям и языку, не уделяющих воспитанию детей должного внимания, однако инициаторами этих изменений стали совсем не народы Севера, а другие, более сильные и цивилизованные народы. Именно к ним обращена острополитическая пьеса-предостережение «На далеком Долоксе».

Действие происходит на вымышленной планете Долокс, жители которой разделены на три племени: мамонтоводов, ксанов и иканов. Последние – главенствующая нация, привилегии и статус которой имеют федеральное значение, в отличие от ксанов, в силу своей немногочисленности и технической неразвитости вынужденных состоять на службе у иканов. Особое положение в этой иерархии занимают мамонтоводы, древний и «примитивный» народ, с которым не считаются даже ксаны. Принцип управления в Долоксе очень простой, его выражают сразу несколько персонажей, однако ключевыми можно назвать слова Рвары о том, что следует помнить «о своей нации, в первую очередь, а затем уже о тех, которые помельче, если они не исчезнут к этому времени» [7. С. 72]. Ей вторят Школ: «...время кухарок и кочегаров давно прошло» [7. С. 72], и Ксанд: «...каким бы маленьким ты ни был службе – воруй» [7. С. 86]. На протяжении всей пьесы героиня-ксанка не только отказывается мамонтоводам в открытии собственных школ и языковых курсов, но и многократно урезают их бюджет даже на самые элементарные нужды, мотивируя это тем, что последние «и так находятся на грани исчезновения: не сегодня, так через года два–три спустя...» [7. С. 74]. Автор подробно описывает разнообразные бюрократические круги, через которые проводят самых активных мамонтоводов: ксаны заставляют десятки раз переписывать их заявления и прошения, чтобы в конечном итоге отказать, а средства перевести на свой личный счет.

Однако в конечном итоге это оборачивается катастрофой для ксанов, которых иканы, титульная нация, окончательно завоевывают и берут под свой тотальный контроль. В один момент нация, кичившаяся своей древней культурой, лишается не только свободы, но и средств к существованию. Показательно, что Ксанд, один из ярых сторонников жестокой политики, вынужден ночевать на улице, потому что на работу его не взяли даже мамонтоводы, ведь сами ксаны урезали им рабочие ставки. О мамонтоводах, которые, без-

условно, олицетворяют здесь юкагиров, автор говорит не так много, герои нечасто появляются на страницах пьесы, поэтому особо интересен конец драмы, в котором представители малочисленного народа высказывают свои мысли. В отличие от ксанов, они совершенно спокойно реагируют на резкую смену политических событий, ведь в их жизни подобного было немало, и даже в худшие дни они не перестают испытывать счастье, находить радость в мелочах и оставаться верными себе. Так, в заключительном разговоре с Ксандом мамонтовод Врил не только ободряет все потерявшего начальника, но и зовет к себе в гости.

«На далеком Долоксе» – произведение, в котором Н. Курилов ставит важный вопрос: до каких пор жив народ? И отвечает на него так: народ жив, пока живы его традиции и пока он чувствует себя единым целым. Именно этот мотив становится центральным в другом произведении автора – пьесе «Камень-память». Драматург вновь переносит читателя в иное хронологическое измерение: события происходят на северной земле во время междоусобных распрей племен. Текст имеет историческую основу, так как юкагиры издревле считались одним из самых воинственных племен Севера и вплоть до XVIII в. пребывали в постоянной борьбе с соседями: эвенками и чукчами [11. С. 25]. Противники юкагиров в пьесе обозначены как народ «чернолицых», которые, умело натравливая один род на другой, захватывают их в плен, делая своими рабами. Чернолицые хитры, коварны и бесщедны, они могут убить человека ради забавы, им доставляет удовольствие унижать других или издеваться над ними, однако при этом они остаются сильными и опасными воинами, победить которых не под силу героям-одиночкам. Пытаясь освободить свою землю от жестоких врагов, юкагиры вспоминают древнюю легенду о камне – символе смелых и свободных людей. Если его поднять, то народ вновь станет одним целым, соберется «как гроздья брусники» [7. С. 41]. Но, чтобы совершить это, героям придется пройти через потери близких, сумасшествие родных, утрату своего очага.

Сила единства рода, способная защитить даже от смерти, становится центральной темой для заключительной пьесы – «Зимняя рыбалка». Стоит отметить особый постмодернистский колорит произведения: начиная от введения интертекстуальных отсылок и заканчивая образами стильно одетых чертей с крюками вместо рук. Особое внимание заострено на внезапном слиянии временных пластов и смешении реальности с фантастикой. Эта пьеса демонстрирует не только авторскую открытость к новым сюжетам и литературным формам, но и тематическое постоянство Н. Курилова, ведь даже в экспериментальном формате он пытается осмыслить и понять самые важные для юкагирской литературы проблемы.

Заключение

Драматургия народов Севера требует к себе пристального внимания со стороны литературоведов, поскольку она ставит особняком вопросы, которые лишь на первый взгляд кажутся личными проблемами конкретного народа, – поднятые конфликты, перенесенные в разные временные и пространственные координаты, в самых разных художественных формах говорят о вечных об-

разах и проблемах. Примером тому служат пьесы юкагирского автора Н. Курилова, в которых продолжается развитие традиционных для национальной северной литературы тем нравственного обнищания народа, его места в мировой истории, возвращения к корням. Однако драматург предлагает свой, уникальный взгляд на решение сложных вопросов, более того, он уделяет внимание проблемам, не получившим ранее развития в юкагирской литературе. Так, в пьесах анализируются современные методы воспитания детей и роль этнического преемства в эпоху глобализации. Для воплощения своих идей Н. Курилов прибегает к многообразным художественным приемам и стилистическим способам, работает в различных жанрах. Все это позволяет определить драматургическому творчеству этого автора особое место в юкагирской литературе.

Список литературы

- [1] Жукова Л.Н. Религия юкагиrow. Языческий пантеон. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. 92 с.
- [2] Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре: в 3 ч. Ч. 2: Мифологическая модель мира. Новосибирск: Наука, 2012. 384 с.
- [3] Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 144 с.
- [4] Одулок Т. Жизнь Имтеургина старшего. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1987. 432 с.
- [5] Иванов В.Х., Курилов Н.Н. Традиционные игры и состязания юкагиrow. Якутск: Северовед, 1997. 22 с.
- [6] Курилов Н.Н. Лексика спортивных игр юкагиrow тундры. Якутск: Изд-во СО РАН, 1999. 96 с.
- [7] Курилов Н.Н. Олени на пальцах: пьесы. Якутск: Бичик, 2007. 120 с.
- [8] Шадрин В.И. Трансформация этнической идентичности юкагиrow в современных условиях // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 9–19.
- [9] Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900. 240 с.
- [10] Курилов Н.Н. Ребенок – корень жизни: этнопедагогика юкагиrow тундры. Якутск: Офсет, 2005. 90 с.
- [11] Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1979. 164 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 16 января 2020 г.

Дата принятия к печати: 30 января 2020 г.

Для цитирования:

Фролкина Д.И. Драматургия Н. Курилова в системе юкагирской литературы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 247–257. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-247-257>

Сведения об авторе:

Фролкина Дарья Ивановна, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-6284-4888>. E-mail: fdic@mail.ru

Dramaturgy of N. Kurilov in the Yukagir literature system

Daria I. Frolkina

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, bldg. 51, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract. The article discusses the plays of the contemporary author N. Kurilov, which raise a number of problems characteristic of Yukagir literature. Poor knowledge of northern literature, the lack of full-fledged research based on materials of modern authors confirm the relevance of this work. The purpose of the article is to analyze the features of N. Kurilov's plays to determine their place in the Yukagir drama and to identify literary connections with the works of other Yukaghir authors. In his works N. Kurilov continues the traditions of G. Kurilov a children's writer and playwright as well as G. Dyachkov whose plays highlighted the social and moral problems of the Yukagirs. N. Kurilov considers these problems from a different angle, which is significantly manifested in the spatio-temporal characteristics and in the selection of folklore material. In addition, the author introduces a number of new questions that have not previously been heard in Yukagir drama, a special place in the works is occupied by children and children's education. The playwright thinks about the causes of the disappearance of the people, the gradual loss of language, traditions and religious beliefs. One of the features of the author's view is the idea that the destruction of an ethnic group occurs among other things through the fault of the Yukagirs themselves who have ceased to preserve their identity. However, the plays express not only bitter regret but also a bright hope for the revival of one of the most ancient Siberian cultures.

Keywords: Yukagir literature, literature of the indigenous peoples of the North, modern drama

References

- [1] Zhukova, L.N. (1996). *Religiya yukagirov. Yazycheskii panteon [Religion of the Yukagirs. Pagan pantheon]*. Yakutsk, Nauka Publ.
- [2] Zhukova, L.N. (2012). *Ocherki po yukagirskoi kul'ture [Essays on Yukagir Culture]*: in 3 parts. Part 2: Mifologicheskaya model' mira [Mythological model of the world]. Novosibirsk, Nauka Publ.
- [3] Alekseev, A.N. (1996). *Drevnyaya Yakutiya: Neolit i epokha bronzy [Ancient Yakutia: Neolithic and the Bronze Age]*. Novosibirsk, IAET SO RAN Publ.
- [4] Odulok, T. (1987). *Zhizn Imteurgina starshego [The life of Imteurgin the Elder]*. Yakutsk, Yakutskoe knizhnoe izdatelstvo.
- [5] Ivanov, V.Kh., & Kurilov, N.N. *Traditsionnye igry i sostyazaniya yukagirov [Traditional games and competitions of the Yukagirs]*. Yakutsk, Severoved Publ.
- [6] Kurilov, N.N. (1999). *Leksika sportivnykh igr yukagirov tundry [Vocabulary of sports games of the Yukagirs of the tundra]*. Yakutsk, SO RAN Publ.
- [7] Kurilov, N.N. (2007). *Oleni na pal'tsakh: P'esy [Deer on the fingers: Plays]*. Yakutsk, Bichik Publ.
- [8] Shadrin, V.I. (2014). Transformatsiya etnicheskoi identichnosti yukagirov v sovremennykh usloviyakh [Transformation of the ethnic identity of the Yukagirs in modern conditions]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki [Humanities and Social Sciences]*, (1), 9–19.
- [9] Iokhel'son, V.I. (1990). *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge [Materials on the study of the Yukagir language and folklore collected in the Kolyma district]*. Saint Petersburg.

- [10] Kurilov, N.N. (2005). *Rebenok – koren' zhizni: etnopedagogika yukagirov tundry* [*The child is the root of life: ethnopedagogy of the Yukagirs of the tundra*]. Yakutsk, Offset Publ.
- [11] Tugolukov, V.A. (1979). *Kto vy, yukagiry?* [*Who are you Yukagirs?*]. Moscow, Nauka Publ.

Article history:

Received: 16 January 2020

Revised: 20 January 2020

Accepted: 30 January 2020

For citation:

Frolkina, D.I. (2020). Dramaturgy of N. Kurilov in the Yukagir literature system. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 247–257. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-247-257>

Bio note:

Daria I. Frolkina, Ph.D. student of the Department of History of Modern Russian Literature and Modern Literary Process of the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-6284-4888>. E-mail: fdic@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-258-267
УДК 821.16.1

Научная статья

Роман И. Тургенева «Отцы и дети» в литературоведении Китая

Го Сывэнь

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Аннотация. В статье рассматривается историко-функциональный аспект изучения романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» в Китае. В центре внимания большое количество работ, посвященных русскому классику за прошедшее столетие. Параллельно просматривается тот исторический путь, который прошло литературоведение страны, – постепенное преодоление социологического, по сути рапповского, подхода в изучении произведений изящной словесности, перенесение внимания авторов публикаций с плана произвольной трактовки содержания на план рассмотрения содержательной формы. Более подробно освещаются такие темы, как тургеневский пейзаж, тургеневский психологизм, тургеневский герой. Делается вывод о непроходящем внимании литераторов Китая к русской классике.

Ключевые слова: Иван Сергеевич Тургенев, «Отцы и дети», Евгений Базаров, нигилист, «лишние люди», «новый человек», историко-функциональное литературоведение, психологизм, пейзаж

Введение

Можно предположить, что роман И. Тургенева «Отцы и дети» является определенной парадигмой для мировой литературы, для авторов, пишущих о взаимоотношении поколений. Как и многие другие высокохудожественные произведения, этот роман со времен своей публикации на страницах журнала «Русский вестник» (1862) получил множество разнонаправленных оценок. Его почитатели и критики находят основания и для восхваления главного героя, и для зачисления его в разряд злодеев. Сам по себе этот факт говорит о писательском таланте Тургенева, о создании им живого характера, возможно, даже вечного типа. Яркие споры современников об идейном содержании романа хорошо известны: «левые обвинили автора в том, что он создал злую карикатуру на нового человека, правые увидели восхваление нигилизма новых» [1. С. 31]. Алгоритм рассмотрения книги с тех пор мало изменился. В Китае, где тургеневский роман пользовался и пользуется особой популярностью, этот алгоритм претерпел некоторые изменения, но сохранилась двой-

ственность подхода и к произведению, и к его главным героям. Самый пристальный интерес к «Отцам и детям» возник в Поднебесной уже в новейшее время. По объективно-историческим причинам роман стал актуален.

Обсуждение

Первым переводчиком известного тургеневского романа в 1922 году стал профессиональный дипломат, русист Гэн Цзичжи. Он же впервые перевел многие другие сочинения этого русского классика. 1920-е и последующие годы – время становления китайского литературного языка. Переводы Гэн Цзичжи были выполнены аккуратно, но отдавали архаикой, поэтому со временем стали появляться все более новые, более тонкие переводы. На сегодняшний день существует свыше двадцати вариантов перевода «Отцов и детей» на китайский язык. Есть китайско-английское двуязычное издание, книжки-комиксы, издания с транскрипцией для детей.

Наиболее признанным, можно сказать, классическим переводом романа считается перевод Ба Цзиня. Известный писатель, знаток русской литературы закончил свой перевод в 1943 году. Интерес к переводу красочного языка Тургенева сопровождался широким научным исследованием его творчества вообще и романа «Отцы и дети» в частности.

Само исследование «Отцов и детей» в Китае XX столетия достаточно поучительно, оно особенно интересно для историко-функционального изучения словесности. Собственно, художественные достоинства произведения, скрытый лиризм романа долгие годы были вне внимания литературоведов. Причины такого подхода к «Отцам и детям» очевидны: социально-политическая ситуация в Китае начала прошлого столетия имела немало общего с российской социально-политической ситуацией второй половины позапрошлого столетия, описанной в романе. План содержания представал более актуальным, чем план формы.

Основные дискуссии вокруг романа сконцентрировались на образе нигилиста Евгения Базарова. В разные годы, в разные культурные ситуации этот герой имел разное эстетическое осмысление.

Начало изучения «Отцов и детей» можно отнести к 1919 году, когда молодой исследователь литературы Тянь Хань опубликовал большую статью «Идейные тенденции русской литературы». Правда, эти тенденции ученый изучал по переводам, возможно, по японским источникам, поскольку учился в Японии. Роману, впервые упомянутому в китайском литературоведении, дана здесь самая высокая оценка [2. С. 48]. Главное внимание Тянь Хань уделил идейным разногласиям между Евгением Базаровым, разночинцем-нигилистом, и братьями Кирсановыми, Павлом Петровичем и Николаем Петровичем, представителями дворянства. Автор статьи говорил о столкновении новых и старых идей. Примечательно, что свои симпатии и антипатии исследователь не обозначает.

Первым ученым, познакомившим китайцев с концептом «русская литература», был Цюй Цюбай, автор «Истории русской литературы» (1921–1922), в которой значительное место отдано И. Тургеневу. Цюй Цюбай, как и его друг и сокурник Гэн Цзичжи, в совершенстве владел русским языком. Исследуя

типологию тургеневских героев, ученый говорит о характерах его «лишних людей», причисляя к ним и Евгения Базарова [3. С. 179]. Цюй Цюбай и другие китайские литераторы использовали терминологию, сложившуюся в русской литературе и ее литературоведении. Известно, что понятие «лишний человек» ввел в научный оборот сам Тургенев, создав повесть «Дневник лишнего человека» (1950). Точка зрения Цюй Цюбая стала основой более поздних дискуссий в китайском литературном сообществе, осмыслявшем своеобразие героев разных писателей, но прежде всего тургеневских.

1920-е годы – период ярко выраженной демократизации китайского общества после падения феодализма в начале второго десятилетия XX века. Это, думается, во многом предопределило изменение отношения к главному герою «Отцов и детей», оно стало вполне признанным. В монографии «Очерк по истории русской литературы» (1924) Чжэн Чжэньдо определил Базарова иначе, как представителя «новых людей» [4. С. 39]. Понятно, что Чжэн Чжэньдо заимствует это определение у российского литературоведения, в которое его ввел Н. Чернышевский, опубликовавший в 1863 году известный роман «Что делать?» с подзаголовком «Из рассказов о новых людях».

В 1930 годы в Поднебесной взгляд на роман Тургенева меняется. Причины этих изменений лежат за границами литературоведения. В Китае, очевидно, под влиянием соответствующих процессов в России 1920-х – начала 1930-х годов, зарождается социологический подход в оценке произведений искусства. Это влияние признавали и признают историки китайской литературы. Борьба левых и правых литературных группировок привлекла повышенное внимание людей, занимавшихся проблемами культуры и искусства. В 1925 году молодой ученый Жэнь Гочжэнь, хорошо владевший русским языком, при участии основоположника современной китайской литературы Лу Синя переводит и издает сборник работ теоретиков Пролеткульта, РАППа, «Перевала», ЛЕФа, «Серрапионовых братьев» и т. д. – «Русская литературная полемика».

Современный ученый Шэнь Ци доказывает, что в 1920–1930-х годах самое пристальное внимание китайских писателей привлек РАПП, именно рапповскую теорию они восприняли «как основание для развития левого литературного движения в Китае» [5. С. 60].

Надо сказать, это внимание соответствовало духу эпохи радикальных перемен. В октябре 1930 года в Харькове прошел съезд Международного объединения революционной писателей. На этом съезде присутствовала китайская делегация от Союза пролетарских писателей. Рапповская парадигма просматривается уже в названии этого союза. Глава делегации, поэт и переводчик Сяо Сань выступил здесь с докладом на тему «Героическая борьба китайских рабочих и крестьянских бедняков за социальное и национальное освобождение». На съезде было образовано «Международное объединение революционных писателей», а Сяо Сань был избран секретарем секретариата этого объединения. У себя на родине он выступал как пропагандист и популяризатор рапповских теорий, работ Л. Авербаха и его окружения.

Известно, что социологическая критика уделяет повышенное внимание социальному происхождению героя, а тем более автора. Исходя из этого, литература делится ею на прогрессивную и реакционную. Должная, «правиль-

ная», литература априори ожидается от автора революционных воззрений, соответственно, положительный герой обязан быть революционером.

В журнале «Читающая жизнь», выпускавшимся в 1930-е годы в Китае, вышла статья под псевдонимом Чжи Чжи «Тургеневские “Отцы и дети”» (1935). Статья примечательная, неоднозначная. Это первый подробный анализ романа. Автор уделяет некоторое внимание художественным достоинствам произведения, говорит о выдержанном художественный стиле, об убедительности характеров. При этом основное пространство статьи отдано критическому разбору произведения с ярко выраженных социологических, по сути рапповских, позиций. Недостатки романа он выводит из принадлежности Тургенева к правящему, дворянскому, сословию. По мнению Чжи Чжи, писатель в силу своего аристократизма «не способен понять историческое значение молодого поколения, к которому принадлежит Базаров, поэтому в его произведениях есть искажение реальности, есть элементы регрессивного романтизма» [6. С. 456]. Чжи Чжи утверждает, что Тургенев симпатизировал аристократии в романе, насмешливо относясь к молодому интеллигенту Базарову. Примечательно, что китайский исследователь XX века повторяет мнение российских хулителей романа в XIX веке, например, М.А. Антоновича, Ю.Ф. Самарина, М.Н. Каткова и др. [7. С. 212–213]. Было ли это повторение осознанным или невольным, установить трудно, как и раскрыть псевдонимы.

Чжи Чжи открыто связывает свое понимание романа с социальными проблемами своего времени, вспоминает молодежное антиимпериалистическое Движение четвертого мая 1920-х годов: «Мы также выкрикивали лозунг “переоценки всех ценностей”, что совпадало с мыслью русской молодежи в 1880-х годах, которая требовала “обращаться ко всему с критическим взглядом”» [6. С. 458].

Позже, вслед за Чжи Чжи, и другие авторы, обращавшиеся к «Отцам и детям», связали популярность, интерес к этому произведению с социально-историческими реалиями жизни в Поднебесной.

Интересно, что в конце 1940-х годов в «Литературном журнале» критик под псевдонимом Чан Фэн, настоящее имя Чан Фэнчжуань, опубликовал статью под тем же названием «Тургеневские “Отцы и дети”» (1948). Понятно, что таким образом он намекал на свое критическое отношение к выводам Чжи Чжи. Очевидно, свою роль сыграл тот факт, что вульгарный социологизм к тому времени был преодолен и в России, и в Китае. Преодоление было половинчатое, но классическая литература в лице ее дворянских представителей была как бы реабилитирована. Чан Фэн упрекает «неразумных» читателей, которые не оценили, не поняли Тургенева, писателя, который первый обнаружил рождение нового деятельного типа [8. С. 82].

Автор подробно анализирует конфликтные отношения Базарова и Кирсановых, симпатизируя при этом герою-нигилисту. Чан Фэн первым уделил значительное внимание взаимоотношениям Евгения Базарова с родителями, справедливо указывая на важность этих отношений для характеристики выведенных характеров. Правда, автор отказывает Тургеневу в психологизме, но тут дело в терминологии. Под психологизмом он понимал собственно психологические экскурсы, рассуждения [8. С. 90]. В статье есть заслуживающее

внимания наблюдение. Чан Фэн противопоставляет братьев Кирсановых, симпатизируя, понятно, Николаю Петровичу. И, говоря о характере Николая Петровича, предполагает, что Тургенев «показал часть себя в Николае – в его душевном тепле, в его любви к природе, во всей его гармоничной и по-своему слабой натуре» [8. С. 91]. Предположение обоснованное; известно, что и сам Тургенев имел дочь от крепостной крестьянки [9].

В десятилетие культурной революции (1966–1976) изучение классики, и китайской, и зарубежной, не приветствовалось. Внимание к ней, и в частности к произведениям Тургенева, активизировалось в 1980-е годы. По роману «Отцы и дети» в конце XX века было опубликовано более двадцати разного рода статей. Критики и литературоведы обратились к анализу формы произведения, исполнению того или иного эпизода, характера.

Китайские исследователи конца ушедшего столетия открыли для себя Тургенева-художника, несколько отвлекаясь от политики и социологии. В частности, их внимание привлек тургеневский пейзаж, тургеневский психологизм уже в широком литературоведческом смысле. Чжан Сяньчжоу в монографии «Тургенев и его романы» (1981) пишет: «Тургенев пронизательно выявляет разного рода зарождающиеся социальные явления, анализирует конфликты общественной жизни, он мастерски изображает движения в природе и в психологии персонажей» [10. С. 103].

В китайском литературоведении прошлого века случались казусы. Так, есть книги, в которых указан переводчик, но не указаны ни автор, ни язык, с которого был сделан перевод. Очевидно, переводчик в этих случаях соединяет публикации многих авторов со своими наблюдениями. Книгу такого рода издал литератор-переводчик Линь Чжипин, она называется «Жизнь Тургенева и его произведения» (1964). Значительное внимание в ней отдано роману «Отцы и дети», тургеневским описаниям природы. Линь Чжипин делает вывод, что «описание пейзажа является структурообразующим фактором в романах Тургенева, несет различные функции, в частности раскрывает время и место действия, оттеняет или высвечивает эмоции героев, оказывает на них заданное автором влияние [11. С. 93–94]. Особое внимание автор закономерно уделяет пейзажным зарисовкам в конце романа «Отцы и дети» – голосу природы: «Цветы на могиле Базарова говорят не только о спокойствии в природе, но еще и о гармонии бесконечной жизни» [11. С. 95].

Оригинальный взгляд на роман предложил Тан Бинху в статье «Художественные особенности пейзажа в романах Тургенева» (1989). Он заметил, что «пейзаж в тургеневских романах тесно связан с сюжетной линией и способствует характеристике персонажей» [12. С. 365]. Автор статьи справедливо указывает, что Тургенев обращается к пейзажным описаниям в наиболее напряженных, ключевых эпизодах. В качестве примера он указывает на красочное описание утреннего пейзажа в день дуэли Базарова с Павлом Петровичем: «Утро было славное, свежее, влажная темная земля, казалось, еще хранила румяный след зари; со всего неба сыпались песни жаворонков». Критик утверждает, что в этом описании есть намек на психологическую победу Базарова. Утверждение, надо сказать, сомнительное. Гармоничный пейзаж здесь, скорее всего, дисгармонирует с тем событием, которое должно произойти, с задуманным смертельным поединком.

Ван Сыминь в монографии «Тургенев» (1981) обращается к психологизму Тургенева. Роман «Отцы и дети» здесь впервые в китайском литературоведении рассматривается как социально-психологическое произведение. Отметим, что до Ван Сыминя китайские ученые видели психологизм лишь в непосредственном описании внутреннего состояния характеров. Ван Сыминь понимает психологизм расширительно, говорит о проявлении психологизма в поступке, в движении, в деятельности героя, в данном случае Базарова [13. С. 88–89]. Справедливость своего суждения автор не подкрепляет обращением к тексту. Например, можно обратиться к такому эпизоду: в шестой главе в ходе дебатов Павла Петровича и Базарова о науке и искусстве Базаров откровенно зевнул, этот штрих немало говорит о его отношении к предметам спора, оппоненту и его характере в целом.

Позже тургеневский психологизм стал предметом особого внимания. Об этом, в частности, подробно писал Фэн Цзинь в статье «Психологизм в романах Тургенева» (1989). Фэн обратил внимание на скрытое напряжение, психологизм тургеневских диалогов, раскрывающий истинные отношения между персонажами [14. С. 360]. Справедливость этого суждения не вызывает сомнений. Тургеневские диалоги обладают большим «удельным весом», они многими корнями связаны с сюжетным действием, выражением авторской позиции. К примеру, в десятой главе романа Базаров и Аркадий разговаривают о Николае Петровиче, который случайно подслушивает этот разговор: «– Ты отца недостаточно знаешь», – говорил Аркадий. «– Твой отец добрый малый, – промолвил Базаров, – но он человек отставной, его песенка спета». Этот разговор эхом отразится в последующем диалоге двух братьев: «Вот как мы с тобой», – говорил в тот же день после обеда Николай Петрович своему брату, сидя у него в кабинете, – в отставные люди попали, песенка наша спета. Что ж? Может быть, Базаров и прав; но мне, признаюсь, одно больно: я надеялся именно теперь тесно и дружески сойтись с Аркадием, а выходит, что я остался назади, он ушел вперед, и понять мы друг друга не можем» [15. С. 353].

При этом продолжались давние дискуссии и об этическом содержании главного героя – Евгения Базарова. Одни видели в нем типичного «нового человека» 1860-х годов. Другие полагали, что он лишь «переходный образ».

В 1978 году Лей Чэндэ опубликовал статью «Центральный герой и отношения между персонажами в романе “Отцы и дети”». Здесь впервые анализируется система образов. Автор статьи рассматривает Базарова как «истинного типичного разночинного интеллигента», говорит о его победительной роли. Соответственно об авторе говорится как о художнике, победившем свои «классовые предрассудки» [16. С. 96]. Лей анализирует противоречия и между поколениями, и между «детьми», говорит о слабости характера Аркадия Кирсанова в сравнении с характером Евгения Базарова [16. С. 94].

Статья Лей Чэндэ имела резонанс. Но на следующий год после ее публикации в журнале «Исследования зарубежной литературы» вышла полемическая статья Ху Бинь «Разговор о Базарове и других персонажах – обсуждение с товарищем Лэй Чэндэ». Автор этой публикации более критично смотрит на характер Базарова, не видит в нем «типичного разночинного интеллигента». Замечает, что этот нигилист «говорит только о разрушении», что ему «не хва-

тает уверенности в будущем, и он движется от скептицизма к пессимизму». Лэй низводит героя с пьедестала. Для него Базаров – всего лишь «незрелый мелкобуржуазный революционер... переходная фигура» [17. С. 74]. Дискуссия в общем-то понятная, если рассматривать ее в связи с социальной ситуацией Китая конца 1970-х годов – в стране начались глубочайшие реформы.

По-разному смотрят исследователи и на позицию самого романиста. Лей Чэндэ полагает, что И. Тургенев критически относится к революционно-демократическим идеям Базарова и потому «безжалостно» его убивает. Ху Бинь, напротив, видел сочувственное отношение автора и к Базарову, и к его «революционно-демократическим идеям» [17. С. 75]. Он справедливо видит сознательную героизацию образа в описании смерти героя. Известно высказывание автора о герое в письме А. Фету – «самая симпатичная изо всех моих фигур».

Интерес к роману не ослабевает и в дальнейшем. Примечательно, что в 1985 году Хуан Вэйцин делает его новый перевод. В предисловии к новому изданию профессор Пекинского университета, заведующий кафедрой российско-советских исследований Вэй Хуаньну выразил мысль, что амбивалентность романа проистекает из противоречивости образа Базарова, которая, в свою очередь, зависит от противоречий тургеневского мировоззрения. Вэй Хуаньну полагает, что Базаров является «первым позитивным типом» в русской литературе [18. С. 126].

Споры о романе и его главном герое продолжились и в текущем столетии. Они вполне понятны и заданы самим Тургеневым, не сумевшим определить свое отношение к сотворенному им характеру. Лян Дунсюе, Ган Юзе, Бао Вэньди, Вей Лин и другие ученые до сих пор ведут дискуссии о личности нигилиста: например, в статьях «Ранние работы Тургенева в начале шестидесятых – романы “Накануне” и “Отцы и дети”» (1997), «О образе Базарова» (1983), «Базаров является каким типичным человеком?» (1984), «Новый человек в романе Тургенева – Базаров» (1988). Идут рассуждения о том, в какой мере Базаров является «новым человеком», «зрелым революционером» и т. д. Споры о Базарове органично переходят в споры об авторе романа.

Заключение

Рассматривая исследования китайских ученых, не трудно заметить, что в центре внимания – главный герой Базаров. Определение типизации образа Базарова тесно связано с китайской общественной ситуацией и методологией (биографической, культурно-исторической и т. д.) исследования. Poleмика о Базарове, об образе «нового человека» и нигилиста до сих пор продолжается в китайских литературных кругах. Следы Базарова даже отражены в современных китайских романах. Все это доказывает, что роман «Отцы и дети» имеет большое влияние на литературный мир Китая.

Список литературы

- [1] *Jostein Børtnes*. The poetry of prose – the art of parallelism in Turgenev’s “Отцы и дети” // *Scando-Slavica*. 2008. Vol. 30. Pp. 31–55.
- [2] *Тянь Хань*. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 14. Шицзячжуан: Хуашань Вэньи, 2000. 387 с. [田汉. 田汉全集. 石家庄: 花山文艺出版社, 2000. 第十四卷. 387页.]

- [3] *Цюй Цюбай*. Собр. соч.: в 2 т. Пекин: Народная литература, 1986. Т. 2. 419 с. [瞿秋白. 瞿秋白文集·文学编. 第二卷. 北京: 人民文学出版社 1986. 419页.]
- [4] *Чжэн Чжэньдо*. Очерк по истории русской литературы. Шанхай: Коммерческое издательство, 1924. 189 с. [郑振铎. 俄罗斯文学史略. 上海: 商务印书馆, 1924. 189页.]
- [5] *Шэнь Ци*. Перевод статьи РАППа в Китае // Вестник Шанхайского университета. 1989. С. 60–63. [沈栖. “拉普”在中国译介的始末. 上海大学学报: 社会科学版. 1989. 第60–63页.]
- [6] *Чжи Чжи*. Тургеневские «Отцы и дети» // Читающая жизнь. 1935. № 10. С. 456–458. [执之. 读书生活. 屠格涅夫的《父与子》. 1935. 第10期. 第456–458页.]
- [7] *Тургенев И.С.* Отцы и дети. Л.: Детская литература, 1965. 239 с.
- [8] *Чан Фэн*. Тургеневские «Отцы и дети» // Литература. 1948. № 1. С. 82–92. [常风. 文学杂志. 屠格涅夫的《父与子》. 1948. 第1期. 第82–92页.]
- [9] *Богословский Н.В.* Тургенев. М.: Молодая гвардия, 1959. 416 с.
- [10] *Чжан Сяньчжоу*. Тургенев и его романы. Пекин: Пекинское издательство, 1981. [张宪周. 屠格涅夫和他的小说. 北京: 北京出版社, 1981. 148页.]
- [11] *Линь Чжипин*. Биография Тургенева и его работы. Тайбэй: Пять континентов, 1964. 207 с. [林致平. 屠格涅夫生平及其代表作. 台北: 五洲出版社, 1964. 共207页.]
- [12] *Тан Бинху*. Художественные особенности пейзажа в романах Тургенева // Ли Чжаолин, Е Найфан. Исследование о Тургеневе. Шанхай: Переведенный текст, 1989. 566 с. [唐冰湖. 于奇景中见人心 – 屠格涅夫长篇小说中风景描写的艺术特色 // 李兆林、叶乃方. 屠格涅夫研究. 上海: 上海译文出版社, 1989. 566页.]
- [13] *Ван Сыминь*. Тургенев: 1818–1883. Шэньян: Народное издательство в г. Ляонине, 1981. 91 с. [王思敏. 屠格涅夫: 1818–1883. 沈阳: 辽宁人民出版社, 1981. 91页.]
- [14] *Фэн Цзиньни*. Психологизм в романах Тургенева // Ли Чжаолин, Е Найфан. Исследование о Тургеневе. Шанхай: Переведенный текст, 1989. 566 с. [冯增义. 屠格涅夫长篇小说中的心理分析 // 李兆林、叶乃方. 屠格涅夫研究. 上海: 上海译文出版社, 1989. 566页.]
- [15] *Тургенев И.С.* Отцы и дети // Тургенев И.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1980. 445 с.
- [16] *Лэй Чэндэ*. Центральный герой и отношения между персонажами в романе «Отцы и дети» // Исследование зарубежной литературы. 1978. № 2. С. 90–98. [雷成德. 《父与子》的中心人物及人物之间的关系. 外国文学研究. 1978. 第2期. 第90–98页.]
- [17] *Ху Бинь*. Разговор о Базарове и других персонажах – обсуждение с товарищем Лэй Чэндэ // Исследование зарубежной литературы. 1979. № 4. С. 74–77. [胡斌. 也谈巴扎洛夫和其他人物 – 与雷成德同志商榷. 外国文学研究. 1979. 第4期. 第74–77页.]
- [18] *Вэй Хуаньну*. Предисловие романа «Отцы и дети» (переводный вариант – Хуан Вэйцзин) // Зарубежная литература. 1985. № 1. С. 123–126. [魏荒弩. 《父与子》 – 黄伟经译《父与子》序. 国外文学. 1985. 第11期. 第123–126页.]

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 1 марта 2020 г.

Дата принятия к печати: 15 марта 2020 г.

Для цитирования:

Го Сывэнь. Роман И. Тургенева «Отцы и дети» в литературоведении Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 258–267. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-258-267>

Сведения об авторе:

Го Сивэнь, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: guosiwen@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-258-267

Research article

I. Turgenev's novel "Fathers and Sons" in Chinese literary studies

Guo Siwen

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
10 Miklukho-Maklaya St, bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. The article discusses the historical and functional aspect of the study about the novel by I.S. Turgenev's "Fathers and Sons" in China. The focus is on a large number of works devoted to the Russian classic over the past century. At the same time, the historical path that the Chinese literary studies have gone through is viewed – a gradual overcoming of the sociological, in essence of Russian Association of Proletarian Writers (RAPP), approach to the study of elegant literature, shifting the attention of articles' authors from arbitrary interpretation of content to a plan for considering the content form. Such topics as Turgenev's landscape, psychological depiction, and Turgenev's hero are covered in more detail. The conclusion is drawn about the continued attention of Chinese writers to Russian classics.

Keywords: Ivan Sergeyevich Turgenev, "Fathers and Sons", Evgeny Bazarov, nihilist, "extra people", "new person", historical and functional literary criticism, psychologism, landscape

References

- [1] Børtnes, Jostein. (2008). The poetry of prose – the art of parallelism in Turgenev's "Отцы и дети". *Scando-Slavica*, (30), 31–55.
- [2] Tyan' Khan'. (2000). *Collected works*: in 20 vols. Vol. 14. Shijiazhuang. [田汉. 田汉全集. 石家庄: 花山文艺出版社, 2000. 第十四卷. 387页.]
- [3] Tsyuy Tsyubay. (1986). *Collected works*: in 2 vols. Vol. 2. Beijing. [瞿秋白. 瞿秋白文集·文学编. 第二卷. 北京: 人民文学出版社 1986. 419页.]
- [4] Chzhen Chzhen'do. (1924). *Essay on the history of Russian literature*. Shanghai. [郑振铎. 俄罗斯文学史略. 上海: 商务印书馆, 1924. 189页.]
- [5] Shen' Tsi. (1989). Translation of the RAAP articles in China. *Bulletin of Shanghai University* (pp. 60–63). [沈栖. "拉普"在中国译介的始末. 上海大学学报: 社会科学版. 1989. 第60–63页.]
- [6] Chzhi chzhi. (1935). "Fathers and Sons" of Turgenev. *Reading life*, (10), 456–458. [执之. 读书生活. 屠格涅夫的《父与子》. 1935. 第10期. 第456–458页.]
- [7] Turgenev, I.S. (1965). *Ottsy i deti [Fathers and sons]*. Leningrad, Detskaya literature Publ.
- [8] Chan Fen. (1948). "Fathers and Sons" of Turgenev. *Literature*, (1), 82–92. [常风. 文学杂志. 屠格涅夫的《父与子》. 1948. 第1期. 第82–92页.]
- [9] Bogoslovskiy, N.V. (1959). *Turgenev*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ.
- [10] Chzhan Syan'chzhou. (1981). *Turgenev and his novels*. Beijing. [张宪周. 屠格涅夫和他的小说. 北京: 北京出版社, 1981. 148页.]

- [11] Lin' Chzhipin. (1964). *Biography of Turgenev and his work*. Taipei. [林致平. 屠格涅夫生平及其代表作. 台北: 五洲出版社, 1964. 共207页.]
- [12] Tan Binkhu. (1989). Artistic features of the landscape in Turgenev's novels. In Li Chzhaolin, Ye Nayfan, *The study of Turgenev*. Shanghai. [唐冰湖. 于奇景中见人心 – 屠格涅夫长篇小说中风景描写的艺术特色 // 李兆林、叶乃方. 屠格涅夫研究. 上海: 上海译文出版社, 1989. 566页.]
- [13] Van Symin'. (1981). *Turgenev: 1818–1883*. Shenyang. [王思敏. 屠格涅夫: 1818–1883. 沈阳: 辽宁人民出版社, 1981. 91页.]
- [14] Fen Tszin'i. (1989). Psychologism in Turgenev's novels. In Li Chzhaolin, Ye Nayfan, *The study of Turgenev*. Shanghai. [冯增义. 屠格涅夫长篇小说中的心理分析 // 李兆林、叶乃方. 屠格涅夫研究. 上海: 上海译文出版社, 1989. 566页.]
- [15] Turgenev, I.S. (1980). Ottsy i deti [Fathers and sons]. In I.S. Turgenev, *Sochineniya [Works]*: in 2 vols. Vol. 2. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ.
- [16] Ley Chende. (1978). The central hero and the relationship between the characters in the novel “Fathers and Sons”. *Study of foreign literature*, (2), 90–98. [雷成德. 《父与子》的中心人物及人物之间的关系. 外国文学研究. 1978. 第2期. 第90–98页.]
- [17] Khu Bin'. (1979). The conversation about Bazarov and other characters – a discussion with Lei Chengde. *Foreign Literature Research*, (4), 74–77. [胡斌. 也谈巴扎洛夫和其他人物 – 与雷成德同志商榷. 外国文学研究. 1979. 第4期. 第74–77页.]
- [18] Vey Khuan"nu. (1985). Preface of the novel “Fathers and Sons” (translated version – Huang Weijing). *Foreign Literature*, (1), 123–126. [魏荒弩. 《父与子》 – 黄伟经译《父与子》序. 国外文学. 1985. 第11期. 第123–126页.]

Article history:

Received: 1 March 2020

Revised: 12 March 2020

Accepted: 15 March 2020

For citation:

Guo, Siwen. (2020). I. Turgenev's novel “Fathers and Sons” in Chinese literary studies. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 258–267. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-258-267>

Bio note:

Guo Siwen, Ph.D. student of the Department of Russian and Foreign Literature of Philological Faculty of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: guosiwen@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-268-276
УДК 821.16.1

Научная статья

Пространственно-временная организация рассказа И.А. Бунина «Холодная осень»

Цзоу Вэньяо

Ланьчжоуский университет

Китайская Народная Республика, 730000, Ланьчжоу, ул. Тяньшуй, 222

Аннотация. Данная статья представляет собой анализ хронотопа рассказа И.А. Бунина «Холодная осень». Этот текст с точки зрения пространственно-временной организации выстроен довольно необычно: он четко делится на три части, каждая из которых имеет свою характеристику. Время в рассказе представлено нелинейно, оно течет с разной скоростью – описание одного вечера героев максимально детализировано и занимает две трети рассказа, а вся остальная жизнь героини только одну треть. В целом повествование выстроено ретроспективно и ориентировано на воспоминания героини, поэтому многие даты даются косвенно. Пространство в рассказе строится на контрасте детального описания имения и локуса дома с абстрактным перечислением множественных перемещений героини за границей. Такая детализация событий, происходящих в России, и абстрактность пространства и времени за границей может быть связана с личным опытом автора: «Холодная осень», созданная в эмиграции, несет на себе отпечаток тоски и ностальгии по утраченной Родине самого И.А. Бунина. Пространственно-временная организация рассказа «Холодная осень» в данном исследовании вписана в контекст творчества И.А. Бунина, а также сравнивается с концепцией хронотопа, представленной Б. Пастернаком в романе «Доктор Живаго».

Ключевые слова: «Холодная осень», пространство и время, И.А. Бунин, Б. Пастернак, «Доктор Живаго»

Рассказ «Холодная осень» написан в мае 1944 года, когда писатель жил в оккупированной германскими войсками Франции, и потому несет на себе печать своего времени, проявляющуюся в поэтике и стилистике. У рассказа ретроспективная композиция, он строится как лирическое воспоминание о событиях жизни героини и ее страны. Исследователь М.Я. Дымарский говорит об этом так: «Сюжет рассказа оказывается встроенным в ситуацию речемыслительного действия воспоминания. <...> Ситуация воспоминания становится при этом единственным главным сюжетом произведения» [1. С. 204–205].

Текст может быть условно поделен на три части. Указание на время и место событий постоянно присутствует в повествовательных фрагментах: мы всегда можем с достаточной точностью определить, где и когда происходят изображаемые события.

© Цзоу Вэньяо, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Деление на части и вычленение каждой из них упрощаются тем, что любая часть обязательно начинается с указания на время: «В июне того года...» (первая часть); «Через месяц в Галиции» (вторая часть); «И вот прошло с тех пор целых тридцать лет...» (третья часть).

Первый временной сигнал этого рассказа появляется уже в заглавии. В небольшом по размеру отрывке первой части рассказа, в двух первых абзацах, указание на точное время действия встречается четыре раза: 15 и 16 июня (убийство австрийского кронпринца Фердинанда и сообщение об этом газете), 12 и 19 июля (Петров день и объявление Германией войны России). Кроме того, в самом начале рассказа «Холодная осень» также есть указание на конкретный месяц: «В июне того года он гостил у нас в имении...». Интересно, что в ряду названных исторических событий появляется особое обозначение «Петров день». С одной стороны, этот православный праздник связан с конкретной датой (29 июня по старому стилю и 12 июля по новому), а с другой, день святых апостолов Петра и Павла имеет символическое значение – с ним связывают начало летних свадеб по народному календарю. А в рассказе это день именин отца (и единственное указание на конкретное имя героев рассказа) и момент представления гостям жениха главной героини.

Два ключевых лексико-семантических поля рассказа «Холодная осень» – пространство и время. Лексика, связанная с категорией времени, образует тематические единства:

1) названия времен года: холодная осень, удивительно ранняя и холодная осень, по-осеннему (светят окна);

2) слова, обозначающие даты: тот год, в июне, пятнадцатого июня, утром шестнадцатого, девятнадцатого июля, в сентябре;

3) слова и словосочетания, обозначающие время суток: за обедом, всего на сутки, после ужина, в тот вечер, этот вечер, утром;

4) слова и словосочетания, косвенно указывающие на время событий: убили в Сараеве Фердинанда, на Петров день, Германия объявила России войну, перед отъездом на фронт, пора спать, черное небо, восход луны, времена наших дедушек и бабушек.

Как было отмечено выше, с одной стороны, повествователь очень точно указывает время действия происходящих событий, но с другой – он нигде прямо не называет год начала действия: рассказ начинается со слов «в июне того года». Словосочетание «тот год» погружает читателя в воспоминание героини, но не дает точного указания на дату. Читатели узнают о времени действия рассказа косвенно, из следующих слов: «пятнадцатого июня убили в Сараеве Фердинанда», «девятнадцатого июля Германия объявила России войну...». Эти два события помогают с максимальной точностью определить время действия первой части рассказа – 1914 год, начало Первой мировой войны.

Однако возможно и другое истолкование отсутствия прямого указания на временной интервал происходящих событий: поскольку перед нами внутренний монолог героини, ее частное воспоминание, то ей нет необходимости проговаривать дату для себя. Она прекрасно помнит и знает, в каком году резко изменилась ее судьба. Таким образом, в рассказе используются два условных типа времени: биографическое (личное) и историческое. Как правило,

биографическое время входит в состав исторического, они не часто оказываются в ситуации противопоставления. Но в данном случае под биографическим понимается время, окрашенное личностным восприятием героини, текущее по своим особым законам.

Помимо того, что время в рассказе нелинейно, оно еще и течет с разной скоростью: подробно, детально описан единственный важный и счастливый вечер в судьбе героини, как будто он длится намного дольше, чем вся остальная жизнь, которая словно поставлена «на перемотку» – она проносится в один миг. В этом фрагменте даже нет подробной детализации, все события просто перечисляются, приводятся безликим списком. Если говорить о соотношении частей, то описание одного дня занимает две трети текста, а всей остальной жизни – всего одну треть, то есть в два раза меньше. Н.А. Николина в своей книге «Филологический анализ текста» называет этот прием «концептуализацией времени» [2]. Под концептуализацией исследовательница понимает особое представление о времени в рамках индивидуальной или народной картины мира. Это может проявляться через комментарии повествователя, использование особых художественных приемов, субъективное членение временного потока, противопоставление различных временных планов.

Яркий пример концептуализации времени – размышление о тридцати годах жизни героини, которые пролетели, прошли, как ненужный сон: «И вот прошло с тех пор целых тридцать лет. И многое, многое пережито было за эти годы, кажущиеся такими долгими, когда внимательно думаешь о них, перебираешь в памяти все то волшебное, непонятное, непостижимое ни умом, ни сердцем, что называется прошлым» [3. С. 248].

Этот фрагмент представляет собой не столько воспоминания о прожитой жизни героини, сколько общие мысли о жизни и памяти. Он перекликается с другими размышлениями в рассказе, где женщина противопоставляет единственный вечер всем последующим годам ее жизни: «Но, вспоминая все то, что я пережила с тех пор, всегда спрашиваю себя: да, а что же все-таки было в моей жизни? И отвечаю себе: только тот холодный осенний вечер. Ужели он был когда-то? Все-таки был. И это все, что было в моей жизни – остальное ненужный сон» [3. С. 249].

Надо сказать, что такой подход к изображению времени наблюдается не только в этом произведении И.А. Бунина. Так, в рассказе «Солнечный удар» время тоже течет по своим особым законам, то замедляясь, то ускоряясь. Основные события текста укладываются меньше, чем в сутки: герои встречаются после обеда на палубе (причем женщина подчеркивает, что три часа назад они даже не догадывались о существовании друг друга), сходят на берег, проводят вместе ночь, а в десять утра следующего дня расстаются навсегда. Герой приходит в ужас от осознания того, что ему придется провести без нее целый день, этот «бесконечный день», как он его называет. То есть время сразу же замедляет свой бег после расставания героев рассказа и тянется мучительно медленно. Безымянный герой вспоминает свой вчерашний день и утро так, словно они были десять лет назад, а последняя строчка рассказа сообщает о том, что в конце этого бесконечного дня он чувствовал себя постаревшим на те же самые десять лет. Следовательно, для И.А. Бунина во многих его про-

изведениях время обладает разной степенью концентрации: иногда годы укладываются в мгновение, а порой один день длится вечность.

В двух первых абзацах рассказа «Холодная осень» четыре точные даты, названные выше, создают исторический фон происходящего: события следуют одно за другим, временные точки сменяются очень быстро. Со слов «В сентябре он приехал к нам всего на сутки...» до конца первой части время движется в границах жизни одной семьи. Художественное время в этой части повествования идет и быстро, и медленно одновременно: время ускоряется, потому что война стремительно наступает и врывается в судьбы людей. Кроме того, перед отъездом героя времени для близкого человека катастрофически не хватает: оно замедляется, потому что для героини каждое мгновение, проведенное вместе с женихом, очень дорого.

Таким образом, с помощью прямого и косвенного обозначения времени писатель создает образ неустойчивого мира, который стремительно движется к своему страшному концу. Необратимость и стремительность движения времени выражены не только с помощью обозначения дат сменяющихся событий, но и с помощью ритмико-синтаксической организации текста, его абзацного членения. Первые три абзаца текста имеют схожую ритмико-синтаксическую организацию: каждый начинается с обозначения времени происходящих событий.

Концепция времени и истории И.А. Бунина отчасти схожа с историко-софской концепцией Б. Пастернака в романе «Доктор Живаго». Оба писателя обращаются к проблеме частного человека в переломную историческую эпоху. Главный герой романа Б. Пастернака ощущает историю как данность: в романе существует несколько планов (один из них – внешний, повествующий об истории жизни доктора Живаго, другой – внутренний, отражающий духовную жизнь главного героя). Пастернаку важнее представить не события жизни героя, а его духовный опыт. В связи с этим основная смысловая нагрузка в романе «Доктор Живаго» переносится с событий и диалогов персонажей на их внутреннюю жизнь. Юрий Живаго отстаивает право личности укрыться от истории, не замечать ее, не участвовать в ней, но история постоянно врывается в его жизнь и не оставляет ему такой возможности. В частную жизнь героини рассказа И.А. Бунина история тоже вмешивается очень грубо и меняет ее в корне.

Во второй части рассказа время идет очень быстро. По сравнению с первой частью, во второй слова и словосочетания, составляющие лексикотематическое поле «время», отличаются конкретностью: точно названы даты происходящего и обозначены их исторические приметы.

В третьей части рассказа время также дается не линейно, а так, как сохранила его память. С последней встречи героев прошло тридцать лет, из которых более и менее зафиксирована лишь весна восемнадцатого года до апреля, когда состоялся отъезд в Екатеринодар. Перед нами главная антитеза рассказа, на которой «держится» художественное время: «несколько дней – и вся жизнь». Чем шире хронологические рамки, тем неуловимее реальное ощущение пустого времени, незаполненного событиями.

Особое значение в хронологии рассказа имеют «временные провалы», как называют их А.И. Ильинова, Т.Е. Милевская, К.А. Рогова [4], на фоне которых более заметно выступают описываемые события. Временные провалы в рассказе практически совпадают с паузами в речи героини. Например, в рассказе написано: «Убили его – какое странное слово! – через месяц, в Галиции». В этом предложении словосочетание «через месяц» обозначает одну из пауз развития сюжета. После этого месяца жизнь героини совсем изменилась: ее возлюбленный умер, до наступления весны восемнадцатого года уже не было в живых ее родителей. Вышеупомянутые исследователи выделяют в рассказе И.А. Бунина три «временных провала», которые сосредоточены в зачине и центральной части рассказа. Первый такой провал между 16 июня и 12 июля возникает как реакция на слова отца: «*Это война!*». Второй – между серединой июля и началом сентября связан с последним вечером героев. Третий длится от утра прощания до гибели возлюбленного. В тексте хронологические «затмения» отмечены многоточиями. Точка зрения авторов об отрезках «временных провалов» убедительна, хотя и не бесспорна. По нашему мнению, только третья пауза, собственно, и может быть названа «провалом» времени. Она используется И.А. Буниным как способ создания сюжетного напряжения.

Жизнь героини от Ниццы 1912 года до Ниццы 1944 года представляется собой «круговорот» времени. Перед войной в 1912 году у героини была любовь и полноценная семья, а в 1944 году у нее уже ничего не осталось. Жизнь героини – «*ненужный сон*», изредка прерываемый незначительными эпизодами, как бы выплывающими из глубины подсознания. Характерно, что дальше в тексте никак не описаны ни революция, ни Гражданская война, ни Вторая мировая война, ни даже смерть родителей, события проходят будто бы «по касательной» относительно восприятия героини. Возможно, такая детализация событий, происходящих в России, и абстрактность времени за границей была связана с личным опытом автора: «Холодная осень», созданная в эмиграции, несет на себе отпечаток тоски и ностальгии по утраченной Родине самого И.А. Бунина.

Написанный в том же году рассказ «Чистый понедельник», вероятно, также связан с ностальгическим настроением писателя: подробные описания московских реалий продиктованы желанием сохранить их в памяти и на бумаге, не дать воспоминаниям о России раствориться. При этом рассказ «Чистый понедельник» не очень типичен для И.А. Бунина с точки зрения временной организации – здесь время обозначено точно (это 1911–1912 годы), а не абстрактно, как во многих других рассказах.

Художественное пространство в рассказе «Холодная осень» организовано по тем же законам, что и художественное время.

Лексику, обозначающую пространство в этом тексте, можно разделить на две группы:

1. Лексика с общим значением «удаленное неопределенное пространство»: сюда относятся названия городов и стран (*пробыли на Дону и на Кубани, из Новороссийска в Турцию, в Крым, к Врангелю, в Константинополе*), а также абстрактное определение «*где только ни скиталась...*».

2. Слова с общим значением «конкретное, близкое пространство»: например, *в имени, из кабинета в столовую, за чайным столом, обернулся к дому, опустевший дом + прихожая, сад и пр.* Эти слова раскрывают целостную картину жизни семьи.

В рассказе есть прямое указание на место действия первой части с первых же строк: «*В июне того года он гостил у нас в имении*». Слово «имение» является пространственным и социальным ориентиром всего последующего описания, дает нам информацию о социальном статусе героев: очевидно, речь идет о богатой дворянской, помещичьей семье. Кроме того, оно организует группу тематически и ассоциативно связанных с ним слов (например, *из кабинета в столовую, за чайным столом*), которая образует наглядно-изобразительный пространственный план первой части текста.

Хотя автор нигде прямо не пишет о духовных связях, цементирующих семейный «микрокосм», он создает образ этих связей через описание образа пространства, в котором живет героиня, – дом (имение), состоящий из кабинета, столовой, чайного стола, балконной двери, сада, прихожей, чернеющих сосен, балкона, окна, крыльца, комнаты, – повседневного и дорогого каждому члену семьи, формирующего ее целостность.

Важной символической деталью рассказа становятся звезды, которые по ходу действия как бы «*оппадают*» на землю. Сначала их ледяное сверкание на черном небе замечает героиня через балконную дверь. В китайской культуре существует поверье, что каждая звезда – это душа человека, который уже прошел земную жизнь. Метафорически двумя деталями (звезды и образок) задана онтологическая вертикаль и в целом координаты бунинской художественной вселенной. Далее панорама описания постепенно сужается – повествователь концентрирует внимание на конкретных деталях описываемых объектов.

Во второй части текста жизнь героини связана со многими городами, в которых она жила и останавливалась. Здесь мелькание различных названий городов, постоянное изменение места жительства героини похоже на демонстрацию слайдов (*подвал, угол Арбата, путь по морю, Турция, Европа, Ницца*), то есть это беспокойный, динамичный процесс. Возникает контраст между первой, где жизнь героини представлена в мельчайших подробностях повседневной жизни в замкнутом локусе дома, и второй частями. Отсюда создается впечатление, что в развитии сюжета отсутствует логичность, а перемещения героев не всегда мотивированны. По мере географического расширения пространства его наполнение реальными деталями катастрофически сужается.

Исследователи отмечают, что в композиции произведения наблюдается разительный контраст: «абзацная расчлененность первой части с ее событийным характером соседствует с единственным абзацем второй, в котором дан сплошной, без выделения значимых для героини периодов, монолог о ее жизни “после России”» [5. С. 15]. Контраст заключается еще и в том, что в первой половине рассказа при абстрактном указании на место происхождения (не до конца ясно, где именно расположено имение героев) его описание максимально конкретизировано, а во второй части конкретность перечисляемых мест практически ничего не дает для их пространственной характери-

стики – она остается абстрактной. В первой части все действия рассказа связаны с родовым именем героини, что позволяет выделить тему дома как ключевую в организации художественного пространства первой части произведения. Е.Г. Рачкова в статье «Особенности хронотопа в рассказе» пишет: «Сравнение временных и пространственных характеристик позволяет выделить общую для них закономерность: противопоставление локализованной хронологически и географически реальности нелокализованной безграничной вечности» [5. С. 13].

Также противопоставлены внешнее состояние мира накануне войны и внутреннее семейное состояние.

Надо сказать, что И.А. Бунин выстраивает пространство своих текстов по-разному: например, в рассказе «Солнечный удар» описание города максимально абстрактно. Мы знаем о нем только то, что он расположен на Волге и немного похож на Анапу, из которой возвращалась героиня. Отсутствие конкретики в именах и названиях работает на общую концепцию рассказа – Бунину необходимо подчеркнуть, что встреча героев и вспышка их любви носит случайный, иррациональный, немотивированный характер. А в рассказе «Чистый понедельник», наоборот, пространство максимально детализировано и конкретизировано, подробно представлены описания различных мест и реалий Москвы той эпохи.

Рассказ «Холодная осень» находится где-то посередине между двумя вышеназванными произведениями. В целом художественное пространство рассказа организует антитеза родных мест и всего мира. Так или иначе, очевидно, что И.А. Бунин подробно продумывал концепцию пространственно-временной организации своего рассказа и выстраивал под нее различные уровни текста: от композиции до лексики. Все это свидетельствует об особом внимании повествователя к теме времени, к которой плотно примыкает также пространственная характеристика рассказа.

Список литературы

- [1] *Дымарский М.Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст. СПб., 1999. С. 204–205.
- [2] *Николина Н.А.* Филологический анализ текста: учебное пособие. URL: http://www.xliby.ru/literaturovedenie/filologicheskii_analiz_teksta_uchebnoe_posobie/index.php (дата обращения: 3 февраля 2020 г.).
- [3] *Бунин И.А.* Темные аллеи. М.: Эксмо, 2019. 320 с.
- [4] *Ильинова А.И., Милевская Т.Е., Рогова К.А.* Синтаксические особенности рассказа И.А. Бунина «Холодная осень» // *Художественный текст: структура, язык, стиль*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. С. 10–77.
- [5] *Рачкова Е.Г.* Особенности хронотопа в рассказе // *Художественный текст: структура, язык, стиль*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. С. 13.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 1 апреля 2020 г.

Дата принятия к печати: 15 апреля 2020 г.

Для цитирования:

Цзоу Вэньяо. Пространственно-временная организация рассказа И.А. Бунина «Холодная осень» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 268–276. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-268-276>

Сведения об авторе:

Цзоу Вэньяо, кандидат филологических наук, преподаватель Института иностранных языков Ланьчжоуского университета. E-mail: zouwenyao@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-268-276

Research article

Spatial and temporal organization of the story of I.A. Bunin “Cold Autumn”

Zou Wenyaο

Lanzhou University

No. 222 South Tianshui Road, Lanzhou, 730000, People’s Republic of China

Abstract. This article is an analysis of the chronotope in I.A. Bunin’s story “Cold Autumn”. From the point of view of the spatio-temporal organization, this text is built quite unusually: it is clearly divided into three parts, each of which has its own characteristic. Time in the story is presented non-linearly, it flows at different speeds – the description of one evening of characters is as detailed as possible and takes two-thirds of the story, and the rest of the heroine’s life is only one-third. In general, the story is built retrospectively and is focused on the memories of the heroine, therefore, many dates are given indirectly. The space in the story is based on the contrast between a detailed description of the estate and the locus of the house and an abstract enumeration of the heroine’s multiple movements abroad. This detailed description of the events taking place in Russia and the abstraction of space and time abroad may be related to the author’s personal experience: “Cold Autumn” which was created in exile bears the imprint of Bunin’s longing and nostalgia for the lost Homeland. In this study, the spatio-temporal organization of the story “Cold Autumn” is fitted into the context of I.A. Bunin’s works and is also compared with the concept of the chronotope presented by B. Pasternak in the novel “Doctor Zhivago”.

Keywords: “Cold Autumn”, space and time, I. Bunin, B. Pasternak, “Doctor Zhivago”

References

- [1] Dymarskij, M.Ya. (1999). *Problemy tekstoobrazovaniya i hudozhestvennyj tekst [Problems of text formation and artistic text]* (pp. 204–205). Saint Petersburg.
- [2] Nikolina, N.A. (n.d.). *Filologicheskij analiz teksta [Philological analysis of the text]: textbook*. Retrieved February 3, 2020 from http://www.xliby.ru/literaturovedenie/filologicheskii_analiz_teksta_uchebnoe_posobie/index.php
- [3] Bunin, I.A. (2019). *Temnye allei [Dark alleys]*. Moscow, Eksmo Publ.
- [4] Il’ina, A.I., Milevskaya, T.E., & Rogova, K.A. (1993). Sintaksicheskie osobennosti rasskaza I.A. Bunina “Holodnaya osen” [Syntactic features of I.A. Bunin's tale “Cold autumn”]. *Hudozhestvennyj tekst: struktura, yazyk, stil' [Artistic text: structure, language, style]* (pp. 10–77). Saint Petersburg, SPbGU Publ.

- [5] Rachkova, E.G. (1993). Osobennosti hronotopa v rasskaze [Features of the chronotope in the story]. *Hudozhestvennyj tekst: struktura, yazyk, stil'* [*Artistic text: structure, language, style*] (p. 13). Saint Petersburg, SPbGU Publ.

Article history:

Received: 1 April 2020

Revised: 10 April 2020

Accepted: 15 April 2020

For citation:

Zou, Wen Yao. (2020). Spatial and temporal organization of the story of I.A. Bunin “Cold Autumn”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 268–276. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-268-276>

Bio note:

Zou Wen Yao, Ph.D., lecturer of College of Foreign Languages of Lanzhou University. E-mail: zouwenyao@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-277-286
УДК 821.16.1

Научная статья

Состояние исследований современной русской женской прозы в Китае

Цзин Жуге¹, И.В. Монисова²

¹Нанькайский университет

Китайская Народная Республика, 300071, Тяньцзинь, ул. Вэй Цзинь, 94

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

Аннотация. В 80–90-е годы XX века женская литература в России начала стремительно развиваться и осознаваться как особый феномен – впервые после прошлого рунбежа эпох: советская литература крайне редко рассматривалась в отечественном литературоведении с гендерной точки зрения. Творчество современных женщин-писателей стало ярким явлением в контексте российского литературного процесса, обнаружило уникальный женский взгляд на многие социально-психологические проблемы, по-своему отразило исторический перелом, пережитый русским обществом. В Китае, традиционно чутком к русской культуре, рост женской литературы в России был отмечен практически сразу, и китайские ученые на настоящий момент достигли немалых результатов в изучении специфики тем, сюжетики, типологии героев, художественных стилей, языка русской женской литературы. Данная статья направлена на обобщение современного состояния исследований по творчеству русских писательниц в Китае. В ней представлены как работы обобщающего характера, так и материалы, посвященные отдельным писательским индивидуальностям (Л. Петрушевской, Т. Толстой, Л. Улицкой).

Ключевые слова: женская литература России, современные русские писательницы, исследования в Китае, переводы

Введение

В 1988 году в России была создана литературная группа женщин-писательниц «Новые амазонки». Появление такой организации было отмечено как уникальный факт: «Это первая группа в России – за всю ее долгую историю – женщин-писателей, осознавших, что они являются именно женщинами-писателями и что они творят именно женскую литературу» [1. С. 80]. Однако до сих пор в российском научном сообществе не существует единого мнения по проблеме выделения женской литературы как особого феномена. Например, составитель сборника молодой женской прозы «Чистенькая жизнь» А. Шавкута утверждал, что «на каком-то, ниже среднего, уровне, конечно, происходит разделение женской и мужской прозы. Если же планка художественности поднимается выше, то ясно видно: существует только одна лите-

© Цзин Жуге, Монисова И.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ратура – настоящая» [2. С. 3]. Однако специфика женской литературы уже не могла быть просто проигнорирована, в произведениях высокой пробы она также давала о себе знать и на уровне проблематики, и на уровне осмысления вопросов конкретно-исторических и общечеловеческих, а нередко и на уровне художественного языка. К началу 90-х годов XX века в России было опубликовано пять коллективных сборников женской прозы, таких как «Женская логика» (1989), «Чистенькая жизнь» (1990), «Не помнящая зла» (1990), «Новые амазонки» (1991), «Абстинентки: сборник современной женской прозы» (1991). Очевидная плотность опубликования текстов этого ряда свидетельствовала о том, что творчество женщин-писателей уже стало массовым явлением и выраженной литературной тенденцией, а сам «факт такой полемики... подтверждал правомерность выделения произведений, созданных писательницами, в особую группу» [3. С. 147]. Так, в предисловии к сборнику «Не помнящая зла» написано, что «женская проза есть – поскольку есть мир женщины, отличный от мира мужчины». «Мы вовсе не намерены, отрекаться от своего пола, – провозглашают авторы сборника, – а тем более извиняться за его “слабости”. Делать это так же глупо и безнадежно, как отказываться от наследственности, исторической почвы или судьбы. Свое достоинство надо сохранять, хотя бы и через принадлежность к определенному полу (а может быть, прежде всего именно через нее)» [4. С. 3]. Женская литература постепенно находила признание не только в читательской, но и в научной среде. И в этом смысле китайские исследователи оказались несколько лояльнее российских коллег, потому что с самого начала не ставили под сомнение необходимость выделять русскую женскую прозу и драматургию как особый феномен. «Хотя споры о существовании российской женской литературы длились до середины 90-х годов XX века, творчество российских писательниц действительно привлекало большое внимание исследователей современной литературы, в том числе за рубежом» (1), – констатирует Дуань Лицзюнь, исследователь феминистской тенденции в искусстве [5. С. 79].

Осознавая активное развитие современной женской литературы в России, китайские ученые рассматривают данное явление как неотъемлемую составляющую литературного процесса. С 1990-х годов и до сих пор – то есть уже на протяжении почти 30 лет – в китайской русистике формируется корпус исследований по женской литературе. Творчество современных российских писательниц рассматривается в разных ракурсах: в русле литературной теории (гендерный аспект), с позиций феминистской литературной критики, с точки зрения отражения в тексте специфически женского и общечеловеческого опыта отдельной писательской личности, с лингвистической, культурологической и других позиций, в том числе и на основе междисциплинарного подхода.

Состояние исследований творчества современных российских писательниц в Китае

Обобщающие и обзорные исследования

Почти синхронно с подъемом женской прозы в России творчество российских писательниц 90-х годов XX века вошло в исследовательский кругозор китайских ученых. Можно условно выделить три основных направления,

в которых ведется эта работа в настоящее время: обзорные статьи, вводящие в научный контекст новые имена, устанавливающие общие идейно-художественные закономерности названной части литературного процесса и т. д.; исследования с позиций феминистской литературной критики, которые всегда социально-психологически маркированы; междисциплинарные исследования (например, в русле изучения языка культуры). Самой ранней китайской монографией на тему является «Исследование по современной женской прозе России» Чэнь Фан, которая была опубликована в 2007 году. Автор книги делает попытку проследить историю развития этого феномена в России и оценить его состояние, проводит глубокий анализ тем и проблематики творчества писателей-женщин, останавливаясь прежде всего на философско-психологических аспектах (бытие, смерть, любовь), прослеживает типологию новых женских образов в этой прозе и определяет стиль литературного женского творчества в целом. Монография Чэнь Фан в определенной степени отражает общий ход мысли большинства китайских ученых по данной теме: все они стремятся изучить стиль повествования в таких произведениях на уровне макро- и микропоэтики, выделяют тему творчества и принципы создания женского образа. Таковы, например, работы Юй Чжэнжуна «“Исчезновение” и “восстановление”: стиль повествования и творческая тема в произведениях современных российских писательниц», Му Чжунхуая «Гендерная типология в произведениях современных российских писательниц», Ван Вэя «Творческие темы современных российских писательниц» и др.

Много внимания уделяет русской женской прозе феминистская литературная критика, выработавшая специфическую методологию исследования подобных текстов. «С бурным становлением феминистской критики в 60-х годах XX века в Соединенных Штатах и Европе» [6. С. 250] идеологические тенденции, такие как изучение литературного произведения с точки зрения женской психологии и женских интересов, критика в адрес мужской гегемонии в культуре и идеологии, – уже получили широкое распространение и в Китае. Здесь феминистская литературная критика пользуется популярностью прежде всего при исследовании проблем, касающихся творчества писателей-женщин, в том числе и российских авторов этого круга. Из заслуживающих внимания назовем такие статьи, как «Взгляд на исследование современной российской женской литературы» Лю Цзюань, «Первая литературная феминистская группа в современной России “Новые амазонки”» Дуань Лицзюнь, «Феминистская литература в современной России: научный спор и эстетический вклад» Гао Вэя и Сунь Чао, «Феминистское движение и женская литература в современной России» Чжан Цзяньхуа и другие – все они признавали факт существования женской литературы, анализировали социально-исторические причины ее появления и определяли периоды ее развития и специфику бытования на разных этапах.

Некоторые китайские ученые увидели перспективу в изучении феномена женской русской литературы в русле междисциплинарных исследований. Впрочем, и феминистская критика, производная от феминистской литературы, является феноменом междисциплинарным. В процессе ее развития абсорбировались идеи, выработанные антропологией, социологией, психологией и

другими науками, и сформировались многоаспектные подходы к материалу. Некоторые китайские ученые пытались анализировать творчество современных российских писательниц с точки зрения языковой культурологии, чтобы выявить типичные для них черты стиля, нарративные стратегии, языковые приемы, специфику существования и языкового взаимодействия героя и автора в тексте. Такие статьи, как «Языковая культурология: новый угол зрения в исследованиях современной женской литературы России» и «Субъективизация повествования в творчестве современных российских писательниц» Лю Цзюань, «Мифологические элементы в современной феминистской прозе России с позиций языковой культурологии» Ван Юэ можно назвать среди наиболее продуктивных в этом ряду.

**Монографические исследования
о наиболее крупных представительницах женского «крыла»
современной русской литературы**

В связи с мировым признанием творчества российских писательниц и номинированием некоторых из них на престижные премии по литературе интерес к ним в Китае значительно возрос и среди читателей, и среди исследователей. Наибольшей популярностью пользуются сегодня произведения Л.С. Петрушевской, Л.Е. Улицкой и Т.Н. Толстой. Примерно с середины 90-х годов XX века прецедентные тексты этих трех авторов уже были переведены и опубликованы в Китае. На сегодняшний день китайскому читателю знакомы «Медея и ее дети» (1999), «Казус Кукоцкого» (2003), «Искренне ваш Шурик» (2005), «Лестница Якова» (2018) Л.Е. Улицкой. Вышел сборник прозы Л.С. Петрушевской «Лабиринт» (2015), ее «Песни восточных славян», «Три путешествия, или Возможность мениппеи», «Номер Один, или В садах других возможностей» (2012), а также роман Т.Н. Толстой «Кысь» (2015).

Начало научных исследований творчества названных писательниц датируется также первой половиной 1990-х годов. По данным, собранным на сайте CNKI (2), самая ранняя в Китае статья, посвященная презентации произведений Л.С. Петрушевской, была опубликована в 1994 году, это предисловие к книге «Три рассказы Л. Петрушевской» У Ланхан. Автор статьи и одновременно переводчик этих текстов («Тень жизни», «Дитя» и «Еврейка Верочка») стремится познакомить читателя с самобытным автором и выявить черты его идиостиля. Самая ранняя статья, направленная на анализ творчества Л.С. Петрушевской с более широким охватом ее произведений, была опубликована в 2003 году. Это «“Странные” темы и специфика деконструкции в прозе Л.С. Петрушевской» Чэнь Фан, в которой автор останавливается на особенностях воплощения любовной, семейной и бытовой тем в произведениях писательницы, а также анализирует деконструктивные приемы в ее текстах. «Встреча с Татьяной Толстой» (1995) Юй Ичжун является первой ознакомительной статьей о Т.Н. Толстой, посвященной обзору ее творческой деятельности. В 1999 году Ли Иннан в статье «Л. Улицкая» впервые представил китайским читателям выдающегося российского прозаика, осветив ее главные произведения и выделив центральные темы ее творчества. То есть с хронологической точки зрения начало исследований китайских ученых в направлении современной жен-

ской литературы в России почти синхронно с такими исследованиями в самой России и на Западе.

До настоящего времени, по незавершенным данным крупнейшей системы CNKI, о Л.Е. Улицкой опубликовано в Китае 77 научных статей, о Т.Н. Толстой – 34 статьи, о Л.С. Петрушевской – 27 статей. Часть данных исследований посвящена изучению творческой индивидуальности писателя, а часть – художественным особенностям отдельных его произведений.

Исследования, посвященные Л.Е. Улицкой. Интерес китайских ученых лежит преимущественно в области прозы Л.Е. Улицкой, которую они изучают в контексте современного литературного процесса в России, стремясь определить творческую специфику автора, проследить преломление в ее произведениях определенных тем и идей, близких другим российским прозаикам, а также с точки зрения выявления специфических черт поэтики и языка. Таковы статьи Сунь Чао «Проза Л.Е. Улицкой в плоскости современной русской литературой», «Исследование рассказов и повестей 80-х и 90-х годов XX века» и «Проза Л.Е. Улицкой: темы и поэтика». Феминистская китайская критика тоже воодушевлена исследованием прозы Л.Е. Улицкой, в этом случае акцент делается на проблемах отражения в ее творчестве женской и мужской психологии в их соотношенности и противопоставленности, на темах, связанных с семьей и ее историческими формами. Например, «Женская речь в произведениях Л.Е. Улицкой» Дун Ин, «Кризис отцовства – преобразование мужского образа в романах Л.Е. Улицкой» Чжан Личжэня, «“Семейный центрзм” в романах Л.Е. Улицкой» Чэнь Фан. Есть статьи, в которых акцентированы вопросы культуры и национального менталитета, отраженные в текстах писательницы, например «Еврейская культура в произведениях Л.Е. Улицкой» и «Русская культура в произведениях Л.Е. Улицкой» Дин Сяомина.

Обширен круг работ, посвященных отдельным произведениям Улицкой, среди которых наибольший интерес ученых вызывают романы «Медея и ее дети», «Казус Кукоцкого», «Искренне ваш Шурик» и повесть «Сонечка». Обращаясь к этим текстам, исследователи выделяют темы семьи и истории, города и культуры, анализируют специфику и типологию персонажей, прослеживают приемы психологизма, углубляются в поэтику отдельных текстов. Иногда анализ отдельных текстов предлагает и феминистская критика. Таковы работы Ван Ешу – «“Поиск матери” в национальной истории России – женские судьбы в романе Л. Улицкой “Медея и ее дети”», Чжан Цзяньхуа – «Хроника жизни женщин в романе Л. Улицкой “Искренне ваш Шурик”», Тао Лан – «Ориентация новой женщины в многополярном мире: концепция женского самостояния в романе Л. Улицкой “Казус Кукоцкого”», Ли Жаня и Тан Ихун – «Проблема “национального” в повести Л. Улицкой “Сонечка” с позиций литературной теории В.Г. Белинского». В сферу внимания китайского литературоведения попадают не только крупные эпические формы автора, но и ее драматургия и сборники рассказов. Этих исследований не так много, но среди них есть достаточно значительные, идущие в направлении изучения микропоэтики текста. Например, «Диалоги героев в пьесе Л. Улицкой “Русское варенье” с точки зрения прагматического подхода» Тан Кэсинь, «Поэтика сборника рассказов Л. Улицкой “Люди нашего царя”» Ян Хуйна, «Рассказ Л. Улиц-

кой “Долгая, долгая жизнь” как образец российской женской литературы» Чжан Яня.

Исследования, посвященные Л.С. Петрушевской. Что касается общих исследований творчества Л.С. Петрушевской, их в целом меньше, но они охватывают разные роды и жанры ее творчества (повести и рассказы, сказки, пьесы), в них выявляется и феминистская проблематика, и черты авторского метода и стиля, и переключки с явлениями мирового литературного процесса. Например, в работах Ван Янь – «Произведения Л. Петрушевской с позиций нарратологии» и «Специфика пространства-времени в прозе Л. Петрушевской», Чжан Лэй – «Печальный натурализм прозы Л. Петрушевской», Цзян Лэя – «После реализма: новый реализм в творчестве Л. Петрушевской» и многих других внимание сфокусировано на разных аспектах поэтики и методе писательницы, а статья Дуань Лицзюнь «Бунтовать или поддаться? Феминизм в прозе Л. Петрушевской» – одна из тех, что сгруппированы вокруг гендерной проблематики. О сказках пишут в основном как о едином цикле, рассматривают его не только с целью анализа специфики освоения/деконструкции Петрушевской традиционного фольклорного и литературного жанра и определения места этих произведений в контексте авторского творчества («Сказочный мир Л. Петрушевской» Дин Чаохуя), но и, например, с позиций экзистенциальной психологии («Специфика дефамилиризации в сказках Л. Петрушевской» Гуань Янь). Переводы и исследования драматических произведений Л. Петрушевской в Китае только набирают силу, но уже сейчас можно назвать несколько важных работ, исследующих ее пьесы в контексте общекультурных явлений («Двойное отражение абсурда в драмах Л.С. Петрушевской» Пань Юэцин) и как значительную часть творчества писательницы («Основные темы и специфика поэтики в драматических текстах Л.С. Петрушевской» того же автора).

Исследования, посвященные отдельным произведениям Л.С. Петрушевской, сосредоточены главным образом на следующих ее текстах: «Время ночь», «Номер Один, или В садах других возможностей», «Песни восточных славян», сборник «Жила-была женщина, которая хотела убить соседского ребенка», пьесы «Мужская зона», «Три девушки в голубом» и «Уроки музыки». В большинстве случаев, кроме феминистской проблематики и черт социального критицизма, авторы этих работ стремятся определить особенности писательского метода автора названных текстов. Таковы статьи «“Страшный миф” Л.С. Петрушевской: о сборнике “Жила-была женщина, которая хотела убить соседского ребенка”» Чжэн Ли, «Новая жизнь стиля барокко (на примере сборника рассказов Л. Петрушевской “Песни восточных славян”» Лин Цзяньхоу.

Исследования, посвященные Т.Н. Толстой. По числу и тематическому разнообразию исследования китайских филологов и критиков о творчестве Т.Н. Толстой уступают указанным выше, однако ее проза и ее личность, безусловно, вызывают интерес. Основные работы посвящены особенностям ее творчества и литературной карьере, они обобщены в статье Хэ Сюйхун «Обзор исследований прозы Т. Толстой»; есть попытки описать ее художественный метод – например, в статье Лю Юйбао и Вань Ли «Необычный мир Т. Толстой». В других статьях задается более частный ракурс: «Общность мотивов

в рассказах Т. Толстой “Река Оккервиль” и “Милая Шура”» Ань Ци, «Пушкин в пространстве рассказов Т. Толстой» Сунь Чао и др. Наибольший интерес китайских исследователей вызывают такие тексты Т.Н. Толстой, как роман «Кысь» и рассказ «Река Оккервиль». Назовем среди работ о них статьи «Расщепление человечности в контексте постмодернизма: женский образ в романе Т. Толстой “Кысь”» Се Чуньянь и «Петербургский текст в рассказе “Река Оккервиль”» Сунь Чао.

Как видно, в китайском литературоведении и литературной критике на сегодняшний день немало работ, посвященных наиболее значительным именам российской женской прозы. Но остается еще большее пространство для изучения и – главное – переводов произведений ведущих российских писательниц, завоевывающих популярность китайской аудитории и нуждающихся в рекомендациях специалистов.

Переводы и исследования произведений других писательниц

Переведены и стали предметом изучения в Китае также произведения Виктории Токаревой, Ольги Славниковой, Елизаветы Александровой-Зориной, Елены Колядиной, Гузели Яхиной и др. Конечно, нельзя не упомянуть и имя Светланы Алексиевич, творчество которой тесно связано с советской историей и русским языком. По произведениям этих современных авторов в Китае складывается общее представление о развитии женской прозы, хотя названные имена далеко не всегда связываются с гендерной проблематикой. Из последних работ назовем «Исследование произведений Виктории Токаревой в аспекте прагматики» Ван Цзюань, «“Верная фантазия” и “эпоха синтеза”: творчество Ольги Славниковой» Чэнь Фан, «Отсутствие любви и ее взывание: нравственный призыв в творчестве Елизаветы Александровой-Зориной» Вань Хайсун, «О кризисе православной веры в современном российском обществе (по роману “Цветочный крест” Елены Колядиной)» Цзин Жуге. Названный роман Е. Колядиной издали в Китае в 2017 году, как и получивший широкий резонанс в России роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза». О последнем с 2017 по 2019 год в Китае было опубликовано три научных статьи. Это «Угасание и пробуждение женского субъективного сознания (по роману Г. Яхиной “Зулейха открывает глаза”» Хоу Дань, «Специфика работы со словом при переводе романа “Зулейха открывает глаза”» Чэнь Чжэнь, «Гузель Яхина и ее первый роман “Зулейха открывает глаза”» Чжу Явэй.

Хотя в Китае еще не изданы переводы произведений Светланы Василенко, Марии Арбатовой и других авторов, ожидаемых в контексте темы, но литературные достижения некоторых из них уже попали в поле зрения китайских исследователей. Так, роман Василенко «Дурочка» стал предметом изучения в диссертации Ци Синь «Новая русская проза на фоне возрождения религии», где анализируется образ «женской святой», юродивой, связанной с традициями русской культуры.

С 2015 года в Китае переводятся с русского языка и издаются книги нобелевского лауреата по литературе С. Алексиевич, которая тесно связана с советским и российским контекстом, а также способствует пробуждению интереса китайских исследователей и читающей аудитории к белорусской лите-

ратуре вообще. Изданы такие ее произведения, как «Время сэконд хэнд», «У войны не женское лицо», «Чернобыльская молитва». В пространство исследований женской прозы ее тексты попадают редко, приоритетная проблематика работ о книгах Алексиевич – отражение трагических моментов истории в публицистике, язык документальной прозы, проблемы транслитерации. Назовем среди научных работ на эту тему «От распада СССР до дезинтеграции единой русской литературы. Международная политика Нобелевской премии по литературе в 2015 году» Линь Цзинхуа, в которой обсуждается современная ситуация в русской и русскоязычной литературе постсоветского мира и, в частности, тенденции взаимоотношений между литературами России и Белоруссии. Автор статьи «Стратегия повествования и специфика описания событий в произведениях С. Алексиевич» Гао Цзяньхуа преимущественно сосредоточен на моделях литературы нон-фикшен, использующихся в творчестве писателя.

Заключение

В качестве неотъемлемой составляющей современного литературного процесса в России женская проза как яркий и многоликий феномен привлекает внимание и читающей китайской аудитории, и профессионалов. Начиная с момента ее формирования и подъема в 80–90-е годы XX века, она неизменно становится предметом изучения и анализа не только в России, но и за ее пределами, а в Китае эти исследования развиваются уже почти 30 лет. Можно утверждать, что китайские ученые достигли немалых результатов на этом пути, в особенности по части изучения творчества таких признанных мастеров слова, как Л. Петрушевская, Л. Улицкая, Т. Толстая. Но и деятельность других женщин-писательниц привлекает внимание литературоведов и критиков, стремящихся осознать и определить вклад женщин в процесс развития русской литературы, специфику их мировоззрения, художественного языка и письма. Работы и исследования китайских ученых в этом направлении не только обогащают представления китайских читателей о развитии культуры и общественной жизни в современной России, разнообразии методов и стилей современной русской прозы, но и по-своему содействуют развитию женской литературы и феминистской литературной критики в Китае.

Примечания

- (1) Здесь и далее цитаты из работ китайских ученых даются в переводе Цзин Жуге.
- (2) Крупнейший и авторитетный сайт для поиска научных статей и монографий (中国知网). URL: <https://www.cnki.net/>

Список литературы

- [1] *Василенко С.* «Новые амазонки» (Об истории первой литературной женской писательской группы. Постсоветское время) // Женщины: свобода слова и творчества: сборник статей. М.: Эслан, 2001. 200 с.
- [2] *Чистенькая жизнь: повесть и рассказы* / сост. А. Шавкута. М.: Молодая гвардия, 1990. 397 с.

- [3] Трофимова Е. Женская литература и книгоиздание в современной России // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 147–156.
- [4] Не помнящая зла: новая женская проза / сост. Л.Л. Ванеева. М.: Московский рабочий, 1990. 363 с.
- [5] Дуань Лицзюнь. Феминистская литература в современной России [段丽君. 当代俄罗斯女性主义文学] // Исследование о России [俄罗斯研究]. 2006. № 1. С. 79–84.
- [6] Вань Вэйсинь, Суй Сяоди. История литературной критики Великобритании [王卫新, 隋晓荻. 英国文学批评史]. Шанхай: Шанхайское издательство образования в сфере иностранных языков, 2012. С. 250.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 23 марта 2020 г.

Дата принятия к печати: 5 апреля 2020 г.

Для цитирования:

Цзин Жуге, Монисова И.В. Состояние исследований современной русской женской прозы в Китае // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 277–286. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-277-286>

Сведения об авторах:

Цзин Жуге, докторант факультета русского языка и литературы в Институте иностранных языков Нанькайского университета. E-mail: jingxiao777777@yandex.com

Монисова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: monisova2008@yandex.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-277-286

Research article

The state of researches of modern Russian female prose in China

Jing Ruge¹, Irina V. Monisova²

¹Nankai University

No. 94 Weijin Road, Tianjin, 300071, People's Republic of China

²Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, bldg. 51, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract. In the 80s and 90s of the 20th century, women's literature in Russia began to rapidly develop and become recognized as a special phenomenon – for the first time after the last turn of the epoch: Soviet literature was rarely considered in Russian literary criticism from a gender point of view. The creativity of modern women writers became a vivid phenomenon in the context of the Russian literary process, revealed a unique female view of many socio-psychological problems, and in its own way reflected the historical turning point experienced by Russian society. In China, traditionally sensitive to Russian culture, the growth of female literature in Russia was noted almost immediately, and Chinese scientists have so far

achieved considerable results in studying the specifics of themes, plots, typology of heroes, artistic styles, and the language of Russian female literature. This article is aimed at summarizing the current state of research on the work of Russian writers in China. It presents both generalizing works and materials devoted to individual writers' personalities (L. Petrushevskaya, T. Tolstaya, L. Ulitskaya).

Keywords: women's literature of Russia, modern Russian writers, research in China, translations

References

- [1] Vasilenko, S. (2001). "Novye amazonki" (Ob istorii pervoi literaturnoi zhenskoi pisatel'skoi gruppy. Postsovetskoe vremya) ["New Amazons" (On the history of the first literary female writer group. Post-Soviet time)]. *Zhenshchiny: svoboda slova i tvorchestva* [*Women: freedom of speech and creativity*]: collection of articles. Moscow, Eslan Publ.
- [2] Shavkuta, A. (Comp.). (1990). *Chisten'kaya zhizn': povest' i rasskazy* [*Clean Life: A Tale and Stories*]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ.
- [3] Trofimova, E. (1998). Zhenskaya literatura i knigoizdanie v sovremennoi Rossii [Women's literature and book publishing in modern Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [*Social Sciences and the Present*], (5), 147–156.
- [4] Vaneev, L.L. (Comp.). (1990). *Ne pomnyashchaya zla: novaya zhenskaya proza* [*Remembering no evil: New women's prose*]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ.
- [5] Duan Lijun. (2006). Feminist literature in modern Russia [段丽君. 当代俄罗斯女性主义文学]. *Research on Russia* [俄罗斯研究], (1), 79–84.
- [6] Wan Weixin, & Sui Xiaodi. (2012). *History of literary criticism of Great Britain* [王卫新, 隋晓获. 英国文学批评史] (p. 250). Shanghai, Shanghai Publishing House of Foreign Language Education.

Article history:

Received: 23 March 2020

Revised: 30 March 2020

Accepted: 5 April 2020

For citation:

Jing, Ruge, & Monisova, I.V. (2020). The state of researches of modern Russian female prose in China. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 277–286. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-277-286>

Bio notes:

Jing Ruge, Ph.D. student of the Faculty of Russian Language and Literature at the Institute of Foreign Languages of Nankai University. E-mail: jingxiao777777@yandex.com

Irina V. Monisova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of History of Modern Russian Literature and Modern Literary Process of the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University. E-mail: monisova2008@yandex.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-287-294
УДК 821.16.1

Научная статья

Образ музы в стихотворениях «Муза» А.С. Пушкина, А.А. Ахматовой и М.С. Петровых

Ван Мэнцзяо

Московский педагогический государственный университет
Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1

Аннотация. В силу ограниченного количества работ, в которых представлен сравнительный анализ творчества М.С. Петровых с ее предшественниками, исследования, посвященные проблеме традиций в поэзии советского периода, являются актуальными. Их теоретическая значимость обусловлена стремлением современного литературоведения к воссозданию полной картины литературного процесса XX века и обращением филологической науки к малоизученным художникам. В данной статье анализируется образ-концепт музы в одноименных стихотворениях «Муза» А.С. Пушкина, А.А. Ахматовой и М.С. Петровых. В работе ставятся следующие задачи: 1) рассмотреть поэтические приемы, используемые авторами; 2) определить семантический ареал образа музы у каждого из поэтов; 3) выявить сходство и различие архетипического художественного портрета, изображенного тремя выдающимися русскими поэтами.

Ключевые слова: «Муза», образ, сравнительный анализ, А.С. Пушкин, А.А. Ахматова, М.С. Петровых

Введение

Муза, одна из девяти богинь – покровительниц искусства и наук в греческой мифологии, представляет собой метафору творческого вдохновения. Муза является для поэтов лирическим образом-идеалом. Начиная с античности, разные поэты посвящают свои стихи Музе, в их числе А.С. Пушкин, А.А. Ахматова и М.С. Петровых. В их творческом наследии существуют стихотворения с одинаковыми названиями – «Муза». Каждый автор создает свой личный образ Музы, пользуясь оригинальными творческими приемами.

Однако между этими тремя стихотворениями обнаруживается сходство, обусловленное влиянием и традицией. Безусловно, поэзия А.С. Пушкина, «солнца русской поэзии», не могла не оставить заметный отпечаток в творчестве многих поколений русских писателей.

Имя А.А. Ахматовой не раз ставили рядом с именем Пушкина, рассматривая такие темы, как «Пушкин в творчестве Ахматовой», «Ахматова-пушкинист» и т. д. М.С. Петровых, по мнению многих, относящаяся к «ахма-

товской школе», в биографических записях утверждает: «Больше всего на свете я люблю Пушкина – стихи, прозу, письма, статьи и весь его человеческий облик, его суть, его сущность» [1. С. 349]. В отличие от высокой частотности лексемы «муза» в корпусах текстов А. Пушкина и А. Ахматовой, в лирике М. Петровых она появляется только три раза, согласно статистике Т.В. Богдановой [2], в том числе в стихотворении, посвященном Анне Ахматовой, «Ты сама себе держава...». М. Петровых пишет: «Лишь твоей могучей музе / По плечу твоя беда» [3. С. 136].

Таким образом, выбор одноименных стихотворений «Муза» в качестве объекта анализа не случаен. Представленное исследование имеет научную значимость. В работе цитируются стихи других поэтов, посвященные Музе, в соответствии с главной идеей М.М. Бахтина, считавшего, что любой текст является диалогом и связан с другими текстами диалогическими отношениями.

Обсуждение

Стихотворение «Муза» (14 строчек, 79 слов) А.С. Пушкин написал в 1821 году, когда пребывал в ссылке на юге России. В период южной ссылки Александр Пушкин путешествовал по Кавказу и Крыму с героем Отечественной войны 1812 года Н.Н. Раевским. Живописная природа вдохновляла поэта и становилась импульсом к творчеству. Большинство работ Пушкина этого периода написано под влиянием Байрона и характеризуется романтическими чертами. Стихотворение «Муза» было создано на этом фоне.

Пушкинское стихотворение «Муза» написано шестистопным ямбом. Общепризнано, что «классический образец цезурного стиха в европейской литературе – французский александрийский стих <...> и его русский аналог, шестистопный ямб» [4. С. 229]. Используя данный размер, А. Пушкин ориентируется на традицию. Словно бесстрастный повествователь, он медленно рассказывает читателям историю о Музе.

Не только среди русских писателей, но и в контексте всемирной литературы А.С. Пушкин принадлежит к числу поэтов, обладающих природным даром. Он умел сочинять стихи на французском языке с восьми лет. Автор стихотворения знает о своем врожденном таланте, и поэтому в самом начале он пишет, что Муза его любила еще во младенчестве и вручила ему семиствольную цевницу. Поэт создает художественную картину, в которой он – музыкант с цевницей – наиграл слабыми перстами торжественные гимны, внушенные богами, и мирные песни фригийских пастухов. Однако это высказывание имеет глубинный смысл – Пушкин обретает не способность к настоящему музыкальному исполнению, как Людвиг ван Бетховен или Петр Ильич Чайковский, а талант сочинять стихи. Слово «цевница» у Пушкина употреблено одновременно и в конкретном значении – старинный духовой музыкальный инструмент, свирель, сделанная из тростника («Сама из рук моих свирель она брала» [5. С. 366]), и в переносном – как символ поэзии, метафора поэтического творчества. Пушкинская Муза – священная богиня, внимающая ему с большой радостью и терпением, и поэт как внимательный скромный ученик также внимает урокам его тайной Музы «с утра до вечера в немой тени дубов» [5. С. 366]. Дуб – могучее дерево. Его символические значения в

мифологии чрезвычайно обширны, перечислим лишь немногие: долголетие, великолепие и мощь, плодородие, жизненная сила, духовная энергия, само-совершенствование. Этот образ, как нам представляется, привлек внимание Пушкина, возможно, потому, что в нем отражаются народные представления о мироздании, природной гармонии. Подобные коннотации встречаются в циклах Пушкина: «Любовник муз уединенный, / В сени пленительных также дубрав» [6. С. 44]; «На мирный шум дубров, на тишину полей» [5. С. 331]. Поэт создает мирную атмосферу, употребляя словосочетание «в немой тени дубов». Иногда Муза награждает поэта, «откинув локоны от милого чела» [5. С. 366], взяв свирель и оживив тростник божественным дыханием. Значит, она дарует поэту мудрость, и повествователь приходит в восхищение от святости своей богини. Стоит отметить, что стихотворение «Муза» имеет такую же тональность, как и раннее стихотворение «Дельвигу», написанное в 1817 году: «О милый друг, и мне богини песнопенья / Еще в младенческую грудь / Влияли искру вдохновенья / И тайный указали путь: / Я лирных звуков наслажденья / Младенцем чувствовать умел, / И лира стала мой удел» [7. С. 22]. «Богини песнопенья» воспринимаются как Муза. Жанр Пушкинской «Музы» относится к идиллии. Читатель, прочитав стихотворение, обретает душевный покой, и сердце наполняется святым очарованием.

У А.А. Ахматовой есть немало стихотворений, посвященных Музе, – «Муза» (1911), «Муза ушла по дороге...» (1915), «Муза» («Когда я ночью жду ее прихода...», 1924), «Муза» («Как и жить мне с этой обузой...», 1960), «Моей Музой оказалось мука...» (1960) и т. д. В данной статье рассматривается образ Музы в стихотворениях «Муза» 1924 и 1960 годов.

Стихотворение «Муза» 1924 года (8 строчек, 43 слов), написанное пяти-стопным ямбом, состоит из двух эпизодов – ожидание и пришествие Музы. Вообще говоря, Муза Ахматовой либо приходит ночью, как пишет автор в начальной строчке «Когда я ночью жду ее прихода...» [8. С. 149], либо явные приметы времени отсутствуют. О ночном явлении музы свидетельствуют и другие стихи: «Ночью Муза слетит утешать» [8. С. 133], «А в комнате опального поэта / Дежурят страх и Муза в своей черед. / И ночь идет, / Которая не веда-ет рассвета» [8. С. 156].

Лирическая героиня напряженно ждет, как будто от этого зависит сама ее жизнь: «Жизнь, кажется, висит на волоске». Пред Музой житейская суэта – почести, юность, свобода – не имеет никакой ценности. В отличие от Пушкин-ской Музы, которая тесно связывается с свирелью, Анна Андреевна называет свою Музу «милой гостьей с дудочкой в руке». Образ Музы в соответствии с традициями акмеизма и ранней лирики Ахматовой опредмечен, овеществлен, воссоздан с помощью бытовых слов, а не торжественных поэтизмов.

С помощью последовательных глагольных форм – «вошла», «откинула покрывало», «внимательно взглянула на меня» – загадочный, сосредоточенный женский облик Музы проявляется перед глазами читателей. Диалог между поэтом и лирическим объектом начинается с вопроса героине: «Ты ль Данту диктовала / Страницы Ада» [8. С. 149]? Обращение к Данте Алигьери в стихах свидетельствует, что образ этого всемирно известного итальянского поэта занимает важное место в творчестве Ахматовой. В данном стихотво-

рении упоминаются Данте и первая часть его шедевра «Божественной комедии» – «Ад». Наверное, в силу того, что Ахматова вспоминает строки из «Чистилища»: «...ей только надо / Мне подсказать слова, и я пишу» [9], она употребляет глагол «диктовать».

Помимо этого стихотворения, дантовский контекст появляется и в других стихах Ахматовой: «А не дописанную мной страницу – / Божественно спокойна и легка – / Допишет Музы смуглая рука» [8. С. 50]; «Тогда я начинаю понимать, / И просто продиктованные строчки / Ложатся в белоснежную тетрадь» [8. С. 249]. По мнению поэта, стихи не сочиняются художниками, а будто бы пишутся под диктовку Музы, и поэтическое творчество является естественным поведением.

В стихотворении «Муза» 1960 года (6 строчек, 30 слов), написанном Ахматовой на закате жизни, создан иной образ Музы. Стихотворение отличается отсутствием определенного размера – одновременно сосуществуют дактиль, амфибрахий и анапест. Только в третьей и последней строчках размер одинаков. Начиная с вопросительно-восхищенного словосочетания «Как и жить!», поэт выражает свое недоумение, что обуза называется людьми ее Музой. Однако она сама подтверждает эту версию в другом стихотворении, также написанном в 1960 году: «Моей Музой оказалось мука...».

Как уже говорилось выше, М. Петровых также отмечала взаимосвязь ахматовской Музы с драматическими переживаниями. А. Ахматова вводит прямую речь других: «Ты с ней на лугу», «божественный лепет» [8. С. 249]. Муза, которая весело играет с поэтессой на лугу, кажется ее подругой. Благодаря ей Ахматова может уточнить смысл божественного лепета, то есть создавать настоящие художественные творения. Вопреки распространенному мнению, ахматовская Муза причиняет боль, ассоциируется с тяжелой изнурительной болезнью («жестче, чем лихорадка, оттреплет»). И она по-прежнему хранит немоту. Эта антитеза помогает подчеркнуть особенности Музы. Необходимо отметить, что звукопись, повторение в рифмовке «у» (*обузой/Музой, лугу/гугу*) создают чувство грусти, кажется, будто человек плачет.

«Муза» Марии Сергеевны Петровых (20 строчек, 111 слов), написанная в 1930 году, относится к циклу ее ранних стихов.

По контрасту с лирическим героем Пушкина, в ненапечатанном при жизни поэта стихотворении «К моей чернильнице» признававшегося в знакомстве с Музой: «В минуты вдохновенья / К тебе я прибегал / И музу призывал / На пир воображенья» [5. С. 372], М.С. Петровых повествует, что она ошибкой перо окунет, не в чернильницу, а минуя ее, рядом в луну, в ползучее озеро черных ночей, в заросший мечтой соловьиный ручей.

Известен термин В. Шкловского «остранение»: «Приемом искусства является прием “остранения” вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как воспринимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен» [10. С. 13]. Можно сказать, М. Петровых удлинняет эстетическую паузу, трансформирует эстетическое пространство письменного стола в безграничное пространство природы.

Иные драгоценные созвучья «стремятся» с ее пера. Глагол «стремиться» означает, что творчество был порождено какой-то неведомой силой. М. Пет-

ровых сравнивает эти созвучья с летящими птицами, которые ей страшно брать. «Но строки, теснясь, заполняют тетрадь» [3. С. 265]. До этих строк конкретный образ Музы не был явлен, но он подразумевается.

С помощью Музы, которая приходит к автору ночью, поэт бессознательно создает художественное произведение. М.С. Петровых перечисляет черты сходства между ней самой и ее Музой – у них участь и начало точь-в-точь; они обе темны для неверующих глаз; отчизна для них одна и бессмертна; между ними возникает взаимопонимание. Эти строчки наполнены печалью. Поэт восклицает: «Исчадь мечты, черновик соловья, / Читатель единственный, муза моя» [3. С. 265]. Имеется в виду, что в образе Музы М. Петровых значимы три сущности, которые тождественны творческому процессу. Во-первых, до сочинения лирики Муза представляет собой воплощение вдохновения. Думать, мечтать, фантазировать, даже страдать от мысли – первый шаг художественного создания. Во-вторых, в процессе творчества Муза олицетворяет поэтический талант благодаря тому, что художник умеет преобразить изображение в настоящий текст. Поэтесса не случайно выбирает образ соловья, появляющийся также в начале стихотворения. Соловей – символ певческого дара, красноречия, метафора поэтической одаренности и олицетворение природного бытия, которое должно воплотиться в творчестве. В-третьих, совершив работу, Муза становится вечным единственным читателем. Как уже упоминалось выше, Петровых сама утверждает это сочувствие Музе, сострадание ей.

Итак, лишь Муза способствует разгадыванию загадки творческого процесса. Перефразируя строчку Ахматовой, сердце поэта к сердцу Музы приковано. Финал данного стихотворения неожидан. Автор провожает Музу. Вопреки ожиданиям читателей, он ее не благодарит: «Но с пеной восторга, бегущей от рифм» [3. С. 265]. Эта персонификация создает, на первый взгляд, юмористический эффект, перекликается с фантазией в начале текста. Пушкин также соединял Музу с рифмой: «Музам мила; на земле Рифмой зовется она» [7. С. 253]. Трудно сделать вывод о том, что данная Пушкинская строчка непременно влияет на последнюю строчку Петровых, но существуют определенные ассоциации с этими строками. Однако у Петровых это и неподдельный восторг героини от найденных рифм – воплощенного слова.

Размер «Музы» М. Петровых соответствует трехстопному амфибрахию со спондеем в первой стопе седьмой строчки – «Они словно птицы» (U – – | U – U) и дактилем в третьей стопе тринадцатой строчки – «как день тебя превозмогал» (U – U | – U U | U –).

Заключение

Безусловно, Муза каждого из трех поэтов имеет чудотворную силу. Муза Пушкина брала свирель из его рук, и она оживлена божественным дыханием. Муза Ахматовой диктовала страницы, и если она «опять весь год ни гу-гу», поэт ничего не способен создать. Петровых трудно было брать Музу словно птицу, но строчки уже заполняли тетрадь.

По сравнению с обоими стихотворениями А.А. Ахматовой, тексты А.С. Пушкина и М.С. Петровых длиннее. Это тесно связано с содержанием произведений. В стихотворениях Александра Пушкина и Марии Петровых есть

развернутые сюжеты с конкретными деталями, которые определяют объем стихотворений.

Пушкинская Муза приходит к поэту во младенчестве, сопровождает и награждает его. У Петровых Муза участвует в творческом процессе, и после завершения творческого акта она провожает Музу. Иначе говоря, ее Муза – попутчик творчества. Хотя стихотворения Ахматовой также сюжетны, но Анна Андреевна предпочитает награждать свою Музу отличительными характеристиками: в стихотворении 1924 года – таинственностью; в лирике 1960 года – немотой.

Лирический хронотоп в стихотворении Пушкина «Муза» – «в младенчестве», «с утра до вечера в немой тени дубов» [5. С. 366]. Хронотоп раннего стихотворения Ахматовой ночной, а при отсутствии временных и пространственных зацепок в позднем стихотворении, мы знаем лишь только, что Муза будет молчать опять целый год. Петровых встречается со своей Музой ночью. Пространство многомерно, постоянно и быстро меняется, трансформируется – из комнаты в природу, из природы в комнату, от описания вещей к психологическому описанию, из космоса в строки («Ты вечно сбиваешься с млечных дорог, / Ты любишь скрываться в расселинах строк» [3. С. 265]).

Стихотворения отличаются структурой повествования. В стихах Пушкина и Ахматовой поэты выступают в роли рассказчика, и отношения между Музой с лирическим героем – «она и я». В «Музе» М.С. Петровых автор-рассказчик раскрывает сюжет, становится персонажем собственной истории, и отношения между лирическим объектом с героем – «ты и я». «Муза» М. Петровых сродни балладе, где повествование окрашено нарастающим эмоциональным волнением: анафорические «ты!» повторяются три раза. Это придает тексту выразительность.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что Музы у А.С. Пушкина – *нежный, волшебный преподаватель*; эмоциональный тон – *чувство священного*. В стихотворении «Муза» 1924 года А.А. Ахматовой Муза является *таинственным, долгожданным гостем*, а в стихотворении 1960 года она – *немой, горький больной*; эмоциональный тон обоих стихотворений – *чувство расставания*. Муза М.С. Петровых – *интимный, скрытый приятель*; эмоциональный тон – *чувство близости*.

Список литературы

- [1] *Петровых М.С.* Избранное. Стихотворения. Переводы. Из письменного стола. М.: Художественная литература, 1991. 383 с.
- [2] *Богданова Т.В.* Поэзия Марии Петровых: дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1991. 187 с.
- [3] *Петровых М.С.* Избранное. М.: Изд-во «Э», 2012. 352 с. (Золотая серия поэзии).
- [4] *Гаспаров М.Л.* Избранные труды. Том IV: Лингвистика стиха. Анализы и интерпретации. М.: Языки славянской культуры, 2012. 720 с.
- [5] *Пушкин А.С.* Стихотворения 1813–1825 / Полное собрание сочинений: в 6 т. М.: Художественная литература, 1936. 613 с.
- [6] *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 2: Стихотворения петербургского периода, 1817–1820; Коллективные стихотворения; Стихотворения, 1820 (Юг) – 1824 (Юг). М.: ТЕРРА, 1998. 384 с.
- [7] *Пушкин А.С.* Стихотворения Александра Пушкина. СПб.: Наука, 1997. 640 с.

- [8] Ахматова А.А. Избранное. М.: Изд-во «Э», 2016. 352 с. (Золотая серия поэзии).
- [9] Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище. Песнь 24. URL: <https://rustih.ru/dante-aligeri-pesn-24-chistilishhe-bozhestvennaya-komediya/> (дата обращения: 8 декабря 2019).
- [10] Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 265 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 8 декабря 2019 г.

Дата принятия к печати: 25 декабря 2019 г.

Для цитирования:

Ван Мэнцзяо. Образ музы в стихотворениях «Муза» А.С. Пушкина, А.А. Ахматовой и М.С. Петровых // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 287–294. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-287-294>

Сведения об авторе:

Ван Мэнцзяо, аспирант кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии Московского педагогического государственного университета. E-mail 1374786758@qq.com

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-287-294

Research article

The image of muse in the poems “Muse” of A.S. Pushkin, A.A. Akhmatova and M.S. Petrovykh

Wang Mengjiao

Moscow Pedagogical State University

1 Malaya Pirogovskaya St, bldg. 1, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract. Due to the relatively small number of generalizing results of the study, considering a parallel comparative analysis of the work of the Soviet poetess Maria Sergeevna Petrovykh with her predecessors, the research on that problem is relevant and practical. This article discusses the images of “Muse”, a favorite lyrical object of admiration for poets, in the eponymous poems “Muse” by Alexander Sergeevich Pushkin, Anna Andreevna Akhmatova and Maria Sergeyevna Petrovykh. In the process of clarifying and analyzing the problem of the situation, the following operations are carried out: 1) an indication of the poetic techniques used by the authors; 2) the definition of the image of the “Muse” of each poet in his poem; 3) a comparison of the similarities and differences of these common and eternal artistic portraits depicted by three prominent poets.

Keywords: “Muse”, image, comparative analysis, A.S. Pushkin, A.A. Akhmatova, M.S. Petrovykh

References

- [1] Petrovykh, M.S. (1991). *Izbrannoe. Stikhotvoreniya. Perevody. Iz pis'mennogo stola* [Selected Works: Poem. Translations. From the desk]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ.
- [2] Bogdanova, T.V. (1991). *Poeziya Marii Petrovykh* [Poetry of M.S. Petrovykh] (Dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Tashkent.

- [3] Petrovykh, M.S. (2012). *Izbrannoe [Selected Works]*. Moscow, “E” Publ.
- [4] Gasparov, M.L. (2012). *Izbrannye trudy. Tom IV: Lingvistika stikha. Analizy i interpretatsii [Selected works. Tom IV: Linguistics of the verse. Analyzes and interpretations]*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ.
- [5] Pushkin, A.S. (1936). *Stikhotvoreniya 1813–1825 [Poems 1813–1825]*. In A.S. Pushkin, *Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]*: in 6 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ.
- [6] Pushkin, A.S. (1998). *Sobranie sochinenii [Collected Works]*: in 15 vols. Vol. 2: *Stikhotvoreniya peterburgskogo perioda, 1817–1820; Kollektivnye stikhotvoreniya; Stikhotvoreniya, 1820 (Yug) – 1824 (Yug) [Poems of the Petersburg period, 1817–1820; Collective poems; Poems, 1820 (South) – 1824 (South)]*. Moscow, TERRA Publ.
- [7] Pushkin, A.S. (1997). *Stikhotvoreniya Aleksandra Pushkina [Poems by Alexander Pushkin]*. Saint Petersburg, Nauka Publ.
- [8] Akhmatova, A.A. (2016). *Izbrannoe [Selected Works]*. Moscow, “E” Publ.
- [9] Dante Alighieri. (n.d.). *Bozhestvennaya komediya. Chistilishche. Pesn' 24 [Purgatorio: Divine Comedy. Canto 24]*. Retrieved December 20, 2019 from <https://rustih.ru/dante-alighieri-pesn-24-chistilishhe-bozhestvennaya-komediya/>
- [10] Shklovsky, V.B. (1929). *O teorii prozy [The theory of poetry]*. Moscow, Federatsiya Publ.

Article history:

Received: 8 December 2019

Revised: 20 December 2019

Accepted: 25 December 2019

For citation:

Wang, Mengjiao. (2020). The image of muse in the poems “Muse” of A.S. Pushkin, A.A. Akhmatova and M.S. Petrovykh. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 287–294. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-287-294>

Bio note:

Wang Mengjiao, Ph.D. student of the Department of Russian Literature of 20–21 Centuries of Institute of Philology of Moscow Pedagogical State University. E-mail 1374786758@qq.com

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-295-304
УДК 821.51

Научная статья

Поэтика цикла «Расстаюсь с другом» Цао Чжи

Н.А. Строганова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1

Аннотация. Статья посвящена комплексному рассмотрению раннесредневекового китайского стихотворного цикла, состоящего из двух дружеских посланий, предваренных предисловием, – «Расстаюсь с другом» Цао Чжи (192–232 гг.). В статье впервые приводятся подстрочный перевод и последовательный анализ произведения. В процессе анализа подробно рассмотрены образы, тропы и фигуры в стихотворениях, мотивы, типы связи между мотивами, темы стихотворений, их композиционные структуры, жанровое своеобразие, особенности поэтики «Расстаюсь с другом» как цикла. На примере «Расстаюсь с другом» сделаны выводы относительно того, что представлял из себя стихотворный цикл в китайской литературе на рубеже Древности и Средних веков. Поэтика цикла «Расстаюсь с другом» рассматривается с опорой на западный теоретический материал, что делает исследование не столько сугубо синологическим, сколько отчасти компаративистским.

Ключевые слова: Цао Чжи, раннесредневековая китайская литература, стихотворный цикл, поэтика цикла, дружеское послание, компаративистика

Введение

«Расстаюсь с другом» – цикл, состоящий из двух стихотворных дружеских посланий, предваренных предисловием, авторства Цао Чжи (192–232 гг.). В историю китайской литературы Цао Чжи вошел, прежде всего, как покровитель, соратник и единомышленник «Семи цзяньаньских мужей» (период Цзяньань – 196–220 гг.), группы поэтов, творчеством которых было ознаменовано вступление китайской литературы в эпоху Средневековья. Однако, по всеобщему признанию, Цао Чжи, примыкавший к племени, превосходил своим талантом ярчайших ее представителей.

Несмотря на то что цикл «Расстаюсь с другом» ранее переводился на русский язык Л.Е. Черкасским [1. С. 64–66], он еще ни разу не становился предметом специального изучения в отечественной синологии. В статье впервые приводятся подстрочный перевод, последовательный анализ произведения, рассматриваются его жанровая и тематическая специфика, прослеживаются особенности его поэтики как цикла.

Цель, преследуемая нами в данной работе, – представить синтетический анализ памятника раннесредневековой китайской литературы «Расстаюсь с другом», фокусирующийся на своеобразии сочинения как стихотворного цикла.

Среди ключевых методов, использованных в статье, мы выделим компаративистский, поскольку специфика раннесредневекового китайского стихотворного цикла выявляется на западном (включая, безусловно, отечественный) теоретическом материале Новейшего времени, что лишний раз подтверждает мысль о правомочности проведения параллелей между литературами разных эпох и регионов.

Охват материалов, послуживших опорой исследования, обширен – это сборник стихотворений Цао Чжи [2], монография о его жизни и творчестве [3], труды по теории литературы [4–8], диссертация на тему особенностей циклов в творчестве цинского поэта Хуан Цзинжэня [9], статья, посвященная представлениям о дружбе в традиционной китайской культуре [10], авторские лекции И.И. Семененко по истории китайской литературы, читаемые в Институте стран Азии и Африки МГУ.

Результатом исследования, отраженного в данной статье, являются выводы относительно характерных черт стихотворного цикла, представляющего собой дружескую эпистолу, в которой отчетливо звучат элегические и анакреонтические нотки; прослежено, как эти черты, намеченные европейской теоретической наукой, реализуются на китайском практическом материале.

Обсуждение

Последовательный анализ

«Расстаюсь с другом» – цикл из двух стихотворений, предваренный предисловием.

离友 (并序) Ли ю (бин сюй)

Расстаюсь с другом (вместе с предисловием) (1; 2)

Среди жителей деревни был Сяоху Вэй;
будучи юным, вел себя как взрослый человек.
Я уважал его [как человека],
сблизился с ним и подружился.
Когда войско государя вернулось из похода,
он проводил меня в столицу княжества Вэй.
Мое сердце переполняли думы о нем,
И по этой причине у меня проступили слезы;
Тогда написал [я] стихотворение о расставании с другом.
В нем говорится:

¹ Государево войско возвращается, идет обратно на родину;

² Этот благородный человек – опора для меня.

³ Провожает меня, когда я ухожу, возвращаюсь домой на север;

⁴ Несусь по равнинам и низинам, стремлюсь к старым (прежним) границам.

⁵ Моя повозка мчится, лошади часто закидывают головы;

⁶ Прохожу броды, проплываю через переправы, плыву в легкой лодке.

⁷ Достигаю столицы Вэй, останавливаюсь в орхидеевом доме;

⁸ Устраиваю пир, предаемся радости и довольству.

¹ Холодный ветер становится все более студеным, белая роса выпадает изобильнее;

² Деревья ощущают дыхание (ветра), и ветви прощаются с листьями.

³ Иду к прозрачной воде, поднимаюсь на холм;

⁴ Рву осенние цветы, собираю *линчжи*.

⁵ Стремлюсь к тому, чтобы возвращение состоялось навсегда, посылаю тому, о ком думаю.

⁶ Огорчен нашей разлукой, встреча не состоится;

⁷ Испытываю только печаль, в чувствах нет радости.

В древнекитайской литературе предисловия были традиционно характерны для стихотворений, написанных в жанре оды *фу* 賦. В частности, ханьская ода, как правило, делилась на три части: введение, основную часть и заключение. Согласно И.И. Семененко, достаточно рано введение было интерпретировано ханьскими поэтами-одописцами как предисловие – *сюй* 序. А предисловие, в свою очередь, мыслилось как структурный элемент, необходимый для связи поэтического текста с фактическими обстоятельствами, предшествовавшими его созданию, – именно эту роль играет предисловие и в «Расстаюсь с другом».

Обратимся к первому стихотворению цикла.

В строчке 1 находит свое отражение первый мотив – возвращение воинов из похода. По сохранившимся до нас сведениям мы можем судить о том, насколько важную роль в своей жизни Цао Чжи отводил воинской службе и ратным подвигам, об его отношении к друзьям и врагам, представлении о чести, доблести и долге перед народом (3).

Второй мотив – нахождение рядом с другом, являющим собой опору, – выражен в 2–3 строчках. Образ «благородного человека», навеянный фигурой Сяохоу Вэя, вызывает прямые ассоциации с конфуцианским идеалом *цзюньцзы* – благородного мужа, преисполненного устремлений. Кстати, в конфуцианском учении дружба изначально мыслилась как одна из добродетелей (см. подробнее: [10]).

Третий мотив – стремление поскорее добраться до родных краев – отражен в 4–6 строчках, в основе которых лежат гипотипозис («изображение событий как происходящих перед взором автора», «вид воодушевления, овладевающего человеком, представляющим невидимое» [6. С. 500]) и диэксод (беглое рассмотрение деталей по порядку), являющиеся разновидностями дескрипции.

Четвертый мотив выражен в строчках 7–8. Столица Вэй – город Ечэн, образ орхидеяного дома – аллегория изящного жилища, соответствующего людям высокой духовной культуры. Образ пира привносит анакреонтические нотки. Мотив этих строчек многогранен: он может восприниматься и как мотив возвращения домой, и как мотив воссоединения с людьми, близкими по духу, в доме, достойном принимать этих людей, и как мотив дружеского пира. Очевидно, Цао Чжи был убежден, что в нравственном отношении друзья непременно должны соответствовать друг другу.

Что касается связи между мотивами первого стихотворения цикла, то это, прежде всего, хронологическая последовательность. Путем «нанизывания» мотивов (термин Б.В. Томашевского; см. подробнее: [8. С. 231]) реализуется прием дескрипции (в данном случае – в разновидности гипотипозиса). Между мотивами наблюдается и логическая связь – они поясняют и уточняют друг друга.

На основании вышесказанного можно заключить, что первое стихотворение цикла «Расстаюсь с другом» отличается присутствием фабульного начала: налицо и временная последовательность, и логическая связь между мотивами, и наглядность – гипотипозис. Однако событийная динамика предстает как единая картина – повествование («сюжетность») оказывается подчиненным описанию, что сближает «Расстаюсь с другом» с произведениями, написанными в жанре оды.

Через образы родины, благородного человека, орхидеяного дома, манифестирующие желание поэта добраться до родных краев, соединиться с людь-

ми, близкими по духу, оказаться в среде, соответствующей высоким помыслам, выкристаллизовывается тема – потребность в совместном пребывании с другом, которое, кстати, мыслилось как непреложное условие дружбы не только древними китайцами, но и древними греками.

Второе стихотворение цикла, напротив, характеризуется преобладанием лирического начала.

Образы холодного ветра, белой росы, опадающих листьев, встречающиеся в строчках 1–2, соответствуют печали, испытываемой человеком. И.И. Семенович отмечает, что, согласно традиционной китайской коррелятивной системе, восходящей к *Ицзину*, эти образы относятся к эмоциональному комплексу осени (кстати, расставание Цао Чжи с другом фактически имело место именно осенью), ассоциирующемуся со страданием, горем, приближением к неизбежному концу. Мотив, отраженный в этих строчках, – неминуемая для человека смерть. Однако он может быть трактован и иначе: поскольку основное значение лексемы 辞 *ци*, переведенной нами как «опадать», – это «расставаться», вырисовывается параллель: как ветви прощаются с листьями, так и человек расстается с другом; поэтому он интерпретируется и как мотив разлуки друзей. Безусловно, две грани мотива не существуют изолированно, поскольку их синтез позволяет вывести общий мотив – разлука друзей как нечто, равносильное смерти.

Ключевыми для формулирования мотива, заключенного в 3–4 строчках, являются образы осенних цветов и *линчжи*. Под осенними цветами очевидно подразумеваются хризантемы, расцветающие, в отличие от многих других цветов, как раз осенью; в свете этого уточнения сам образ воспринимается как символ жизни, одержавшей победу над смертью. Коннотацию этого образа дополняет образ *линчжи* – чудодейственного исцеляющего древесного гриба, гриба бессмертия, которым питались даосские небожители. Лексемы 淥 *лу* («прозрачная вода»), 崇 *чун* («высокий») также встраиваются в даосский ассоциативный ряд.

Мотив вечной жизни, заключенный в этих строчках, – контрастирует с предыдущим: бессмертие противопоставлено увяданию, метафорически связанному с разлукой Цао Чжи и Сяохоу Вэя.

В строчках незримо проскальзывает и образ одинокого странника, в уединении поднимающегося на холм, рвущего травы, собирающего *линчжи*. Образ этот, как известно, является одной из «ролевых модификаций» в жанре элегии.

Третий мотив – стремление навеки воссоединиться с другом – отражен в строчке 5, в которой эксплицируется жанровая принадлежность сочинения – оно является посланием, причем посланием дружеским. Эта строчка важна еще с той точки зрения, что позволяет лучше разобраться в образах предшествующих двух, глубже понять второй мотив.

Последний мотив, заключенный в строчках 6–7, – горечь, вызванная отсутствием надежды на встречу. Эти строчки в масштабе всего произведения представляют собой эмоциональное заключение.

Композиционно второе стихотворение цикла делится на три части. В первой вводится тема – разлука двух друзей. Во второй тема оттеняется посредством противопоставления – разлука-смерть противопоставляется бессмертию.

Третья часть подводит итог; более того, эмоциональное заключение уточняет тему, развиваемую в первых двух частях, – это не столько разлука друзей, сколько отсутствие какой-либо надежды на воссоединение.

В основе связи между мотивами второго стихотворения лежит «контрастное оттенение» (термин М.Л. Гаспарова; см. подробнее: [6. С. 165]): первый мотив контрастирует со вторым и третьим, а второй и третий – с четвертым. Кроме того, прослеживается и логическая связь – к примеру, третий способствует пониманию второго.

Помимо образа одинокого странника, характерного для элегий, в стихотворении просматриваются и другие черты, роднящие его с элегией (об элегии см. подробнее: [7. С. 109–118]): 1) общий эмоциональный фон стихотворения (как и в элегии, это меланхолия и уныние); 2) переживание безвозвратно ушедшего времени – разлука произошла навсегда, а «золотое время» осталось в прошлом (к «золотому веку», сценам пира, радости, довольства, отсылает первое стихотворение); 3) индивидуальное и идиллическое время (осеннее увядание, поставленное в параллель к разлуке друзей, – в измерении индивидуального времени, а даосские образы, в том числе и образ «возвращения навсегда», – идиллического); 4) образ *линчжи*, места его произрастания, может восприниматься как «идиллический уголок», являющийся неизменным атрибутом элегии.

Тема первого стихотворения – совместное времяпровождение друзей как важнейшая предпосылка дружеских взаимоотношений, тема второго – отсутствие надежды на встречу, на воссоединение. Таким образом, темы двух стихотворений пребывают в контрастных отношениях; вдобавок не только их темы, но и образы противопоставлены друг другу. Одним из ключевых в этом отношении является образ «возвращения» (он вводится иероглифом 归 *гуй*), встречающийся в обоих стихотворениях. Однако если первое «возвращение» состоялось, то второе оказывается невозможным ввиду отсутствия надежды на будущую встречу. Отсюда следует и вывод: прием, лежащий в основе цикла и определяющий отношения между двумя стихотворениями, – антитеза.

Предисловие, предваряющее цикл, представляет собой прозаический комментарий к произведению, а также является кратким пересказом содержания обоих стихотворений.

Поэтика цикла

Сразу отметим, что, как в отечественном литературоведении, так и в мировом, исследованиям своеобразия поэтики цикла вплоть до сегодняшнего дня уделялось внимания крайне мало; среди немногих работ на эту тему выделим труды Р. Вроона [4], Н.Д. Тамарченко [7], Е.А. Митькиной [9], на которые мы и опирались при рассмотрении особенностей циклической формы в «Расстаюсь с другом» Цао Чжи. К слову сказать, традиция создания стихотворных циклов имеет в китайской литературе давнюю историю: как особая форма стихосложения цикл зародился еще в *доханьское* время, а свой первый подъем эта форма переживает именно в поэзии Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий (III–VI вв.).

Сложность изысканий в области поэтики циклов усугубляется тем, что до сих пор ведутся споры о сущности цикла. Устоявшегося определения не

существует: «Гермин “цикл” происходит от греческого *kyklos*, “круг”. <...> Тексты их могут принадлежать к любому жанру или жанровой разновидности; средства и степень связности их бесконечно разнообразны» (Р. Вроон) [4. С. 126]; «не столько жанр, сколько сверхжанровое единство» (М.Н. Дарвин); «художественное единство», <...> «герменевтическая структура текстово-контекстной природы» (Л.Е. Ляпина); «специфическая форма объединения самостоятельных текстов» (Р. Иблер) и т. п. [4. С. 128]. Как подытоживает Вроон, «единственная черта, свойственная всем определениям этого “жанра”, “сверхжанрового единства” или “эстетического целого” – “единство”» [4. С. 128]. Именно этот критерий – критерий единства – мы и возьмем за основу. А особенности поэтики циклического стихотворного послания «Расстаюсь с другом» мы разберем по пунктам, выделяемым вышеупомянутыми исследователями как критерии оценки признаков и свойств стихотворных циклов.

1. *Целостность*. В «Расстаюсь с другом» целостность обеспечивается одним названием, общим предисловием, единой фактической основой, наличием приема, служащего для двух стихотворений объединяющим фактором, – антитезы (именно за счет антитезы два произведения вступают во взаимодействие друг с другом; друг другу противопоставлены не только темы, но и образы).

2. *«Извлекаемость» отдельного стихотворения из контекста цикла*. Хотя многие циклы, как это ни парадоксально, обладают одновременно и чертами «извлекаемости», и чертами «неделимости», тем не менее это утверждение неприменимо к данному циклу, поскольку он, будучи наделенным признаком «извлекаемости», напротив лишен признака «неделимости».

3. *Порядок циклизации*. Вопрос состоит преимущественно в том, насколько жестким является порядок – как хронологический, так и эстетический – включенных в цикл стихотворений.

Несмотря на самостоятельность стихотворений, входящих в цикл «Расстаюсь с другом», порядок циклизации предпочтителен именно в том виде, в каком мы здесь его видим; в противном случае целостность произведения как единой циклической конструкции рассыпается.

Хотя заданный порядок (условно назовем его прямым) и лишен явной хронологической, логической, эмоциональной последовательности, все же он легче ложится на субъективное читательское восприятие, нежели порядок обратный.

Р. Вроон в связи с этим утверждает: «В одних циклах стихотворения явно расположены авторами в рассчитанной последовательности, которую нельзя разрушить, не разрушив целого; другие составлены авторами или издателями много спустя после сочинения, и порядок в них кажется более или менее произвольным» [4. С. 127].

4. *Наличие центрального (циклообразующего) образа*. Цикл «Расстаюсь с другом» лишен какого-либо стержневого образа, фактически вся его образность покоится на приеме антитезы.

5. *Единство жанровой принадлежности*. Стихотворения тяготеют к разным жанровым атрибуциям: в первом отчетливо звучат анакреонтические нотки, во втором – элегические.

6. *Движение лирической эмоции.* О движении лирической эмоции говорить трудно, поскольку собственно лирическим началом проникнуто лишь второе стихотворение, в то время как первое представляется фабульным.

7. *Единство поэтической личности, ее душевной биографии.* Явственно присутствует.

8. *Единство темы, вокруг которой группируются стихотворения.* Стихотворения характеризуются отношением противопоставления, даже контраста между темами: совместное пребывание друзей vs. отсутствие надежды на воссоединение).

9. *Композиционная схожесть стихотворений, входящих в цикл.* Цикл «Расстаюсь с другом» не отмечен композиционной тождественностью, поскольку первая часть подчинена цели фабульного развития, а вторая часть – лирического.

10. *Лирический сюжет цикла.* Наблюдается движение как лирического, так и фабульного сюжетов.

11. *Семантическая значимость циклической формы* – обусловлена общим предисловием.

12. *Общность заглавия; значимость заглавия.* Одно заглавие побуждает к восприятию неоднородного произведения как единого целого.

13. *Факторы внутреннего единства цикла.* В «Расстаюсь с другом» внутреннее единство держится на характере лирического субъекта (поэта).

14. *Наиболее значимые признаки единства, реализующиеся в самом цикле.* В качестве признаков единства первичны мотивы и темы.

15. *Значимость «пробела» в цикле.* В. Изер так определяет пробел в контексте стихотворного цикла: «Пробел означает незаполненное место в общей системе текста – место, заполнение которого тотчас вызывает взаимодействие текстовых схем» [4. С. 153].

В силу определенной автономности отдельных стихотворений, входящих в «Расстаюсь с другом», пробел здесь несет существенную формально-содержательную нагрузку, поскольку, во-первых, подчеркивает некоторую независимость произведений, а во-вторых, создает пространство для осмысления связующих нитей между стихотворениями.

Заключение

Безусловно, цикл, не являясь понятием априорным, не предоставляет нам заданный набор критериев, позволяющих отличать цикл от не-цикла, давать циклам системные характеристики, приписывать им те или иные неотъемлемые свойства. Однако, определив некий набор признаков, выделяемых применительно к циклам разными исследователями, и рассмотрев «Расстаюсь с другом» именно под этим углом, мы можем сделать вывод о том, что цикл как поэтическая форма на заре китайского Средневековья был вполне разработан – он уже явил собой законченное произведение, характеризующееся целостностью литературного замысла, формальной и содержательной схожестью входящих в него элементов, единством концепции. Одним словом, в недрах китайской литературы на рубеже Древности и Средних веков уже оформилась поэтика цикла, и она вполне подлежит сопоставлению и сравнению с той, которая сложилась на Западе, в том числе и в России.

Примечания

- (1) Подстрочный перевод Н.А. Строгановой. Перевод стихотворений и комментариев к ним выполнен по [2. С. 17–19].
- (2) Импульсом для создания цикла послужили следующие события. В 213 г. войско Цао Цао, видного государственного деятеля и полководца, отца Цао Чжи, возвращалось из военного похода. В этом походе сопровождал отца и Цао Чжи. Когда по дороге в Ечэн, ставший столицей наряду с Лояном, войско остановилось в округе Цяо, Цао Чжи познакомился и подружился с Сяохоу Вэем, своим земляком (и Цао Чжи, и Сяохоу Вэй происходили из Цяо). Сяохоу Вэй был известен как защитник обиженных и обездоленных, отличался смелостью и благородством; кроме того, он служил, поскольку в разное время был ревизором двух округов. Именно в этот период, во время возвращения Цао Чжи из похода, и были написаны оба стихотворения [2. С. 17].
- (3) Цао Чжи пишет: «Я стремлюсь отдать все свои силы высокой империи, оказывать милость простому народу, совершать дела, которые бы сохранились на века, и иметь заслуги, достойные быть увековеченными на металле и камне» [3. С. 40]; «Я бы непременно упорствовал в опасностях, которым бы подвергался, я бы стремительно помчался на лодках, на конях и повел бы своих воинов вперед, невзирая на вражеские мечи и копья. <...> И пусть мое имя получит право на упоминание в истории, и служение мое будет отмечено в славных деяниях нашей династии. <...> А если мои незначительные способности не будут использованы, [мое имя] навечно бесславно исчезнет, и напрасно стану я украшать свою особу и холить тело свое – жизнь моя будет бесполезной для государственных дел, и смерть моя не явится потерей для страны... до белых волос буду я подобен птицам с их бесцельным существованием или жрущему в загоне скоту. А к этому я никогда не стремлюсь» [3. С. 42].

Список литературы

- [1] *Цао Чжи*. Семь печалей: стихотворения / пер. с кит. Л.Е. Черкасского. М.: Художественная литература, 1973. 165 с.
- [2] Стихотворения Цао Цзыцзяня с комментариями [Цао Цзыцзянь ши чжу. 曹子建詩註] / сост., коммент. Хуан Цзе [黃節]. Сянган [香港]: Чжунхуа шуцзюй сянган фэньцзюй [中華書局香港分局], 1973. 134 с.
- [3] *Черкасский Л.Е.* Поэзия Цао Чжи. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 148 с.
- [4] *Вроон Р.* Лирический цикл // Теория литературы: в 4 т. Т. 2: Произведение. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 126–159.
- [5] *Гаспаров М.Л.* Композиция лирических стихотворений // Теория литературы: в 4 т. Т. 2: Произведение. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 160–182.
- [6] *Москвин В.П.* Стилистика русского языка. Ростов н/Д.: Феникс, 2006. 640 с.
- [7] Циклизация // Теория литературных жанров / под ред. Н.Д. Тмарченко. М.: Академия, 2012. С. 157–173.
- [8] *Томашевский Б.В.* Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 2003. 334 с.
- [9] *Митькина Е.И.* Стихотворные циклы в китайской литературе // Образные и стилистические особенности лирических циклов Хуан Цзинжэня (1748–1783): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017. С. 98–115.
- [10] *Семенов И.И.* Конфуций и Мэнцзы о дружбе // Ломоносовские чтения: научная конференция: тезисы докладов. М.: Ключ-С, 2011. С. 118–120.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 марта 2020 г.

Дата принятия к печати: 25 марта 2020 г.

Для цитирования:

Строганова Н.А. Поэтика цикла «Расстаюсь с другом» Цао Чжи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 295–304. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-295-304>

Сведения об авторе:

Строганова Нина Андреевна, аспирант кафедры китайской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-6564-6230>, eLIBRARY SPIN-код: 8055-4532. E-mail: nina.stroganova@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-295-304

Research article

Poetics of the cycle “Parting With a Friend” by Cao Zhi

Nina A. Stroganova

Lomonosov Moscow State University
11 Mokhovaya St, bldg. 1, Moscow, 125009, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to a comprehensive review of an Early Medieval Chinese poetic cycle, consisting of two friendly messages preceded by a preface, – the “Parting With a Friend” by Cao Zhi (192–232). The article is the first to provide an interlinear translation and a sequential analysis of the cycle. In progress of the analysis the images, tropes and figures in both poems, the motives, different types of connection between the motives, the themes of the poems, their compositional structures, genre identity, and the peculiarities of the poetics of the “Parting With a Friend” as a cycle were examined in detail. By the example of the “Parting With a Friend”, conclusions regarding the appearance of a poetic cycle in Chinese literature at the turn of Antiquity and the Middle Ages were drawn. The poetics of the “Parting With a Friend” was examined on the base of the Western theoretical material, which makes our study not purely synological, but partly comparative.

Keywords: Cao Zhi, Early Medieval Chinese literature, poetic cycle, the poetics of a cycle, friendly message, comparative studies

References

- [1] Cao Zhi. (1973). *Sem' pechaley: Stikhotvoreniya [Seven Sorrows: Poems]*. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ.
- [2] Huang Jie. (Ed. and comm.). (1973). *Cao Zijian shi zhu [Poems of Cao Zijian with Commentaries]*. Xianggang, Zhonghua shuju xianggang fenju.
- [3] Cherkasskiy, L.E. (1963). *Poeziya Cao Zhi [The Poetry of Cao Zhi]*. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoy literatury.
- [4] Vroon, R. (2011). Liricheskiy tsikl [Lyrical Cycle]. *Teoriya literatury [Theory of Literature]*: in 4 vols. Vol. 2: Proizvedeniye [Literary Work] (pp. 126–159). Moscow, IMLI RAN Publ.
- [5] Gasparov, M.L. (2011). Kompozitsiya liricheskikh stikhotvoreniy [Composition of Lyric Poems]. *Teoriya literatury [Theory of Literature]*: in 4 vols. Vol. 2: Proizvedeniye [Literary Work] (pp. 160–182). Moscow, IMLI RAN Publ.
- [6] Moskvina, V.P. (2006). *Stilistika russkogo yazyka [Stylistics of the Russian Language]*. Rostov-on-Don, Feniks Publ.

- [7] Tsiklizatsiya [Cyclization]. (2012). In N.D. Tamarchenko (Ed.), *Teoriya literaturnykh zhanrov [Theory of Literary Genres]* (pp. 157–173). Moscow, Akademiya Publ.
- [8] Tomashevskiy, B.V. (2003). *Teoriya literatury. Poetika [Theory of Literature. Poetics]*. Moscow, Aspekt Press Publ.
- [9] Mitkina, E.I. (2017). Stikhotvornyye tsikly v kitayskoy literature [Poetic Cycles in Chinese Literature]. *Obraznyye i stilisticheskiye osobennosti liricheskikh tsiklov Khuan Tszin-zhenya (1748–1783) [Figurative and Stylistic Features of Lyric Cycles by Huang Jingren (1748–1783)]* (pp. 98–115) (Dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Saint Petersburg.
- [10] Semenenko, I.I. (2011). Konfutsiy i Mentszy o družbe [Confucius and Mencius on Friendship]. *Lomonosovskiye chteniya [Lomonosov Readings]*: Scientific Conference: Abstracts of Papers (pp. 118–120). Moscow, Klyuch-S Publ.

Article history:

Received: 10 March 2020

Revised: 12 March 2020

Accepted: 25 March 2020

For citation:

Stroganova, N.A. (2020). Poetics of the cycle “Parting With a Friend” by Cao Zhi. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 295–304. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-295-304>

Bio note:

Nina A. Stroganova, Ph.D. student at the Department of Chinese Philology of Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-6564-6230>, eLIBRARY SPIN-code: 8055-4532. E-mail: nina.stroganova@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-305-314
УДК 821.111

Научная статья

Семантика праздника в «Рождественской песни в прозе» Ч. Диккенса

Г.Т. Безкорвайная¹, Л.Н. Гишкаева², Н.Т. Пахсарьян³

¹Московский политехнический университет

Российская Федерация, 107045, Москва, ул. Садовая-Спасская, 6

²Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

³Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

Аннотация. В статье исследуются языковые единицы, создающие семантику праздника, используемые великим английским писателем-викторианцем в одном из первых его и, пожалуй, одном из самых популярных произведений – «Рождественской песни в прозе» (1843). Становясь не раз объектом литературоведческого анализа, повесть тем не менее еще недостаточно исследовалась с точки зрения нескольких смежных наук. Предпринята попытка соединить литературоведческий, лингвокультурный и лингвистический подходы к ее анализу. Проведен отбор и анализ лексических единиц, принадлежащих к одиннадцати тематическим группам, создающим неповторимое полотно праздника Рождества в диккенсовском творении. Рассмотрены примеры из текста. Проанализировано более тысячи языковых единиц, рисующих образ Рождества. Сделан вывод о том, что писатель создает повесть как морально высокое, назидательное, произведение, одновременно возвращая внимание к Рождеству в Британии, а также обличая социальные пороки и недостатки викторианской Англии. Палитра стилистических и языковых средств при этом богата и неповторима.

Ключевые слова: Чарльз Диккенс, художественный текст, праздник, гуманизм, семантика, тематические группы

Введение

Как известно, художественный текст – это «продукт художественного творчества, в котором в чувственно-материальной форме воплощен духовно-содержательный замысел его автора и который отвечает критериям эстетической ценности» [1. С. 325]. По словам М.М. Бахтина: «Основное художественное задание осуществляется на материале слова (которое становится художественным, поскольку управляется этим заданием) в определенных формах словесного произведения и определенными приемами, обусловленными не только основным художественным заданием, но и природою дан-

ного материала – слова, который приходится приспособлять для художественных целей» [2. С. 6].

Чарльз Диккенс – самый образцовый и одновременно самый великий писатель викторианской эпохи – выделяется в ряду других сочинителей этого периода, быть может, прежде всего тем, что его творчество превосходит других глубиной и степенью гуманизма. Его гуманизм проявился не только в постоянном и активном изображении социальных проблем современного ему общества, но и в том, что писатель стремился противостоять утилитарному духу его времени, придавая большое значение волшебным сказкам [3. С. 20], столь важным для детского чтения, противопоставляя повседневности и прозаичности современного мира праздничный воображаемый мир доброты и тепла. В эпоху, когда празднование Рождества в Англии едва ли не уходило в прошлое, Диккенс обновляет и возрождает средневековые традиции этого праздника, становясь в глазах современников «человеком, который изобрел Рождество», как напишет корреспондент газеты «Sunday Telegraph» 18 декабря 1888 г. [4]. Одна из зарубежных исследователей повести замечает: «Диккенс подчеркивал дух Рождества, и в результате читатель мог понять значение этого праздника» [5. С. 28]. Известно, что «Рождественская песнь» была написана на одном дыхании, и ее появление в момент не очень благоприятной финансовой ситуации в жизни писателя не было случайным. Ж.-П. Оль полагает даже, что Песнь казалась писателю «по меньшей мере временным решением финансовых проблем» [6. С. 120]. Однако неверно было бы сводить замысел Диккенса к желанию только получить деньги. Не случайно рождественская тема станет затем постоянной у писателя и вслед за первой повестью у него появятся еще несколько, а некоторые большие романы задумываются и исполняются им как «рождественские сказки». Думается, что Диккенс открыл в этой теме дорогой ему гуманистический мотив, еще одну возможность отстоять ценности милосердия и прощения. Вот почему «Рождественская песнь в прозе», написанная и опубликованная Диккенсом в 1843 г., стала знаковой в истории как английской, так и мировой литературы и культуры. Достаточно часто становясь объектом исследования, «Рождественская песнь» прежде всего привлекала ученых с точки зрения своеобразия нравственной проблематики, особенностей притчевого начала, музыкальности стиля и жанрового своеобразия, однако семантика праздника Рождества в этом произведении не становилась до сих пор объектом изучения.

Обсуждение

Значение Диккенса состоит не только в его вкладе в художественную культуру Англии, но и в его влиянии на английский язык. Известно, что в Оксфордском словаре английского языка содержится больше цитат из Диккенса, чем из любого другого писателя его эпохи. Как и Шекспир, Диккенс писал для широкой аудитории и популяризовал слова, которые были забыты или малоупотребительны в его эпоху. Он давал этим словам (как и старинным рождественским обрядам) новую жизнь. Представлялось интересным проанализировать диккенсовский язык, создающий образ праздника, поскольку выбор средств описания и придания всему произведению торжественной окрас-

ки помогает раскрыть тайну того неповторимого обаяния, которое присуще рассматриваемой повести-сказке. Для этого использовались методы семантического и компонентного анализа.

Заглавие, выбранное Диккенсом для истории о преображении Скруджа, – это напоминание о важности возрождения рождественских праздников в XIX в. В целом название данного произведения Чарльза Диккенса – «*A Christmas Carol. A Ghost Story of Christmas*» включает в себя лексему, имеющую прямое отношение к понятию рождественского праздника, – *carol*, означающую «*a religious folksong or popular hymn, particularly one associated with Christmas: 'we sang carols by candlelight'*» [7]. Непосредственная связь названия и содержания как бы заявлена уже заголовком. В русских переводах, где сохранено слово *песнь*, очень хорошо передан диккенсовский замысел создания песни в прозе. Разделение текста на строфы придает поэтическую окраску повести. Можно говорить о своеобразном слиянии эпического и лирического компонентов в произведении, начиная с заглавия.

Отметим, что прямое значение лексемы *carol* в некоторых переводах на русский язык было заменено на лексему *история*. Перевод *Рождественская песнь* точнее передает заложенный автором смысл заглавия (о проблемах перевода повести см. подробнее: [8]). Кроме того, своего рода анонсирование в подзаголовке мистического характера песни – *A Ghost Story of Christmas* – подчеркивает связь праздника с необычным, сказочным и таинственным. Интерес к паранормальному, отличающий викторианскую эпоху, определил то, что чудесные превращения, видения становятся неперенным элементом святочных рассказов, назначением которых было в том числе формирование праздничного настроения, особой атмосферы духовности и одновременно манящей таинственности. Необходимо подчеркнуть, что Диккенс использует характерный для сказок зачин – *once upon a time*, помещая события повести в особый сказочный хронотоп [9. С. 41]. Переплетение поэтического со сказочным, реального с мистическим составляет особенность диккенсовского текста произведения, определяет соответствующий выбор лексических единиц.

Для того чтобы проанализировать и отобрать именно «праздничные» лексемы и концепты, обратимся к определению понятия *праздник* в словаре русского языка Ожегова: 1. День торжества, установленный в честь или в память кого-чего-н. Первомай – п. весны. 2. День или ряд дней, отмечаемых церковью в память религиозного события или святого. В день храмового праздника. Престольный п. (в честь церковного события или святого, имя к-рого присвоено данной церкви). П. Рождества. Христианские, церковные праздники. 3. Выходной, нерабочий день. П. Нового года. 4. День радости и торжества по поводу чего-н. Семейный п. На душе п. (перен.: радостно) [10]. Сравнив эти значения с определением, данным в Оксфордском словаре: 1. *A day of festivity or recreation when no work is done. <...> 1.2. Often holidays. An extended period of leisure and recreation, especially one spent away from home or in travelling* [11], мы находим общее в семантике концепта *праздник* – ощущение торжества, атмосферу радости и отдыха. Но в художественном тексте «Рождественской песни» эта семантика конкретизируется, детализируется и

расширяется, праздник представляет собой не только веселое время, но прежде всего – время, когда в людях проявляются их лучшие качества или даже такие качества проявляются впервые.

Действие анализируемой повести происходит в канун Рождества. Главный герой – сварливый, жадный, вечно всем недовольный и циничный старик Скрудж (носитель говорящего имени, образованного от глагола *screw* – скрещивать, сквалыжничать), давно потерявший веру в хорошее и доброе, что есть в мире. Кажется, у него осталась единственная страсть и радость в жизни – деньги. Он разорвал практически все свои родственные и дружеские связи. Все, кто его знал, уже не надеялись на то, что Скрудж сможет измениться. В начале повествования Скрудж характеризует Рождество как *humbug* – чушь, пустяк. Но удивительная святочная ночь перед Рождеством доказывает, что для настоящих чудес не существует ни мелочей, ни преград для преобразования обыкновенного в волшебное не только в окружающем мире, но и в душе человека. Всего лишь одной ночи может быть достаточно, чтобы жизнь человека изменилась, преобразилась, его сердце вновь наполнилось любовью и рождественским духом. Для Скруджа праздник становится поводом переосмыслить свое прошлое, настоящее и будущее, что придает особый характер лексике тематических групп, создающей атмосферу праздника. Семантика повести определяет и подбор соответствующих лексем, которые создают особую атмосферу торжества, возрождения, нравственности, чудес и одновременно – доброты, тепла, домашности. В повести много метафор, сравнений, параллельных конструкций и т. п. Одну из метафор специалисты даже считают его собственным изобретением: Зло – Холод [12. С. 13]. Вместе с тем язык Диккенса отличают простота и ясность, которые также подчеркивают исследователи его стиля [13]. Рассматривая семантику праздника, сфокусируемся на общности подбора тех или иных единиц.

Анализ языковых средств, которые создают атмосферу праздника в повести, позволил условно выделить следующие тематические группы:

1. Лексемы – номинанты Рождества: *Christmas Eve, merry Christmas, blessing Christmas Eve holly, Holly, mistletoe, etc.*
2. Номинанты обстановки в домах перед Рождеством: *candles, small fire.*
3. Эмоции персонажей: *laugh, roaring laugh, cheerful voice.*
4. Описание убранства улиц и домов: *the brightness of the shops, holly sprigs and berries, a splendid joke: a glorious pageant.*

Сам Мэр хочет, чтобы народ веселился и был сыт в этот день: *The Lord Mayor, in the stronghold of the mighty Mansion House, gave orders to his fifty cooks and butlers to keep Christmas as a Lord Mayor's household should; and even the little tailor, whom he had fined five shillings on the previous Monday for being drunk and bloodthirsty in the streets, stirred up to-morrow's pudding in his garret, while his lean wife and the baby sallied out to buy the beef.*

5. Слова, отмечающие, что Рождество – особое время для добрых дел: *mercy, charity, generosity, etc. We should make some slight provision for the poor and destitute.*

Диккенс рассматривает праздник как повод вспомнить о бедняках, помочь им, проявить милосердие. В произведении явственно присутствуют со-

циальные мотивы, прежде всего они проступают в процессе обличения поступков Скруджа, его жадности и невнимания к нуждам бедных людей. Как отмечает Б. Форбс, «Диккенс был защитником современности во всех ее противоречиях, одобряя возрождение и празднование Рождества и соблюдение его традиций по-новому... он ценил добрые поступки и благотворительность и всегда был нацелен на них» [14. С. 62].

6. Праздник как пиршество, праздник еды: *there were turkeys, geese, game, poultry, brawn, great joints of meat, sucking-pigs, long wreaths of sausages, mince-pies, plum-puddings, barrels of oysters, red-hot chestnuts, cherry-cheeked apples, juicy oranges, luscious pears, immense twelfth-cakes, and seething bowls of punch, that made the chamber dim with their delicious steam.*

Диккенс акцентирует внимание читателя на традиционных рождественских блюдах, которые в английской традиции включают в себя гуся, пудинг.

There never was such a goose. Bob said he did not believe there ever was such a goose cooked. Its tenderness and flavour, size and cheapness, were the themes of universal admiration... But now, the plates being changed by Miss Belinda, Mrs. Cratchit left the room alone – too nervous to bear witnesses – to take the pudding up and bring it in.

7. Атмосфера чуда, таинственность и мистика: *bell, clock, midnight phantoms, Marley's Ghost, chains.*

Появляющиеся в повести Призраки Рождества прошлого, настоящего и будущего погружают Скруджа в воспоминания, обдумывание, осознание прошлой жизни. Призрак Настоящего Рождества приходит с дарами. Диккенс описывает появившееся в комнате Скруджа обилие еды. Подбор эпитетов подчеркивает достоинства всех этих блюд, как бы воспевая чревоугодие: *Heaped up on the floor, to form a kind of throne, were turkeys, geese, game, poultry, brawn, great joints of meat, sucking-pigs, long wreaths of sausages, mince-pies, plum-puddings, barrels of oysters, red-hot chestnuts, cherry-cheeked apples, juicy oranges, luscious pears, immense twelfth-cakes, and seething bowls of punch, that made the chamber dim with their delicious steam. In easy state upon this couch, there sat a jolly Giant, glorious to see; who bore a glowing torch, in shape not unlike Plenty's horn, and held it up, high up, to shed its light on Scrooge, as he came peeping round the door.* Нарочито длинное, подробное перечисление блюд, продуктов, выпечки символизирует радость и благоденствие для всех, даже бедняков, в этот день.

Подробное описание одежды Духа Рождественского Настоящего позволяет представить его во всем великолепии праздничного одеяния. Диккенс отбирает лексемы, которые характеризуют каждый предмет одежды детально, зримо, что делает эту картинку для читателя почти реальной: *This garment hung so loosely on the figure that its capacious breast was bare, as if disdainful to be warded or concealed by any artifice. Its feet, observable beneath the ample folds of the garment, were also bare; and on its head it wore no other covering than a holly wreath, set here and there with shining icicles. Its dark brown curls were long and free; free as its genial face, its sparkling eye, its open hand, its cheery voice, its unconstrained demeanor, and its joyful air. Girded round its middle was an antique scabbard; but no sword was in it, and the ancient sheath was eaten up with rust.*

8. Лексемы, описывающие атмосферу праздника на улицах викторианского Лондона: *laughing face and plundered dress, Christmas toys and presents, shouting and the struggling, to greet the father, irrepressible affection, etc.*

9. Лексемы, описывающие праздник как вечеринку, танцы, веселье: *Away **they all went, twenty couple** at once; hands half round and back again the other way; down the middle and up again; round and round in various stages of affectionate grouping; old top couple always turning up in the wrong place; new top couple starting off again, as soon as they got there; all top couples at last, and not a bottom one to help them!*

In came a fiddler with a music-book, and went up to the lofty desk, and made an orchestra of it, and tuned like fifty stomachaches. In came Mrs. Fezziwig, one vast substantial smile.

10. Описание главного блюда Рождества: *Oh, **a wonderful pudding!** Bob Cratchit said, and calmly too, that he regarded it as the greatest success achieved by Mrs. Cratchit since their marriage. Mrs. Cratchit said that now the weight was off her mind, she would confess she had had her doubts about the quantity of flour. Everybody had something to say about it, but nobody said or thought it was at all a small pudding for a large family. It would have been flat heresy to do so. Any Cratchit would have blushed to hint at such a thing.*

11. Лексемы, описывающие переосмысление героем своего прошлого, раскаяние, покаяние и нравственное преображение: *I will **honour Christmas** in my heart, and try to keep it all the year. I will live in the Past, the Present, and the Future. **The Spirits of all Three shall strive within me. I will not shut out the lessons that they teach.** Oh, tell me I may sponge away the writing on this stone!*

*He had no further intercourse with Spirits, but lived upon the **Total Abstinence Principle**, ever afterwards; and it was always said of him, that he knew how to keep Christmas well, if any man alive possessed the knowledge. May that be truly said of us, and all of us! And so, as Tiny Tim observed, **God bless Us, Every One!***

Чудесное настроение Скруджа – итог перемены его характера к лучшему: *“I don't know what to do!” cried Scrooge, laughing and crying in the same breath; and making a perfect Laocoon of himself with his stockings. “I am as light as a feather, I am as happy as an angel, I am as merry as a schoolboy. I am as giddy as a drunken man. A merry Christmas to everybody! A happy New Year to all the world. Hallo here! Whoop! Hallo!”*

Следует отметить, что для языка Диккенса характерны и синтаксические средства создания особого характера праздника. Он часто использует параллельные конструкции, повторы. Например, они характерны для сцены веселья, передают ритм танца, делают картину реальной, зримой для читателя: *In they all came, one after another; **some shyly, some boldly, some gracefully, some awkwardly, some pushing, some pulling;** in they all came, anyhow and everyhow. Away they all went, twenty couple at once; hands half round and back again the other way; down the middle and up again; **round and round** in various stages of affectionate grouping; old top couple always turning up in*

Диккенс использует инверсию и повтор в этой сцене, приобретающей мелодичность, звучащей словно стихотворение: ***In came** the three Miss Fezziwigs, beaming and lovable. **In came** the six young followers whose hearts they broke.*

In came all the young men and women employed in the business. In came the housemaid, with her cousin, the baker. In came the cook, with her brother's particular friend, the milkman. In came the boy from over the way, who was suspected of not having board enough from his master...

Хотя в повести Скрудж исправляется и становится добрее, его имя остается под влиянием Диккенса нарицательным и означает скрягу, жадного человека. Как пишет Дж. Брук, «главный герой Эбенейзер Срудж стал нарицательным в английском языке: *a scrooge* это кто-то жадный либо жалкий. Его фраза “Ба! Чепуха!”, выражающая раздражение и недовольство, получила популярность после издания повести. Сейчас это выражение скорее театральное, устаревшее. В гуманистическом смысле эта повесть о добре и зле» [15. С. 94]. К.А. Андреева полагает даже, что «главная идея *Рождественской песни* – антитеза концептов “Зло” (жадность) – “Добро”» [12. С. 12]. Кажется, однако, что Диккенс в данном случае больше акцентирует слабость зла перед лицом праздника Рождества. Согласно закону сказки, в «Рождественской песни» добро легко и быстро побеждает зло. Рождество оказывается временем безусловного торжества добра.

Заключение

Анализ текста повести Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе» показал, что автор рисует картину праздника, торжества не только через описание приятных обрядов, общей атмосферы радости и доброты, но и через трансформацию самого мрачного и неулыбчивого персонажа, доказывая, что Рождество способно преображать злого и жадного субъекта в доброго, что этот праздник способен заставить человека вспомнить о его прошлом, проанализировать настоящее и подумать о своем будущем. В повествовании Духи Прошлого, Настоящего и Будущего являются катализаторами рефлексии Скруджа и в конце концов к нему приходит понимание того, что же и кто является главным в жизни. Обретение героем любви и доброты через трансформацию его чувств, характера, поведения носит назидательный оттенок. Однако диккенсовская назидательность и сентиментальность не заслоняют художественного мастерства писателя, лишь придают ей своеобразие и обуславливают причастность «Рождественской песни» к детскому чтению.

Многообразие тем, связанных с повествованием о святочном вечере и Рождестве, определяет и разнообразие тематических групп, в которые объединены лексемы, создающие атмосферу праздника. Писатель использует различные по тематике лексемы, классифицированные в одиннадцать групп. Одной из важных особенностей повествования о Рождестве у Диккенса является описание трансформаций когда-то равнодушного к празднику, людям и к жизни героя, что позволяет выделить группу лексем, описывающих раскаяние, переосмысление прошлого, настоящего и будущего. Другой, не менее важной особенностью, является придание Рождеству черт, прежде всего, домашнего, семейного праздника. Как и во многих других произведениях, Диккенс использует язык повседневный, не напыщенный, но его мастерство позволяет внести в текст такие прилагательные, фразеологизмы, сравнения и метафоры, которые делают оправданным определение жанра как песни в прозе. Став

родоначальником не только празднования Рождества, но и особого жанра «рождественских историй» в литературах многих стран, Чарльз Диккенс продемонстрировал поистине мировой уровень своего художественного дарования.

Благодарности и финансирование. Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН 5–100.

Список литературы

- [1] *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 2010. 607 с.
- [2] *Бахтин М.М.* Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 6–71.
- [3] *Marlow J.E.* Memory, Romance, and the Expressive Symbol in Dickens // *Nineteenth-Century Fiction*. 1975. Vol. 30. No. 1. Pp. 20–32.
- [4] *Standiford L.* The Man who Invented Christmas: how Charles Dickens’s A Christmas Carol Rescued His Career and Revived Our Holiday Sprints. New York: Crown, 2008. 241 p.
- [5] *Erwindriani T.* Scrooge’s Character Development in Charles Dickens’ A Christmas Carol // *Celt*. Vol. 12. No. 1. Pp. 28–45. <https://doi.org/10.24167/celt.v12i1.3>
- [6] *Оль Ж.-П.* Диккенс. М.: Молодая гвардия, 2015. 298 с.
- [7] Oxford Dictionary. URL: <https://www.lexico.com/definition/carol> (дата обращения: 20 января 2020 г.).
- [8] *Sakaeva L.R., Yahin M.A., Bazarova L.V.* Modes of Expression of Interlingual Transformations in the Translation of the Novel “A Christmas Carol” by Charles Dickens // *Journal of History Culture and Art Research*. 2019. No. 8 (3). Pp. 242–250.
- [9] *Кононова М.Н.* «Рождественская песнь» Ч. Диккенса: аксиология времени праздника // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2014. Вып. 2. С. 43–51.
- [10] Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 20 января 2020 г.).
- [11] Oxford Learner’s Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/holiday_1?q=holidays (дата обращения: 20 января 2020 г.).
- [12] *Андреева К.А.* «Рождественская песнь» Ч. Диккенса в ракурсе лингвистической экологии // Вестник Тюменского государственного университета. Филология. 2012. № 1. С. 11–15.
- [13] *Tyler D.* Dickens’s Style. Cambridge University Press, 2013. 284 p.
- [14] *Forbes B.D.* Christmas, A Candid History. University of California Press, 2007. 196 p.
- [15] *Brook G.L.* Language of Dickens. 1st editionю. London: Deutsch, 1970. 270 p.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 2 февраля 2020 г.

Дата принятия к печати: 15 февраля 2020 г.

Для цитирования:

Безкоровайна Г.Т., Гишкаева Л.Н., Пахсарьян Н.Т. Семантика праздника в «Рождественской песни в прозе» Ч. Диккенса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 305–314. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-305-314>

Сведения об авторах:

Безкоровайна Галина Тиграновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Высшей школы печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета. E-mail: begatil@yandex.ru

Гишкаева Луиза Нахидовна, доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: gishkaeva-ln@rudn.ru

Пахсарьян Наталья Тиграновна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: natapa@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-305-314

Research article

Semantics of festivities in “Christmas Carol” by Ch. Dickens

Galina T. Bezkorovaynaya¹, Luiza N. Gishkaeva², Natalia T. Pakhsarian³

¹Moscow Polytechnic University

6 Sadovaya-Spasskaya St, Moscow, 107045, Russian Federation

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

10 Miklukho-Maklaya St, bldg. 1, Moscow, 117198, Russian Federation

³Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, bldg. 51, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract. The article concerns the language units, forming the semantics of festivities in one of the most popular works by Charles Dickens – the great English writer of Victorian Era, namely “A Christmas Carol” (1843). This work has been the subject for a lot of research, the story however is not investigated within the framework of some allied sciences. An attempt to use linguistic, linguistic culture and literary criticism approaches has been made to analyze the story. The eleven theme groups were found and the linguistic units were picked up. Those units create the unique picture of Christmas festivities. The examples from the text are analyzed. Around one thousand language units describing Christmas are analyzed. The conclusion is made that the writer created the morally important, educating work. At the same time, he attracted attention to Christmas in Britain, criticizing the drawbacks of the society as well as in Victorian England. The palette of stylistic and language means is rich and wonderful.

Keywords: Charles Dickens, artistic text, holiday, humanism, semantics, thematic groups

Acknowledgements and Funding. Publication is supported by RUDN Programme 5–100.

References

- [1] Ahmanova, O.S. (2010). *Slovar' lingvisticheskikh terminov [Linguistic terms dictionary]*. Moscow.
- [2] Bahtin, M.M. (1975). Problema soderzhaniya, materiala i formy v slovesnom hudozhestvennom tvorchestve [The problem of content, material and form in verbal artistic creativity]. In M.M. Bahtin, *Voprosy literatury i estetiki [Questions of Literature and Aesthetics]* (pp. 6–71). Moscow.
- [3] Marlow, J.E. (1975). Memory, Romance, and the Expressive Symbol in Dickens. *Nineteenth-Century Fiction*, 30(1), 20–32.
- [4] Standiford, L. (2008). *The Man who Invented Christmas: how Charles Dickens's A Christmas Carol Rescued His Career and Revived Our Holiday Sprints*. New York: Crown.
- [5] Erwindriani, T. Scrooge's Character Development. *Celt*, 12(1), 28–45. <https://doi.org/10.24167/celt.v12i1.3>

- [6] Ol' Zh.-P. (2015). *Dickens [Dickens]* Moscow, Molodaya gvardiya Publ.
- [7] Oxford Dictionary. Retrieved January 20, 2020 from <https://www.lexico.com/definition/carol>
- [8] Sakaeva, L.R., Yahin, M.A., & Bazarova, L.V. (2019). Modes of Expression of Interlingual Transformations in the Translation of the Novel “A Christmas Carol” by Charles Dickens. *Journal of History Culture and Art Research*, 8(3), 242–250.
- [9] Kononova, M.N. (2014). “Rozhdestvenskaya pesn”» Ch. Dikkensa: aksiologiya vremeni prazdnika [“A Christmas Carol” by Ch. Dickens: the axiology of the holiday time]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta [IKBFU's Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, Psychology]*, (2), 43–51.
- [10] Tolkovyj slovar' Ozhegova [Ozhegov's explanatory dictionary]. Retrieved January 20, 2020 from <https://slovarozhegova.ru/>
- [11] Oxford Learner's Dictionary. Retrieved January 20, 2020 from https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/holiday_1?q=holidays
- [12] Andreeva, K.A. (2012). “Rozhdestvenskaya pesn” Ch. Dikkensa v rakurse lingvisticheskoj ekologii [“Christmas Carol” by Ch. Dickens in Russian linguistic ecology]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Vestnik TSU. Philology]*, (1), 11–15.
- [13] Tyler, D. (2013). *Dickens's Style*. Cambridge University Press.
- [14] Forbes, B.D. (2007). *Christmas, A Candid History*. University of California Press.
- [15] Brook, G.L. (1970). *Language of Dickens*. 1st edition. London, Deutsch.

Article history:

Received: 2 February 2020

Revised: 10 February 2020

Accepted: 15 February 2020

For citation:

Bezkorovaynaya, G.T., Gishkaeva, L.N., & Pakhsarian, N.T. (2020). Semantics of festivities in “Christmas Carol” by Ch. Dickens. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 305–314. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-305-314>

Bio notes:

Galina T. Bezkorovaynaya, Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of High School of Print and Media Industry of Moscow Polytechnic University. E-mail: begati1@yandex.ru

Luiza N. Gishkaeva, Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of Philological Faculty of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: gishkaeva-ln@rudn.ru

Natalia T. Pakhsarian, Doctor of Philology, Professor of the Department of Foreign Literature History of Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University. E-mail: natapa@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-315-323
УДК 316.77.001

Научная статья

Вечерняя печать Венгрии: особая роль *Az Est*

Т.Ю. Пынина

Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Аннотация. Статья посвящена флагману вечерней венгерской печати – газете *Az Est* («Эшт»). Издание рассматривается в контексте ситуации в прессе в первой трети XX столетия. В статье дан комплексный анализ новаций, примененных издателями «Эшт». Обращено внимание на размещение серьезной новостной информации наряду с публикацией сенсаций, особую верстку, включавшую, в частности, крупные заголовки, одно-столбцовые статьи и большое количество иллюстративного материала, адресно созданного художниками, отказ от привычных для других венгерских изданий того времени шаблонов. Отмечено, что у политического ежедневника, как характеризовала себя газета, отсутствовала политическая позиция и привязка к какой-либо политической партии. Тираж газеты значительно превышал тиражи других изданий и достигал в отдельные годы почти полумиллиона экземпляров. В статье не оставлен без внимания первый крупный венгерский магнат прессы Андор Миклош, основатель, владелец и главный редактор газеты. Формированию его медиаимперии в полной мере способствовал успех «Эшт», газеты, изначально рассматривавшейся ее создателем как бизнес-проект, создавший в венгерском газетном деле и в дальнейшем в издательском бизнесе ситуацию конкурентности. Также анализируются PR- и рекламная кампании, предшествовавшие запуску газеты и вызвавшие общественный интерес. Новизна настоящей статьи в том, что исследований газеты «Эшт» в отечественной научной литературе нет, равно как и любых материалов на русском языке, связанных с вечерней прессой Венгрии.

Ключевые слова: венгерская пресса, вечерняя газета, таблоид, *Az Est*, «Эшт», Андор Миклош, медиабизнес

В системе печатной периодики вечерняя пресса занимает особое место. Она рассчитана на массового читателя, тяготеет к сенсационности, дает краткую оперативную информацию, отличается простым языком, броской версткой, множеством иллюстраций, выходит во второй половине дня и распространяется, наряду с подпиской, разносчиками газет на улице. Вечерние издания приносят доход, активно влияют на широкую аудиторию, формируя модель действительности, социальные привычки и пристрастия и косвенно политические взгляды. Однако изучению и анализу вечерней прессы в контексте исследования истории печати, как правило, уделяется недостаточное внимание. Как отмечал венгерский автор Геза Бузинкай, «социальная зна-

чимось бульварной прессы до сих пор малоизвестна, хотя из-за ее огромного массового воздействия эта тема заслуживает серьезного внимания» [1].

В Венгрии минувшего столетия существовало несколько вечерних газет: *Esti Ujság* (1896–1917), первая венгерская газета, основанная на уличных продажах, которая создала венгерскую бульварную прессу [2], *Esti Budapest* (1952–1956), *Esti Hirlap* (1956–1996) и ряд других. В рамках данной статьи мы сосредоточим внимание на *Az Est* («Эшт», с венг. – «Вечер»), газете, издававшейся с 1910 по 1939 год, сыгравшей особую роль в истории венгерской прессы.

Предварительно следует отметить, что история печати на венгерском языке начинается с XIX века, родоначальником венгерской национальной журналистики считается Лайош Кошут. Самые первые венгерские газеты выходили на латинском и немецком языках. «Хронологически первой был – насколько это может быть установлено – *Mercurius Hungarius*, впоследствии *Mercurius Veriducurex Hungaria*, выходивший в 1705–1711 годы» [3]. Впрочем, исследователи отмечают существование нерегулярной венгероязычной периодики в конце XVIII – начале XIX столетия: первая венгерская газета вышла в свет в 1780 году в Прессбурге под названием *Magyar Hirmondo* и выпускалась восемь лет [1; 3]. В 1841 году венгерский революционер и журналист Лаойш Кошут основал в Пеште первую подлинно венгерскую газету *Pesti Hirlap*, в которой на хорошем венгерском литературном языке излагались актуальные новости, обсуждались политические вопросы. В начале прошлого столетия она выходила тиражом 56 000 экземпляров, отмечает Людвиг Саламон [3]. Интересно отметить, и это характерно для Венгрии, чтящей и поддерживающей традиции, – в конце 2019 года предпринята очередная попытка возобновления газеты (как вечерней), символа венгерской независимости. Ее главный редактор в обращении к читателям, в частности, писал, что газета *Pesti Hirlap* получает продолжение, и это ее седьмая версия; она доступна в рабочие дни с 16 часов в метро, на крупных пешеходных и транспортных узлах: «Ищите наши новости!» [4].

Вторая половина, особенно последняя треть, XIX века – время интенсивного развития венгероязычной периодики. К 1902 году в странах венгерской короны существовало 1205 газет и журналов на венгерском языке и 227 периодических изданий на других языках, но число последних прогрессивно уменьшалось. Был отмечен взрывной рост венгерской прессы: в 1870 году количество доставленных по почте газет составило 15,5 млн, в 1905 году – более 154 млн [3]. Таким образом, в Венгрии существовал определенный опыт печатной периодики, который стал базой для запуска новых изданий. Этот опыт использовала газета «Эшт», привнеся ряд значительных инновационных решений.

Первый номер *Az Est* вышел в свет в субботу 16 апреля 1910 года в Будапеште [5]. Этому событию предшествовала беспрецедентная рекламная кампания. Повсюду, писал Геза Бузинкай, на стенах, заборах, витринах, трамваях, тележках, рекламных тумбах, газетных щитах размещались десятки тысяч баннеров с рекламой нового издания, коллегам и друзьям его основателя раздавались листовки, анонсирующие появление новой газеты [1]. Основателем, главным редактором и владельцем издания стал Андор Миклош (под-

линное имя Klein Ármin), тридцатилетний журналист экономического отдела, уволенный из газеты *Pesti Napló* ее владельцем Йожефом Шураньи за финансовые махинации [2].

Таблоид «Эшт» стал крупным и успешным бизнес-проектом в СМИ и, по сути, предвосхитил новую эпоху в прессе, положив начало медиаимперии Миклоша. Имевший, наряду с журналистским опытом, серьезные связи в финансовой сфере и хорошую практическую сметку, Миклош обеспечил своему изданию основательную экономическую базу. «Эшт», бесспорно, была коммерческим предприятием: Миклош выпустил газету с капиталом в сто тысяч крон, заимствованным у банкира Шимона Крауса (Англо-венгерский коммерческий банк) [1]. Солидные финансовые возможности помогли Миклошу привлечь к работе в «Эшт» лучших журналистов и известных литераторов, а также художников, иллюстрировавших газету и создавших ее фирменный стиль, частично сохранившийся спустя почти два десятилетия в газете «Эшти Хирлап», продолжившей традиции. Создавая таблоид, главной задачей Миклош считал надежную службу новостей и организовал обширную корреспондентскую сеть, наняв талантливых напористых репортеров, способных оперативно найти новости и лаконично отразить их в сенсационном ключе. Также была организована доставка новостей из разных мест страны и Европы и по телефонным линиям, и по телеграфу, и, позднее, с использованием радио. Помимо этого, гонорар выплачивался любому, предоставлявшему редакции важные новости. Таким образом, «Эшт» не только опережала другие ежедневные издания в отражении последних событий (поскольку выходила не рано утром, а после полудня), но и превосходила их по качеству. При этом, освещая политические новости, издание Миклоша явно не придерживалось каких-либо политических пристрастий и не поддерживало какую-либо партию. Исключением, правда, стала поддержка политики премьер-министра страны (в 1921–1931 годах) Иштвана Бетхлена, связанная с разочарованием и негодованием венгров по поводу результатов Трианонского договора, оставившего от исторической территории Венгрии лишь треть. Броские и крупные заголовки, короткие статьи, флеш-новости, своеобразная верстка полос, обилие иллюстраций, специально созданных художниками, наличие фотоинформации, а также и сенсационная информация вперемешку с финансовой, рекламой и объявлениями делали газету привлекательной практически для любой аудитории – каждый мог найти в газете то, что интересно именно ему. К тому же Миклош ввел спортивную рубрику и прогноз погоды. Все это способствовало увеличению тиража газеты и создало ситуацию, при которой другие издания были поставлены в условия конкуренции с «Эшт» – успех газеты был, что называется, взрывным.

Через несколько лет ее тираж взлетел почти до полумиллиона экземпляров, что превосходило тираж любого другого издания, а авторитет газеты стал настолько высок, что во время Первой мировой войны иностранная пресса цитировала «Эшт» значительно чаще, чем все остальные венгерские и даже немецкие газеты [2]. Создав практически впервые в венгерской периодике ситуацию конкуренции, «Эшт» стала самой успешной газетой последующих 20–25 лет, главным образом благодаря отказу от старых газетных шаблонов и созданию нового стиля. «Эшт» преуспела в удовлетворении и формирова-

нии потребностей широкой общественности, статьи газеты оказали значительное влияние на взгляды больших масс читателей [6]. Известный венгерский писатель Жигмонд Мориц, сотрудничавший с газетой, отмечал, что Миклош никогда не лгал и не писал ничего, кроме правды, называл его гениальным редактором [6].

В своем первом номере газета опубликовала приветствие к читателям, в котором говорилось, что «Эшт» «станет газетой улицы, потому что все проходят по улице, с разными эмоциями, радостью и печалью. Улица принадлежит всем, и так же, как и солнце светит для всех, наша яркая, интересная, свободная, смелая и честная газета будет освещать самые свежие новости. Мы прокладываем путь для потока событий, которые наши журналисты в новой форме будут передавать для всех вас, защищая слабых, отстаивая справедливость, бичуя пороки и разоблачая замаскированные грехи. Все, что могут дать независимые журналисты с чистыми помыслами, стремящиеся к лучшим человеческим идеалам, – наше сердце, ум и труд – мы отдаем нашим читателям. В ответ ждем лишь любви нашей аудитории» [7]. Газета «Эшт» распространялась не только почтой по подписке – использовались уже практиковавшиеся в Будапеште уличные продажи (по образцу французской бульварной прессы), начатые еще в конце XIX столетия, в частности газетой *Kis Ujság*, которая считалась скорее городской, чем бульварной. На улицах города и наиболее многолюдных перекрестках, в транспортных узлах, на вокзалах, в кафе во второй половине дня вечернюю газету «Эшт» распространяла хорошо организованная армия уличных продавцов – риканчей, они выкрикивали сенсационные новости и заголовки статей. Постепенно в первой трети минувшего века в стране сформировались определенные читательские привычки, сохранившиеся на протяжении десятилетий: в послеобеденные часы венгры читали вечернюю газету в кафе и ресторанах. «Эшт» оказала огромное преобразующее влияние на всю венгерскую прессу, и остальные газеты были вынуждены не отставать, стремиться конкурировать с этим набирающим вес и расширяющимся изданием [8].

Как правило, на первую полосу, являвшуюся «лицом» газеты, ниже заголовка, специально разработанного для газеты и ставшего ее фирменным стилем, выносились флеш-новости, все самое актуальное, ниже располагалась экономическая информация, отчет фондовой биржи, небольшая редакционная статья и сенсационный или захватывающий материал, написанный кратко, остро и эмоционально. «Одним из самых важных нововведений “Эшт”, повлиявшим на востребованность и популярность газеты, стал принцип, согласно которому, чрезмерная важность политических вопросов перестала существовать. Яркое происшествие, экономическое преступление или убийство, событие культурной жизни имело то же значение, что и политическая информация» [1]. Еще одной новацией в газете стала отдельная полоса, посвященная спорту, а также публикация прогноза погоды. Крупные, разного размера, креативные заголовки, рисованные иллюстрации и фоторепортажи сразу захватывали внимание аудитории. Привлекательность газеты для читателей обеспечили выдающиеся репортеры того времени – Kéri Pál (Пал Кери), Adorján Andor (Андор Адорьян), Tarján Vilmos (Вилмош Тарьян) и знаме-

нитый Fényes László (Ласло Феньеш). Кроме них, Андор Миклош привлек в газету писателей и поэтов, что было необычным для бульварной прессы [1]. При этом стиль газеты, как отмечал Геца Бузинкай, можно охарактеризовать как рекламный, и по содержанию, и по верстке, и по типографским решениям [1]. Все это способствовало взлету популярности самой «экстремальной и сенсационной газеты Венгрии» [1]. Газета быстро достигла тиража в «двести тысяч экземпляров в день, а к середине Первой мировой войны – почти в пятисот... Мало того, что корреспондентская сеть газеты была уникальна, молодые корреспонденты “Эшт” успешно брали интервью на фронтах даже у противников... мастерство и безжалостность журналистов таблоида, равно как и качественная новостная служба, создали престиж газете как в стране, так и за рубежом» [1]. Ключевым и верным решением Миклоша была организация в газете службы новостей в американском стиле, которая использовала иностранных корреспондентов и следила за событиями посредством телефонных, телеграфных и радиослужб.

В военные годы издательство «Атенеум» (*Athenaeum*), в котором выходила «Эшт», оказалось в сложной финансовой ситуации, и Венгерский коммерческий банк Пешта, владелец большинства акций этого издательства, окончательно передал акции «Атенеума» Андору Миклошу, который в конце 1917 года был избран его президентом. Возглавил издательство Арнольд Шебаштьен, муж одной из сестер Миклоша [9; 10]. Несмотря на то, что во времена Советской республики (в 1919 году) «Эшт» наряду с другими изданиями была запрещена, а сам Миклош ненадолго бежал в Вену [9], через несколько месяцев газета возобновила свою деятельность [5]. К концу войны Миклош смог приобрести «Пешти Напло» и «Мадьярорсаг» [9; 10], создав крупную и влиятельную медиаимперию, которая контролировала рынок утренних, дневных и вечерних газет, а также издавала литературные произведения, что сделало Андора Миклоша «обладателем самой важной силой прессы в 1920-х годах» [5; 8]. Этой «силой прессы» медиамагнат, как отмечал Геца Бузинкай, поддерживал политику премьер-министра Иштвана Бетхлена – сделать Венгрию краеугольным камнем Европы [2]. Известен Миклош и как благотворитель: в непростые военные годы он отдал значительную часть своих доходов в поддержку нуждавшихся литераторов и внес существенный вклад в выживание венгерской литературы во время послевоенного экономического коллапса [2]. Вместе с тем деятельность Миклоша как издателя и редактора «вызывала крайне противоречивую реакцию: одни почитали его как покровителя, восхваляя его предпологаемую любовь к литературе, другие обвиняли “Эшт” в неоправданной сенсационности, праздности и цинизме» [9].

Вскоре в медийном мире Венгрии произошло событие, отмеченное как «медийная атака» на «Эшт» и столь необычное, что следует уделить ему особое внимание в рамках этой статьи. Как пишет венгерский исследователь Андраш Лендел, 26 мая 1921 года на улицах венгерской столицы появилась странная газета. Ее заголовок и полиграфическое решение полностью соответствовали «Эшт», однако содержание было иным: под именем привычной газеты вышло другое издание, так называемый псевдо-«Эшт». Целью его была дискредитация «Эшт» и Андора Миклоша. Вот фрагменты статьи «Криминаль-

ный стаж «Эшт» из псевдо-«Эшт»: «цена этой газеты – нанесение вреда Венгрии», «публикуется, пока страна может терпеть», «за предательство отвечает Андор Миклош», «прибыль от подписки будет использована, как мы это и делали до сих пор, для разрушения страны, переполненной венскими эмигрантами». Далее псевдо-«Эшт» отмечала, что, не обладая существенным потенциалом пишущего журналиста, а имея организаторские и предпринимательские способности, Миклош поднялся на волне, так сказать, «из грязи, да в князи», а его сверхуспешный и популярный таблоид, имея невероятный для того времени тираж, оказывал значительное влияние на умонастроения населения, насаждал большевизм, интернационализм и революционность (материалы, в том числе и поэтические, восхваляющие Ленина и большевистский переворот в России) вразрез национальным интересам венгров и исторической Венгрии. Контратака настоящей газеты «Эшт» и ее владельца последовала незамедлительно. В отношении псевдо-«Эшт» были выдвинуты серьезные судебные требования, оперативно составленные адвокатами: обвинения в диффамации, нанесении репутационного и материального ущерба и еще по нескольким пунктам. Также «Эшт» квалифицировала появление псевдо-«Эшт» как зависть. Но причина появления псевдо-«Эшт» была значительно серьезнее – газета-клон обвиняла таблоид в предательстве интересов страны и моральном разложении населения. Тем более что псевдо-«Эшт» по сути не лгала: она опубликовала подборку из материалов разных выпусков «Эшт», подтверждавших такие обвинения. Таким образом, новым и исторически важным оказался очевидный факт, что пресса – это реальная сила, обладающая огромной властью, и безразличное отношение к этому факту является важной политической проблемой [11]. Надо иметь в виду, что 1920-е годы XX века – время сложное для Венгрии, где разочарования от Трианонского договора, национальные интересы и интересы бизнеса, революции, экономические трудности переплелись, создавая противоречивую ситуацию.

Независимо от «медиаатаки» и ухода из жизни в 1933 году Андора Миклоша, завещавшего свой бизнес жене («актриса Фрида Гомбасёги (Gombaszögi Frida) покинула сцену и взяла под свой контроль компанию» [5; 6]), газета «Эшт» успешно издавалась почти до конца 1930-х годов и свой 25-летний юбилей праздновала без основателя. В это время (1935 год) в редакции, издательстве и типографии империи Миклоша работало 365 сотрудников, ежедневный тираж газеты составлял 150 000 экземпляров, ее распространяли 6100 человек [5; 6]. В 1939 году компания был поглощена государством и издание «Эшт» прекратило свое существование: вместо него, добавив одну букву в название, стала выходить газета «Пешт» (*Pest*) с совершенно иным контентом. В пятницу 17 ноября 1939 года вышел последний номер «Эшт». Газета обратилась к «своим дорогим читателям», заверяя их в любви и информируя о своем закрытии, а также объявила, что новая независимая политическая газета под редакцией Акоша Бакоша появится в Будапеште в полдень следующего дня и все подписчики «Эшт» получают новую газету [5]. На этом история «Эшт» закончилась. Но газета оказала такое большое влияние на венгерскую прессу, что спустя без малого двадцать лет в Будапеште появилась вечерняя газета «Эшти Хирлап», которая, официально считаясь органом Будапештского горкома ВСРП, по сути, продолжила традиции «Эшт».

Отметим, что беспрецедентному успеху «Эшт» и взрывному росту ее популярности способствовали новшества, привнесенные в газету ее создателем. Итак, основные заслуги Андора Миклоша: использование всего накопленного венгерской прессой и журналистикой опыта, задействование солидных инвестиций при формировании медиабизнеса, наем лучших журналистских кадров, привлечение писателей, а также художников для создания собственного фирменного стиля газеты, активное использование рекламы и грамотного продвижения издания, наличие уличных продаж наряду с подпиской, ориентация на новости и формирование расширенной корсетки, оперативность доставки информации, освещение политики без явной политической ангажированности, внедрение новейших технических достижений при печати газеты (в типографии), наличие нестандартной верстки, одностолбцовых материалов, кратких статей, сенсационности, броскости заголовков, включение спортивного раздела и сводок погоды.

Вышеозначенные инновации, равно как и опережающая, по сравнению с утренними газетами, возможность отразить самые последние новости, определяют суть «Эшт» – это качественный таблоид. Действительно, одновременно ее можно отнести как к массовым, так и к качественным изданиям. С одной стороны, это бульварная газета: публикует сенсационные истории о частной жизни, материалы о преступлениях, катастрофах, трагических или курьезных происшествиях, ориентирована на короткие заметки, имеет большой тираж, активно распространяется на улицах продавцами газет, содержит обилие иллюстраций, рекламных сообщений и объявлений, имеет специфическую «игровую» верстку с крупными кричащими заголовками. С другой стороны, это качественное издание: оптимально организована служба новостей (девиз «достоверные новости превыше всего»), политические новости излагаются без комментариев, только факты, к сотрудничеству привлечены опытные журналисты, газета публикует актуальные биржевые сводки, финансовую информацию, в ней можно найти литературные материалы известных писателей и поэтов.

Таким образом, Андор Миклош, обладая особым чутьем на текущие запросы аудитории, реализовал бизнес-проект под названием «Эшт», вечерняя газета стала основой и ключевым звеном созданной им медиаимперии. В дальнейшем, уже во время Венгерской Народной Республики, эстафету «Эшт» подхватила газета «Эшти Хирлап». Сама же «Эшт» осталась в истории флагманом вечерней прессы страны, во многом повлияла на характер и развитие венгерской печати в целом. Изучение опыта такой значимой массовой газеты, оказавшей беспрецедентное влияние на общественное мнение, актуально и в сегодняшних реалиях СМИ.

Список литературы

- [1] *Buzinkay G.* Bulvárlapok a pesti utcán. URL: <http://epa.oszk.hu/00000/00003/00014/buzinkay.htm> (дата обращения: 06.03.2020).
- [2] *Buzinkay G.* A magyar sajtó és újságírás története a kezdetektől a rendszerváltásig. Budapest: Wolters Kluwer, 2016. 548 p.
- [3] *Саламон Л.* Всеобщая история прессы. СПб.: Улей, 1909. URL: http://evartist.narod.ru/text2/29.htm#%D0%B7_20 (дата обращения: 06.03.2020).

- [4] Pesti Hirlap. 2019. December 11. 16. Old. URL: <https://mediatortenet.wordpress.com/2019/12/12/pesti-hirlap-2019/> (дата обращения: 16.03.2020).
- [5] Az Est (1910–1939) // Magyar médiatörténet. URL: <https://mediatortenet.wordpress.com/2014/11/30/az-est-1910-1939/> (дата обращения: 06.03.2020).
- [6] Az Est (1914–1939) // Arcanum Digitheca. URL: <https://adtplus.arcanum.hu/en/collection/AzEst/> (дата обращения: 30.03.2020).
- [7] Az Est. 1910. Aprilis 16. 3. Old. <https://mediatortenet.wordpress.com/2014/11/30/az-est-1910-1939/> (дата обращения: 18.03.2020).
- [8] Magyar Médiatörténet. URL: <https://mediatortenet.wordpress.com/> (дата обращения: 16.03.2020).
- [9] Miklós Andor // Magyar médiatörténet. URL: <https://mediatortenet.wordpress.com/tag/miklos-andor/> (дата обращения: 18.03.2020).
- [10] Magyar Zsidó Lexikon. Személynév: Miklós Andor. URL: <http://mek.oszk.hu/04000/04093/html/szocikk/13350.htm> (дата обращения: 16.02.2020).
- [11] *Lengyel A.* Az úgynevezett ál-Az Est. Egy magyar médiacsata története. URL: <https://adoc.tips/lengyel-andras-az-ugynevezett-al-az-est-egy-magyar-mediacsat.html> (дата обращения: 20.02.2020).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 января 2020 г.

Дата принятия к печати: 31 марта 2020 г.

Для цитирования:

Пынина Т.Ю. Вечерняя печать Венгрии: особая роль Az Est // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 315–323. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-315-323>

Сведения об авторе:

Пынина Татьяна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: tanyi@inbox.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-315-323

Research article

Hungary evening press: *Az Est's* special role

Tatiana Yu. Pynina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
10 Miklukho-Maklaya St, bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the flagship of the evening Hungarian press – the newspaper *Az Est*. The publication is considered in the context of the situation in the press in the first third of the twentieth century. The article provides a comprehensive analysis of the innovations applied by the publishers of *Az Est*. Attention was drawn to the placement of serious news information along with the publication of sensations, a special layout, including, in particular, large headlines, one-column articles and a large amount of illustrative material addressed by artists, the rejection of templates familiar to other Hungarian publications of that time. It is noted that the political diary, as the newspaper described itself, lacked a political position and attachment to any political party. The circulation of the newspaper significantly exceeded the circu-

lation of other publications and in some years reached almost half a million copies. The first major Hungarian press tycoon Andor Miklos is featured as the founder, owner and editor-in-chief of the newspaper. The formation of his media empire was fully facilitated by the success of *Az Est*, a newspaper that was initially considered by its creator as a business project that created a competitive situation in the Hungarian newspaper business and, subsequently, in the publishing business. It also analyzes the PR and advertising campaigns that preceded the launch of the newspaper and aroused public interest. The novelty of this article is that there is no research by the *Az Est* newspaper in the domestic scientific literature, as well as any materials in Russian related to the Hungarian evening press.

Keywords: Hungarian press, evening newspaper, tabloid, *Az Est*, Andor Miklos, media business

References

- [1] Buzinkay, G. (n.d.). *Bulvárlapok a pesti utcán*. Retrieved March 6, 2020 from <http://epa.oszk.hu/00000/00003/00014/buzinkay.htm>
- [2] Buzinkay, G. (2016). *A magyar sajtó és újságírás története a kezdetektől a rendszer-váltásig*. Budapest, Wolters Kluwer.
- [3] Salamon, L. (1909). *Vseobshhaya istoriya pressy [Universal history of the press]*. Saint Petersburg, Ulej Publ. Retrieved March 6, 2020 from http://evartist.narod.ru/text2/29.htm#%D0%B7_20
- [4] Pesti Hírlap. (December 11, 2019). 16. Old. Retrieved March 6, 2020 from <https://mediatortenet.wordpress.com/2019/12/12/pesti-hirlap-2019/>
- [5] Magyar médiatörténet. (n.d.). *Az Est (1910–1939)*. Retrieved March 6, 2020 from <https://mediatortenet.wordpress.com/2014/11/30/az-est-1910-1939/>
- [6] Arcanum Digitheca. (n.d.). *Az Est. 1914–1939*. Retrieved March 30, 2020 from <https://adtplus.arcanum.hu/en/collection/AzEst/>
- [7] *Az Est*. (April 16, 1910). 3. Old. Retrieved March 18, 2020 from <https://mediatortenet.wordpress.com/2014/11/30/az-est-1910-1939/>
- [8] Magyar Médiatörténet. Retrieved March 16, 2020 from <https://mediatortenet.wordpress.com/>
- [9] Magyar Médiatörténet. (n.d.). *Miklós Andor*. Retrieved March 18, 2020 from <https://mediatortenet.wordpress.com/tag/miklos-andor/>
- [10] Magyar Zsidó Lexikon. (n.d.). *Személynév: Miklós Andor*. Retrieved February 16, 2020 from <http://mek.oszk.hu/04000/04093/html/szocikk/13350.htm>
- [11] Lengyel, A. (n.d.). *Az úgynevezett ál-Az Est. Egy magyar médiacsata története*. Retrieved February 20, 2020 from <https://adoc.tips/lengyel-andras-az-ugynevezett-al-az-est-egy-magyar-mediacsat.html>

Article history:

Received: 15 January 2020

Revised: 1 March 2020

Accepted: 31 March 2020

For citation:

Pynina, T.Yu. (2020). Hungary evening press: *Az Est's* special role. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 315–323. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-315-323>

Bio note:

Tatiana Yu. Pynina, Ph.D. of Philology, Associate Professor of Mass Communications Department of Faculty of Philology of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: tanyi@inbox.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-324-333
УДК 654.197

Научная статья

Роль телевидения в реализации государственной национальной политики России: типология, жанры, форматы

Е.К. Рева, С.Д. Кубрин

Пензенский государственный университет
Российская Федерация, 440026, Пенза, ул. Красная, 40

Аннотация. В статье представлены результаты анализа реализации задач Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года средствами телевидения. Исследование проводилось на основе телевизионных информационно-аналитических продуктов, определенных Планами мероприятий по реализации задач Стратегии. Рассматриваются телевизионные программы, включенные в Планы, в период с 2013 года по настоящее время с учетом непрерывности действия Стратегии как основного доктринального документа в области национальной политики. При изучении роли СМИ в реализации Стратегии предлагаемый в статье подход применен впервые. В ходе анализа проведена выборка и систематизация телевизионных программ относительно задач Стратегии. В результате исследования представлены типологические особенности телевизионных каналов, жанровые характеристики телевизионных программ, определены журналистские приемы реализации задач, выявлено, какие программы, обозначенные в Планах, в большей или меньшей степени соответствуют задачам Стратегии государственной национальной политики. По результатам исследования сделан вывод о том, что большинство телевизионных продуктов отвечают задачам Стратегии, реализуют их.

Ключевые слова: Стратегия государственной национальной политики, журналистика, телевидение

Долгосрочное действие Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, рассчитанное до 2025 года, определяет вектор государственной национальной политики страны и обуславливает актуальность научного осмысления этого процесса. С момента утверждения в 2012 года Стратегии значительно увеличилось количество предпринимаемых действий, направленных на активизацию всестороннего сотрудничества народов Российской Федерации, развитие их национальных языков и культур. Ежегодно проводятся десятки этнических фестивалей, форумов и конференций, где поднимаются вопросы этнокультурной специфики народов России, активную работу ведут профильные комитеты и ведомства. При этом в контексте проводимой национальной политики ключевая роль, на наш взгляд, принадлежит

© Рева Е.К., Кубрин С.Д., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

средствам массовой информации и медиа в целом. По мнению профессора Е.Л. Варгановой, средства массовой информации являются важнейшим социально-политическим институтом и потому в разных национальных контекстах рассматриваются либо как институт демократии, способствующий свободному избирательному процессу, либо как институт формирования общественного мнения, либо как эффективный инструмент манипулирования им [1]. В аспекте обозначенной проблемы для нас концептуальное значение имеет постулат о том, что средства массовой информации могут выступать институтом сохранения и развития национальной идентичности [2]. Под идентичностью, согласно теории академика В.А. Тишкова, понимается чувство сопричастности к чему-то: стране, своему краю, если речь идет о малой родине, своей культуре или традициям [3]. При этом этнолог склоняется к употреблению синонима этого термина – самосознание, национальное самосознание, если речь идет об общероссийской идентичности [4]. Уточнение В.А. Тишкова об общероссийской идентичности имеет концептуальное значение в процессе самосознания, который детерминируется условиями поликультуры. Ученый поясняет, что культурное многообразие России – это «не просто номенклатура проживающих на территории страны народов, а многообразные, в том числе множественные и многоуровневые формы идентичности в рамках российского народа» [3. С. 142]. В условиях этнокультурного многообразия, но с учетом глобалистских тенденций, задачей средств массовой информации является регулярное информирование массовой аудитории об особенностях народов, населяющих страну. Все вышесказанное обуславливает актуальность настоящего исследования.

Принятие Стратегии послужило выработке государственных функциональных решений, в связи с чем был разработан соответствующий План мероприятий по ее реализации, который детализируется и обновляется каждые три года. План утверждается Председателем Правительства РФ, состоит из нескольких разделов, включающих конкретные мероприятия по достижению задач приоритетных направлений государственной национальной политики. В настоящий момент Стратегия конкретизируется Планом на период с 2019 по 2021 год, третьим по счету. Несмотря на условную смену действия Планов, каждый имеет идентичную друг другу структуру, представляя оптимальное отражение функционала Стратегии. Планы включают структурные элементы, которые определяются в соответствии с задачами Стратегии. Такими структурными элементами являются «наименование мероприятия», «срок исполнения», «ответственные исполнители», «источники финансирования», «задачи Стратегии», «индикаторы для контроля исполнения мероприятия», «документы, подтверждающие исполнение мероприятия», а также разделы «Совершенствование государственного управления в сфере государственной национальной политики Российской Федерации», «Обеспечение межнационального мира и согласия, гармонизации межнациональных отношений», «Содействие сохранению и развитию этнокультурного многообразия народов России» и др.

В ходе изучения раздела «Информационное обеспечение» Планов мероприятий выявлено, что большинство медийных продуктов, за которыми за-

креплены задачи Стратегии, – это интернет-ресурсы и телевизионные программы. На наш взгляд, телевидение в контексте функционирования современных информационных ресурсов остается значимым средством в процессе обеспечения «социокультурных потребностей в получении и обновлении ценностных знаний» [5. С. 14]. К тому же «зритель воспринимает программу как череду “инфомолекул”, в восприятии каждой из которых он – соавтор, для него предусмотрена особая роль, оставлено пространство для автокоммуникации в канале “Я – Я”» [6. С. 170].

В настоящей статье определяется роль телевидения в реализации Стратегии государственной национальной политики РФ посредством анализа содержания информационно-аналитических программ, их жанровой принадлежности, журналистских приемов. Анализ телевизионных материалов проведен без градации по срокам действия Планов и редакциям Стратегии, поскольку последняя носит непрерывный характер действия, что указывает на необходимость именно единого подхода к ее изучению. Заявленные в Плане мероприятий по реализации Стратегии телепроекты – это в основном телевизионные программы и циклы документальных фильмов.

Таблица

Задачи Стратегии, реализуемые телевизионными продуктами

Задачи Стратегии	Телевизионные продукты
Обеспечение сохранения и приумножения духовного и культурного потенциала многонационального народа Российской Федерации на основе идей единства и дружбы народов, межнационального (межэтнического) согласия, российского патриотизма	<ol style="list-style-type: none"> 1. Еженедельная информационно-аналитическая программа на телеканале «Моя планета». 2. Цикл телевизионных документальных фильмов «Пряничный домик» на телеканале «Россия К». 3. Цикл документальных фильмов о народах России (Россия-1). 4. Цикл передач на телеканале «Россия К» о традициях и обычаях народов России, о людях, занимающихся сохранением и развитием русского языка и культуры, «Россия – любовь моя»
Распространение знаний об истории и культуре народов РФ	<ol style="list-style-type: none"> 1. Еженедельная информационно-аналитическая программа на телеканале «Моя планета». 2. Цикл телевизионных документальных фильмов «Пряничный домик» на телеканале «Россия К». 3. Цикл документальных фильмов о народах России (Россия-1). 4. Тематическая передача «Дiasпоры». 5. Цикл передач на телеканале «Россия К» о традициях и обычаях народов России, о людях, занимающихся сохранением и развитием русского языка и культуры, «Россия – любовь моя»
Формирование культуры межнационального (межэтнического) общения в соответствии с нормами морали и традициями народов Российской Федерации	<ol style="list-style-type: none"> 1. Цикл публицистических телепрограмм «Русский вопрос». 2. Цикл программ «Право голоса»
Распространение рекламной и промышленной продукции, производство и размещение в теле- и радиоэфире роликов социальной рекламы и иной видеопродукции, поддержка создания тематических радио- и телепередач, газетных и журнальных рубрик, интернет-проектов, направленных на реализацию целей и задач государственной национальной политики Российской Федерации	<ol style="list-style-type: none"> 1. Еженедельный цикл документальных фильмов на телеканале «Россия К» о жизни провинции «Письма из провинции». 2. Цикл программ на телеканале «Россия К» с сюжетами о традициях, этике и этикете народов России «Правила жизни». 3. Информационные программы на телеканале «Россия К» о развитии национальных культур и межнациональных связей

В ходе исследования с применением метода сопоставительного анализа как основного систематизированы информационно-аналитические продукты в соответствии с задачами, которые за ними закреплены. В результате систематизации (см. таблицу) мы пришли к выводу, что Планами определено десять телевизионных программ и четыре задачи, которые реализуют информационно-аналитические продукты. Большая часть информационных продуктов направлена на реализацию задач, связанных с «обеспечением сохранения и приумножения духовного и культурного потенциала многонационального народа Российской Федерации на основе идей единства и дружбы народов, межнационального (межэтнического) согласия, российского патриотизма» (четыре продукта), а также задач по «распространению знаний об истории и культуре народов РФ» (пять продуктов). Оставшиеся задачи связаны с формированием культуры межнационального общения (задачу реализуют три телевизионных продукта) и поддержкой создания тематических передач (задачу реализуют два продукта). При этом последняя задача вычленена нами, поскольку ее полное определение сформулировано как «распространение рекламной и промышленной продукции, производство и размещение в теле- и радиоэфире роликов социальной рекламы и иной видеопродукции, поддержка создания тематических радио- и телепередач, газетных и журнальных рубрик, интернет-проектов, направленных на реализацию целей и задач государственной национальной политики Российской Федерации» [7], и, на наш взгляд, требует дифференциации.

Генеральная совокупность телевизионных материалов, рассмотренных в исследовании, представлена 1064 выпусками.

Цикл телевизионных документальных фильмов «Пряничный домик» транслируется на телеканале «Россия К» с 2013 года, что совпадает с периодом реализации Стратегии. На текущий момент в эфир вышло 164 выпуска. На основе метода целевой аналитической выборки установлено, что большая часть выпусков определена региональным признаком, и только 27 выпусков имеют национально-этническую основу. Под региональным признаком понимается, что выпуски посвящены региональным культурным особенностям («Традиции суздальской земли», «Псковское ткачество», «Город солнца»). Национально-этническую основу имеют выпуски, репрезентирующие этнокультуру народов России. В целях наибольшей репрезентации проведена классификация программ по их тематической направленности: история музыкальных инструментов («Песня абрикосового дерева», «Музыкальные инструменты народов Севера»), традиционная одежда («Якутский костюм», «Кавказский костюм»), исторические промыслы и ремесла («Оружейное дело», «Золотое руно Кавказа»), конкретная территория и уникальная местность («Жители края земли», «Табор возвращается»). Определяющим фактором в данном случае выступает культууроформирующая функция журналистики, направленная на трансляцию культурных особенностей народов России. Е.П. Прохоров пишет о том, что, воспитывая уважение к культуре, журналистика работает на повышение общей культуры населения и одновременно действует в области пробуждений творческих потенциалов масс [8].

Тематическая передача «Диаспоры» выпускается в эфир ЗАО «Межгосударственная телерадиокомпания “Мир”» с 2013 года. Установлено, что среди

всего массива выпусков (на момент исследования в эфир вышло 182 программы) лишь незначительная часть может классифицироваться по национальному признаку (7 выпусков, или меньше 4 % от общего числа), тогда как в основу 173 программ (более 96 %) заложен региональный признак.

«Диаспоры» репрезентирует культурные особенности представителей народов, которые не входят в состав Российской Федерации, но проживают на ее территории. Незначительное число (5 выпусков) из рассматриваемого цикла посвящено особенностям жизни и культуры Северного Кавказа, («Ханская жена», «Курды Адыгеи», «Люди гор»), а также традициям и обычаям коренных народов Сибири («На краю Земли», «Голендры Сибири»). Каждый выпуск содержит отчетливый видеоряд, линейную смену кадров и планов (демонстрация семейного быта в горном поселке, процедура чаепития, выгул скота, внутрисемейные отношений и т. д.), что создает точную и ясную пространственно-временную ориентацию зрителя в демонстрируемом телевизионном ракурсе.

Несмотря на системное единство двух вышеуказанных задач, между ними наблюдаются весомые различия. Так, задача по распространению знаний об истории и культуре народов России имеет непосредственную связь с самой журналистикой, поскольку одной из функций последней является культурно-просветительская. По мнению С.П. Суворовой, просветительская функция журналистики приводит к тому, что «массив текстов становится стимулом к осознанному выбору адресатом информации знаний, норм и ценностей, что в конечном счете ведет к росту массового сознания» [9. С. 11].

Цикл передач о традициях и обычаях народов России, о людях, занимающихся сохранением и развитием русского языка и культуры, «Россия – любовь моя». Выходит на телеканале «Россия К». На момент проведения исследования насчитывает 203 выпуска. Среди максимального числа выпусков (126), отобранных по национальному признаку, значительное число направлено на раскрытие культурных особенностей Северного Кавказа. Часть выпусков презентует традиции и обычаи народов Кавказа («Культура и традиции адыгейцев», «Ингушская свадьба»), представляют гастрономический аспект, раскрывая уникальность кавказской кухни («Семейный очаг адыгов», «Адыгская кухня» и др). Значительное число телевизионных выпусков отражает этнокультурные особенности народов Севера.

Каждый выпуск представляет собой сюжетное повествование с телевизионной экспозицией, обособляющей конкретную культурную атрибутику, при этом формат передачи представляет собой включение жанра интервью, комментарии героев, приглашенных ученых и исследователей.

Цикл документальных фильмов о народах России. Планом определен выпуск данного цикла на телеканале «Россия-1». При этом не указано ни количество таких циклов, ни их наименование. За исследуемый период времени (2013–2019 годы) на телеканале «Россия-1» вышли такие программы, как «Народы России», «Человек Мира с Андреем Панкратовым» (в частности, выпуски, посвященные культуре народов России: «Чечня», «Крымские каникулы», «Адыгея. Заоблачный маршрут»), «Заповедная Россия» («Национальный парк Алания»), «Мастера», «Вся Россия». «Свадебный генерал».

Так, телепрограмма «Свадебный генерал», выпускаемая ВГТРК, представляет собой цикл передач о свадебных традициях народов, проживающих как в России, так и за ее пределами. Передача носит развлекательный характер, что позволяет раскрыть познавательную основу.

В 2015 году телеканал «Россия-1» презентовал два цикла документальных фильмов: «Антология антитеррора» (12 серий), и «Россия без террора» (5 серий). Авторы данных телевизионных проектов уделили внимание истории и культуре народов Северного Кавказа.

Цикл публицистических программ «Русский вопрос» – еженедельная авторская программа, транслируемая на телеканале «ТВЦ». Данная программа входила в План мероприятий по реализации в 2013–2015 годах Стратегии и не отмечается ни в действующем Плате, ни в предыдущем. Всего в телевизионный эфир вышло 119 выпусков. Среди всего тематического многообразия 3 выпуска занимают передачи, посвященные проблематике Северного Кавказа. В каждом выпуске передачи автор ставит к разрешению ту или иную проблему, вызывающую, как правило, острый общественный и социальный дискурс. Информационная патетика выпусков при этом направлена на естественную необходимость коренного воссоединения и предшествующих этому социально-экономических реформ.

Передача «Русский вопрос» содержит различный контент. Жанровое своеобразие включают форму интервью, которое сопровождается беседой ведущего и приглашенных участников, анализом приоритетных направлений и разрешением вопросов, стоящих на повестке национальной политики страны.

Цикл программ «Право голоса» выходила на телеканале «ТВЦ» с 2010 года, последний выпуск датирован 13 июля 2019 года. Программа имеет политический характер и ориентирована на укрепление патриотических основ общественного сознания. М.С. Тимофеев пишет: «Нравственной основой силы и жизнеспособности государства является патриотизм, выступая в качестве важного внутреннего мобилизующего ресурса развития общества, активной гражданской позиции личности» [10. С. 116–117].

Направленность выпусков связана с поиском возможных решений проблем, стоящих в отношениях между Россией и Украиной. В ходе исследования установлено, что тематика программ не связана с вопросами межнационального общения и, соответственно, не раскрывает содержание культуры и традиций народов, входящих в состав России. В этой связи не выполняется и поставленная задача по «формированию культуры межнационального общения в соответствии с нормами морали и традициями народов Российской Федерации».

Цикл документальных фильмов «Письма из провинции»; *цикл программ «Правила жизни»*; *информационные программы о развитии национальных культур и межнациональных связей*. Проведен комплексный анализ данных информационных продуктов, каждый из которых направлен на реализацию задач государственной национальной политики Российской Федерации. Планом обозначена задача по поддержке создания таких телепередач. Так, цикл документальных фильмов «Письма из провинции» рассказывает о людях, сохраняющих народную культуру, традициях и обычаях народов России. В ос-

нову каждой программы ложатся исторические документы, письма русских писателей и художников, дневники, семейные архивы. Героями фильмов, как правило, являются жители глубинки, представители разных национальностей. На момент подготовки настоящей статьи в эфир вышло 379 выпусков. В ходе анализа были отобраны передачи по национальному признаку. Прослеживается тенденция обращения к народам Северного Кавказа (особым вниманием авторов пользуются Адыгея, Карачаево-Черкесия и Кабардино-Балкария). Видеоряд представлен кадрами неспешной жизни, общие планы позволяют с максимальной достоверностью передать национальную атмосферу региона, отразить специфику жизни населения.

Передача «Правила жизни» выпускается на телеканале «Россия К» и представляет студийный разговор ведущего Алексея Бегака с гостями (социологами, антропологами, культурологами, историками) в целях понимания того, как возникли определенные обычаи и традиции, безусловные для современного человека, живущего в России. В ходе общения затрагиваются вопросы поведения и этикета, отношений и морали, этики и эстетики, культуры и истории.

По результатам анализа можно заключить, что основными исполнителями информационного сопровождения государственной национальной политики выступают федеральные каналы, что, на наш взгляд, обусловлено их большей зрительской аудиторией. Так, основным ответственным исполнителем в процессе реализации задач Стратегии выступает Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания, представленная в Плане федеральными каналами «Россия 1» и «Россия К», а также ОАО «ТВ Центр» и ЗАО «Межгосударственная компания “Мир”», которые привлекаются по согласованию.

В этой связи определена также жанровая и тематическая специфика указанных телевизионных передач. Анализ по жанровой специфике проводился по жанрообразующим признакам (предмет, цель и метод отображения действительности). В ходе исследования сделан вывод, что для таких телевизионных продуктов, как «Русский вопрос» и «Право голоса», характерным предметом являются отдельные события либо их ряд (например, вхождение Республики Крым в состав России и следующие за этим событийные последствия), что присуще аналитическим жанрам. В свою очередь, для художественно-публицистических жанров характерным предметом может выступать личность. Например, каждый выпуск передачи «Диаспоры» презентует историю отдельно взятого человека, связавшего свою жизнь с Россией, в цикле передач «Письма из провинции» тоже уделяется внимание конкретному герою (местному жителю того или иного региона, заслуживающего авторского внимания), а сама передача выступает ярким примером жанра портретного телеочерка.

Установлено, что все телевизионные передачи, определенные Планами, направлены на отражение и презентацию исторических и культурных особенностей народов России, что выступает общим и единообразующим элементом их жанрового устройства. Так, телепередачи, отнесенные к художественно-публицистическим («Пряничный домик», «Диаспоры», «Россия – любовь моя», «Письма из провинции», «Правила жизни», «Цикл документальных фильмов о народах России»), имеют цель, связанную с наглядно-образной демонстраци-

ей культурных и исторических особенностей народов, их традиций и обычаев. Целью аналитических передач («Русский вопрос», «Право голоса») выступает исследование проблемных вопросов на основе дискуссии, комментариев компетентных лиц, тогда как информационные телепередачи направлены на трансляцию значимых актуальных новостей в контексте общего национального аспекта.

Специфика жанров исследуемых телевизионных продуктов связана с их тематикой. Обнаружено, что телепередачи, определенные Планами, имеют единую общую тему, посвященную культуре народов России. При этом передачи художественно-публицистического жанра, как правило, раскрывают тему национальных особенностей, традиций и обычаев. В свою очередь, передачи аналитической направленности имеют в основе тему, в которой заложен конфликт или спорный дискуссионный вопрос (международные конфликты на Северном Кавказе, активность радикально настроенных национальных групп и т. д.), тогда как тематика информационных программ связана с актуальной повесткой, где заранее установленная тема отсутствует, а выступает лишь средством (базисом) построения сюжетной новостной формы. Также установлено, что наибольшее количество рассмотренных телевизионных материалов относятся к художественно-публицистическим жанрам, при этом по два телепродукта приходится на информационную и аналитическую группы жанров.

Список литературы

- [1] *Вартанова Е.Л.* Теоретический анализ российской медиасистемы: между общим и особенным, формальным и неформальным // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. № 2. С. 7–19.
- [2] *Скворцов Н.Г.* Формирование национальной идентичности в современной России // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 20. № 4. С. 53–60.
- [3] *Тишков В.А.* Этнология и политика. М.: Наука, 2005. 382 с.
- [4] *Тишков В.А.* Что есть Россия и российский народ // Наследие империй и будущее России. М.: Фонд «Либеральная миссия». 2008. С. 455–491.
- [5] *Уразова С.Л.* Экранные коммуникации в формате социальных трансформаций // Экранная коммуникация как фактор социализации медиапространства: межвузовская коллективная монография / под ред. С.Л. Уразовой; Научно-исследовательский сектор ФГБОУ ДПО «Академия медиаиндустрии». М.: Академия медиаиндустрии, 2019. С. 10–26.
- [6] *Кемарская И.Н.* От инфомолекул к инфоатомам: коды драматургии электронных медиа // Экранная коммуникация как фактор социализации медиапространства: межвузовская коллективная монография / под ред. С.Л. Уразовой; Научно-исследовательский сектор ФГБОУ ДПО «Академия медиаиндустрии». М.: Академия медиаиндустрии, 2019. С. 160–175.
- [7] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.07.2013 г. № 1226-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2013–2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://government.ru/docs/3229/> (дата обращения: 4 мая 2020 г.).
- [8] *Прохоров Е.П.* Введение в теорию журналистики: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2009. 351 с.
- [9] *Суворова С.П.* Реализация просветительской функции журналистики на страницах современных общероссийских газет // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2006. № 6. С. 11–15.

- [10] Тимофеев М.С. Патриотизм как духовно-нравственная основа сильного российского государства // Вестник юридического факультета: сборник научных статей. Чебоксары: ЧКИ, 2017. С. 115–120.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 февраля 2020 г.

Дата принятия к печати: 14 марта 2020 г.

Для цитирования:

Reva E.K., Kubrin S.D. Роль телевидения в реализации государственной национальной политики России: типология, жанры, форматы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 324–333. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-324-333>

Сведения об авторах:

Reva Екатерина Константиновна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой журналистики Пензенского государственного университета. E-mail: reva.ek@mail.ru

Kubrin Сергей Дмитриевич, аспирант кафедры журналистики Пензенского государственного университета. E-mail: kubrinsd@gmail.com

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-324-333

Research article

The role of television in the implementation of Russian state national policy: typology, genre, formats

Ekaterina K. Reva, Sergei D. Kubrin

Penza State University
40 Krasnaya St, Penza, 440026, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of the analysis of the implementation of the tasks of the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025 by television. The study was conducted on the basis of television information and analytical products defined by the Action Plans for the implementation of the Strategy's objectives. Television programs included in the Plans are considered from 2013 to the present, taking into account the continuity of the Strategy, as the main doctrinal document in the field of national policy. In studying the role of the media in the implementation of the Strategy, the approach proposed in the article was applied for the first time. The analysis sampled and systematized television programs on the objectives of the Strategy. As a result of the study, typological features of television channels, genre characteristics of television programs are presented, journalistic techniques of implementation of tasks are defined, which programs identified in the Plans are more or less in line with the tasks of the Strategy of State National Policy are revealed. The study concluded that most television products meet the objectives of the Strategy and implement them.

Keywords: Strategy of the State National Policy, journalism, television

References

- [1] Vartanova, E.L. (2103). Teoreticheskii analiz rossiiskoi mediasistemy: mezhdru obshchim i osobennym, formal'nyim i neformal'nyim [Theoretical analysis of the Russian media

- system: between general and special, formal and informal]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, (2), 7–19.
- [2] Skvortsov, N.G. (2016). Formirovanie natsional'noi identichnosti v sovremennoi Rossii [The formation of the national identify of modern Russia]. *Gumanitarii Yuga Rossii*, 20(4), 53–60.
- [3] Tishkov, V.A. (2005). *Etnologiya i politika [Ethnology and politics]*. Moscow, Nauka Publ.
- [4] Tishkov, V.A. (2008). Chto est' Rossiya i rossiiskii narod [What is Russian and the Russian question]. *Nasledie imperii i budushchee Rossii [Legacy of empires and the future of Russia]* (pp. 455–491). Moscow, Liberal'naya missiya Fund.
- [5] Urazova, S.L. (2019). Ekrannyye kommunikatsii v formate saotsial'nykh transformatsiy [Screen communications in the format of social transformations]. *Ekran'naya kommunikatsiya kak faktor sotsializatsii mediaprostranstva [Screen communication as a factor of socialization of the media space]*: an interuniversity collective monograph (pp. 10–26). Moscow, Akademiya mediaindustrii Publ.
- [6] Kemarskaya, I.N. (2019). Ot infomolekul k infoatomam: kody dramaturgii elektronnykh media [From info-molecules to info-atoms: electronic media dramaturgy codes]. *Ekran'naya kommunikatsiya kak faktor sotsializatsii mediaprostranstva [Screen communication as a factor of socialization of the media space]*: an interuniversity collective monograph (pp. 160–175). Moscow, Akademiya mediaindustrii Publ.
- [7] Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 15.07.2013 g. No. 1226-r “Ob utverzhdenii plana meropriyatii po realizatsii v 2013–2015 godakh Strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda” [Order of the Government of the Russian Federation of 15.07.2013 No. 1226-R “On approval of the action plan for the implementation in 2013–2015 of the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025”]. Retrieved May 4, 2020 from <http://government.ru/docs/3229/>
- [8] Prokhorov, E.P. (2009). *Vvedenie v teoriyu zhurnalistiki [Introduction to journalism theory]*: study guide. Moscow, Aspekt Press, 2009.
- [9] Suvorova, S.P. (2006). Realizatsiya prosvetitel'skoi funktsii zhurnalistiki na stranitsakh sovremennykh obshcherossiiskikh gazet [Realization of the educational function of journalism in the pages of modern national newspapers]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, (6), 11–15.
- [10] Timofeev, M.S. (2017). Patriotizm kak dukhovno-nravstvennaya osnova sil'nogo rossiiskogo gosudarstva [Patriotism as the spiritual and moral foundation of a strong Russian state]. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta*: collection of scientific articles (pp. 115–120). Cheboksary, ChKI Publ.

Article history:

Received: 10 February 2020

Revised: 29 February 2020

Accepted: 14 March 2020

For citation:

Reva, E.K., & Kubrin, S.D. (2020). The role of television in the implementation of Russian state national policy: Typology, genre, formats. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 324–333. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-324-333>

Bio notes:

Ekaterina K. Reva, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Journalism of Penza State University. E-mail: reva.ek@mail.ru

Sergei D. Kubrin, Ph.D. student of the Department of Journalism of Penza State University. E-mail: kubrinsd@gmail.com

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-334-340
УДК 316.77.001

Научная статья

Риторическая модель коммуникации в сочинении древнерусского книжника «Слово некоего калугера о чтении книг»

В.В. Ильичева

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Аннотация. В статье рассматривается риторическая модель коммуникации в сочинении неизвестного автора «Слово некоего калугера о чтении книг», включенного в один из древнейших сборников рукописей Изборник 1076 года, в плане его спецификации относительно риторической коммуникации. В коммуникативном направлении предметом данной модели выступает коммуникативно-риторическая деятельность человека как субъекта, действующего словом, и читателя, на которого направляется воздействие «Слова». Анализируются основные компоненты риторической модели коммуникации: коммуникативный контекст, образ автора, образ аудитории, ситуативно ориентированный, риторически обработанный текст. Это первое в истории русской культуры сочинение о пользе, методах и целях чтения. Особенность составления текста в «Слове» заключается в переосмыслении автором Священного Писания, наличии неканонических мотивов, преобладании практических рекомендаций над теоретическими, что свидетельствует об эволюции образа автора в риторике.

Ключевые слова: риторическая модель коммуникации, торжественное красноречие, коммуникативная компетенция, образ автора, ситуативно-ориентированный текст, методы и цели чтения

Статья «Слово некоего калугера о чтении книг» включена в состав сочинений Изборника 1076 года, который является одним из древнейших датированных рукописных сборников и представляет подборку оригинальных славянских и переводных (с греческого языка) текстов, составленных для князя Святослава Ярославича Черниговского анонимным книжником – неким «грешным Иоанном», оставившим запись на л. 275. Однако исследователи предполагают, что был еще один безымянный автор, который переписал лишь отдельные листы – 228–236 и 243–259. «Писцы Изборника принадлежали либо к разным орфографическим школам, либо следовали разным установкам: Иоанн более близок к болгарским нормам X–XI вв., второй писец использует русифицированную орфографию» [1]. Автор сочинения и есть некий «ка-

лугер» (от греч. *καλός γέρον* – добрый старец, монах или инок). По мнению Н.А. Мещерского, в XI в. «главным ареалом общеславянской переводческой деятельности становится Киевская Русь, и в язык переводной письменности, призванной обслуживать общественные потребности всех славян, включаются восточнославянские речевые черты» [2].

Изборник 1076 года – сборник сочинений нравственно-христианского содержания, русская «четыре книга», то есть книга не богослужебного, а литературного содержания. «Вольное обращение с каноническими текстами, вторжение в неприкосновенную сферу догматов – все это дает основание ставить вопрос об особой или даже независимой от византийских ортодоксов позиции составителя Изборника 1076 года» [3].

Если рассматривать текст сочинения как речевое произведение, служащее универсальной формой коммуникации и занимающее центральное положение в модели речевого акта, то он является продуктом первичной коммуникативной деятельности автора, пишущего текст, и объектом вторичной коммуникативной деятельности адресата, то есть читателя. Следовательно, текст выполняет функцию связующего звена как одной из форм коммуникации, призывающей к сотрудничеству, формированию мировоззренческих ценностей.

Но для того, чтобы состоялось общение адресанта (автора) и адресата (читателя), необходимы знания кода (языка), общности концептуальной и языковой картины мира, а также наличие канала связи. Анализ текста «Слова некоего калугера о чтении книг» позволяет определить характер работы его составителя и уровень его подготовки.

Конструкция статьи состоит из трех частей: в первой авторского материала гораздо больше, чем цитируемого, во второй преобладает цитируемый из Псалтири. Третья часть – резюме статьи со ссылкой на источники – жития святых. Заканчивается статья призывом последовать примерам святых отцов.

Автор «желал, по-видимому, приспособить сочинение к потребностям и вкусам своих читателей из среды светской части тогдашнего киевского общества. В результате этого стремления и возникает лишение текста монашеской ригористичности и приближение языка к речи тогдашних восточных славян» [4]. Целевой установкой составителя статьи являлось обеспечение обратной связи, то есть возникновения у читателя нужную реакцию на прочитанный текст, а для этого необходимо было сделать его понятным. Для этого книжник подкреплял содержание текста речевыми оборотами, взятыми из повседневной жизни: «узда и правит конем, и сдерживает его...», «ни корабля без гвоздей не сделать, ни праведника – без чтения книг...», «...воину красота – оружие, а кораблю – паруса...» [5. С. 2]. Автор также пытается заставить действовать читателя: «Так вот, примером этих святых и подвижнемся мы на путь жития их и на дела их, и станем всегда научиться их книжным словом, исполняя их волю, как велят они; тогда и будем достойны мы вечной жизни во веки» [5]. Пробудить эмоциональное чувство: «Возрадуюсь я о словах твоих, обретая великую прибыль, прибылью называя слово Божье» [5]. В тексте даются конкретные рекомендации, как читать книги, чтобы пони-

мать их: «не спешить читать главу за главой и, если надо, трижды перечитывать каждую из них» [5]. Причем монах подчеркивает, что смысл чтения не в количестве прочитанных книг, а в качестве усвоения прочитанного.

Вместе с тем автор стремился к художественному абстрагированию, попытке раскрыть в окружающей жизни божественное, духовное начало, символы вечного, апеллировать к жизни святых, почитаемых в христианском мире авторов – Нила Синайского, Иоанна Лествичника, Иоанна Златоуста и других – с использованием цитат из Священного Писания. И здесь книжник использует прием «текст в тексте», то есть введение в оригинальный авторский текст чужого текста. В данном случае в качестве «чужого» текста он использует прямое включение цитирования Псалтири, чтобы сделать его отправной точкой для утверждения собственного мнения. «Особое внимание в тексте уделено мудрости. Стремление к мудрости приравнивается стремлению к Богу. Источником мудрости объявляются книги и искушенные наставники» [3].

Рассуждая о риторической компетенции автора «Слова» можно предположить, что древний книжник имел знания и умения, необходимые для понимания и создания программы речевого поведения, адекватного целям общения. Владел знаниями о способах формирования и формулирования мыслей посредством языка, то есть речевой компетенцией; культурологической компетенцией – осознанием языка как формы выражения национальной культуры, знаниями о взаимосвязи языка и истории народа, нормами речевого этикета. Древний книжник имел способность осознанно создавать авторско-адресный текст риторического жанра в соответствии с целью и ситуацией торжественного красноречия, присущего наиболее развитым словесным жанрами на Руси – Слову и Поучению. Подтверждением тому является использование автором таких приемов, как частое применение метафор, например: «...но вдумайся, о чем говорят книги и слова их...», «в сердце сокрыл, чтобы не согрешить пред тобою», «как сладки слова твои, слаще меда устам моим, дороже тысяч золота и серебра»; сравнения: «...возрадуюсь я о словах твоих, обретая великую прибыль, прибылью называя слово Божье...», «ни праведника – без чтения книг, и как у пленников на уме родители их, так у праведника – чтение книг»; восклицания: «...Смотри же, что начало добрым делам в поучении книг святых!» [5. С. 2]. Перечисленные приемы свидетельствуют о том, что «Слово» написано в высоком стиле, с повышенной экспрессивностью, эмоциональностью, характерными для торжественного красноречия. Д.С. Лихачев писал о «Слове»: «Это необычайно высокое представление о книге – представление, которое вряд ли было “превзойдено” в последующие века в Древней Руси. И здесь без преувеличения можно утверждать, что Изборник 1076 года выступает как гимн книге, знанию, полученному благодаря приобщению к социальной памяти и социальному опыту, наследованию примеров людей старшего поколения, которые советовались с мудрыми людьми и действовали с умом» [6].

Это воплощенное в речевой структуре текста личностное отношение к предмету изображения и есть образ автора, который свидетельствует о возникновении новой этики древнерусского речедеятеля, его коммуникативной

компетенции и владении коммуникативной целесообразностью речи – точностью словоупотребления, выразительностью и образным богатством языка. Акт коммуникации, то есть взаимоотношения автора и читателя – процесс двунаправленный. Умение строить рассуждение исторически возникает как умение убедить другого, сообщить другому свою уверенность и веру, связанную с определенной системой ценностей и шкалой осмыслений реальности. Любая коммуникация предполагает изменение моделей мира в сознании коммуникантов.

Таким образом, совокупность конструктивных признаков, включающих коммуникативную целевую установку, предмет коммуникации, признаки ситуации, в которой осуществляется коммуникация, социальную характеристику участников коммуникации, представляет риторическую модель данного авторского произведения.

Относительно художественного оформления книги, скромного, явно «самодельного», сделанного самим писцом (в отличие от Изборника Святослава 1073 года, оформленного художником), необходимо отметить ее единственную, тщательно нарисованную киноварью заставку к вводной статье «Слова некоего калугера о чтении книг» [7]. В отличие от парадного, украшенного роскошной миниатюрой с изображением князя Святослава и его семьи Изборника 1073 года, текст Изборника 1076 года составлен на Руси, а сама рукопись, небольшого формата и скромно оформленная, служила практическим целям – ее читали и многократно переписывали. Об этом свидетельствуют многочисленные позднейшие пометы переписчиков на листах рукописи, тексты этих помет в большинстве своем затерлись от времени и читаются только с применением современных технических средств. По мнению академика Д.С. Лихачева, «небольшой формат книги, отсутствие в ней богатых украшений позволяют предполагать, что перед нами походная книга, которая должна была заменить князю большую библиотеку, остававшуюся в Киеве. Князья проводили свою жизнь в постоянных переездах, походах» [6]. В этом коренное различие между двумя старейшими из сохранившихся в древнерусской книжности Изборниками, «разделенными всего тремя годами и созданными в одном и том же месте – княжеской библиотеке, но предназначенными для удовлетворения читательских интересов совершенно различных социальных слоев» [8].

Автор «Слова некоего калугера о чтении книг», конструируя свой текст, продемонстрировал коммуникативные компетенции и риторические навыки в умении строить эффективную речевую деятельность, ориентированную на определенную целевую аудиторию, апеллируя к ценностям людей, образующих данную целевую аудиторию. Древнерусский книжник принимал во внимание этические основы окружающего мира, транслирующие определенную культуру. Академик Д.С. Лихачев обратил внимание на глубокий философский смысл и самого «Слова о почитании книжном», раскрыл его сложную символику. Древнерусский книжник утверждал, что праведность человека немислима без книг. «Следовательно, – пишет академик, – книги – это и то, что делает человека праведником: “гвозди”, которыми скрепляются все его со-

ставные части), и та сила, то “оружие”, тот “парус”, которые позволяют праведнику воздействовать на мир, правильно вести себя, вести свой корабль в “житейском море”. Это необычайно высокое представление о книге, которое вряд ли было превзойдено в последующие века в Древней Руси» [6].

Любая коммуникация предполагает изменение моделей мира в сознании коммуникантов. Риторическая модель коммуникации предполагает создание способов речевого воздействия на модель мира человека. Рассмотренная риторическая модель коммуникации на примере одного из древнейших произведений XI в. «Слова некоего калугера о чтении книг» показала эволюцию древнерусского книжника как речедеятеля, процесс превращения обычного автора-компилятора и переводчика в сочинителя, творца собственного произведения.

Список литературы

- [1] Турилов А.А. Изборник 1076 года. URL: <http://www.pravenc.ru/text/293836.html> (дата обращения: 13 февраля 2020 г.).
- [2] Мещерский Н.А. О некоторых источниках «Изборника 1076 г.» в связи с вопросом о происхождении их переводов // Культурное наследие Древней Руси: истоки, становление, традиции. М., 1976. С. 34–38.
- [3] Мильков В.В. Никифор и древнерусская мысль. URL: <http://krotov.inf/history/12/3/milkov1.html> (дата обращения: 13 февраля 2020 г.).
- [4] Творогов О.В. Изборник 1076 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. XI – первая половина XIV в. Л., 1987. С. 196–198. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=3973> (дата обращения: 13 февраля 2020 г.).
- [5] Изборник 1076 года / изд. подг. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина, В.Г. Демьянов, Г.Ф. Нефедов. М., 1965.
- [6] Лихачев Д.С. Назначение Изборника 1076 г. URL: <http://odrl.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=4fWZVRtHpnI%3D&tabid=2290> (дата обращения: 13 февраля 2020 г.).
- [7] Розов Н.Н. Как «сделана» вступительная статья Изборника 1076 года // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 42–46.
- [8] Розов Н.Н. Старейшая русская книга для чтения. URL: http://www.literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1500754718&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 13 февраля 2020 г.).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 22 сентября 2019 г.

Дата принятия к печати: 10 апреля 2020 г.

Для цитирования:

Ильичева В.В. Риторическая модель коммуникации в сочинении древнерусского книжника «Слово некоего калугера о чтении книг» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 334–340. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-334-340>

Сведения об авторе:

Ильичева Валерия Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: lera_ilyicheva@mail.ru

Rhetorical model of communication in the composition of ancient Russian book “A Word of a Some Monk about Reading Books”

Valeria V. Ilyicheva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
10 Miklukho-Maklaya St, bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the foundation of the rhetorical model of communication in the text of an unknown author “A Word of a Some Monk about Reading Books”, included in one of the most ancient collections of manuscripts *Izbornik* of the year 1076, in the plan of its specification concerning communication. In the communicative direction, the subject of this rhetorical model is the communicative-rhetorical activity of man as a subject acting by a word, and the reader to whom the influence of the “Word” is directed. The main components of the rhetorical model of communication are analyzed: communicative context, author’s image, audience image, situationally oriented, rhetorically processed text. This is the first essay in the history of Russian culture about the benefits, methods and purposes of reading. A feature of the writing of the text in the “Word” is the reinvention of the Holy Scripture by the author in the presence of non-canonical motifs, the predominance of practical over theoretical.

Keywords: rhetorical model of communication, solemn eloquence, communicative competence, author’s image, situational-oriented text, methods and purposes of reading

References

- [1] Turilov, A.A. (n.d.). *Izbornik 1076 goda [Izbornik of 1076]*. Retrieved February 13, 2020 from <http://www.pravenc.ru/text/293836.html>
- [2] Meshcherskij, N.A. (1976). O nekotoryh istochnikah “Izbornika 1076 g.” v svyazi s voprosom o proiskhozhdenii ih perevodov [Some of the sources of the “Izbornik of 1076” in connection with the question of the origin of their translation]. *Kul'turnoe nasledie Drevnei Rusi: istoki, stanovlenie, traditsii [The cultural heritage of Ancient Rus: the origins, development and traditions]* (pp. 34–38). Moscow.
- [3] Mil'kov, V.V. (n.d.). *Nikifor i drevnerusskaya mysl' [Nicephorus and Old Russian thought]*. Retrieved February 13, 2020 from <http://krotov.inf/history/12/3/milkov1.html>
- [4] Tvorogov, O.V. (1987). *Izbornik 1076 g. [Izbornik of 1076]*. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi [Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Russia]*. Issue 1. XI – pervaya polovina XIV v. [XI – first half of the XIV century]. (pp. 196–198). Leningrad.
- [5] Golyshenko, V.S., Dubrovina, V.F., Dem'yanov, V.G., & Nefedov, G.F. (Eds.). (1965). *Izbornik 1076 goda [Izbornik of the year 1076]*. Moscow.
- [6] Lihachev, D.S. (n.d.). *Naznachenie Izbornika 1076 g. [Appointment of Izbornik of the year 1076]*. Retrieved February 13, 2020 from <http://odrl.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=4fWZVRtHpnI%3D&tabid=2290>
- [7] Rozov, N.N. (1976). Kak “sdelana” vstupitel'naya stat'ya Izbornika 1076 goda [How the introductory article of the Izbornik of 1076 was made]. *Kul'turnoe nasledie Drevnei Rusi [The cultural heritage of Ancient Rus]* (pp. 42–46). Moscow.
- [8] Rozov, N.N. (n.d.). *Starejshaya russkaya kniga dlya chteniya [The oldest Russian book for reading]*. Retrieved February 13, 2020 from http://www.literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1500754718&archive=&start_from=&ucat=&

Article history:

Received: 22 September 2019

Revised: 12 January 2020

Accepted: 10 April 2020

For citation:

Ilyicheva, V.V. (2020). Rhetorical model of communication in the composition of ancient Russian book “A Word of a Some Monk about Reading Books”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 334–340. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-334-340>

Bio note:

Valeria V. Ilyicheva, Candidate of Philology, senior lecturer of the Department of Mass Communications of Faculty of Philology of Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: lera_ilyicheva@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-341-350
УДК 654.197

Научная статья

Чудо или Чудовище? Проблема доминирования институциональной коммуникации в региональных телевизионных новостях

Е.Б. Громова

Филиал Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе
Российская Федерация, 299001, Севастополь, ул. Героев Севастополя, 7

Аннотация. В статье проанализированы маркеры институциональных коммуникационных стратегий, которые выражаются в смещении дискурса от фрейма «информации» к фрейму «пиар» в региональных телевизионных новостях. В качестве эмпирического материала были взяты сюжеты о строительстве в информационных программах четырех крымских государственных телевизионных каналов. Были определены семантические и лексические маркеры институциональной коммуникации. В статье доказывается доминирование текстов с установкой на пиар в новостных сюжетах о строительстве в Крыму, объясняется небезопасность этого явления с позиции профессиональных задач журналиста. Методы исследования: критический дискурс-анализ, контент-анализ, систематизация, обобщение. Был сделан вывод о неразрешенности на сегодняшний день драматического противоречия между журналистикой и пиаром в региональных новостных программах.

Ключевые слова: институциональная коммуникация, информационная программа, региональный телевизионный эфир, дискурс, фрейм «информирование», фрейм «пиар»

Региональный телевизионный журналист – сотрудник государственных СМИ – это профессиональный коммуникатор, который ежедневно сталкивается с риском сдвига дискурса в создаваемом им контенте от тональности «информирование» к тональности «рекламирование» и «пиар». Сегодня для исследователей в области СМИ очевидна необходимость изучения маркеров институционализации эфирной коммуникации и парадигмального сдвига дискурса в программах региональных телевизионных новостей.

Под дискурсивной практикой понимается «процесс структурирования текста (как адресантом, так и адресатом) в пределах определенного дискурса. Однако условия продуцирования текстов очень разнообразны, поэтому имеет смысл говорить... о разнообразии дискурсивных практик в связи с конкретными обстоятельствами и условиями общения» [1. С. 7]. К ключевым практикам

журналистского дискурса относят «практики конструирования истины, субъектных позиций, а также практики конструирования события и практики конструирования персонажа» [2. С. 291–292]. Определение основных семантических и лексических маркеров «пиар-фрейма» в новостях региональных телевизионных каналов Республики Крым мы провели на примере сюжетов из области экономики (в частности, строительства).

Тема строительства не просто вошла в тройку лидирующих тем новостей, но стала самой важной, поскольку оправдывает все, что делалось в последние шесть лет в Крыму. Федеральный центр направляет финансы, а местные власти создают инфраструктуру, которая при Украине отсутствовала. С 2014 года за счет денег из федерального, республиканского и городских бюджетов в Крыму построены десятки масштабных объектов. Облик Крыма заметно изменился – появились стратегически важные, ключевые объекты: Крымский мост, трасса «Таврида», Сакская, Симферопольская и Балаклавская ТЭЦ, аэропорт имени И.К. Айвазовского. Десятки объектов соцкультбыта введены в строй, десятки ожидают своего открытия. «Ведь только официально (по данным вице-премьера и министра финансов правительства Республики Крым Ирины Кивико) в полуостров инвестировали 659 миллиардов казенных рублей... В следующие 3 года... российское правительство инвестирует в полуостров еще 309,5 миллиарда, из-за чего Крым станет безусловным триллионным лидером среди дотируемых территорий, обогнав даже Чечню», – пишет «Комсомольская правда» [3]. При таком режиме инвестирования в территорию – более, чем когда-либо ранее, возрастает необходимость грамотного освещения в СМИ темы строительства. Однако реальное положение таково, что многие стройки начинаются и не оканчиваются, становятся долгостроями российского периода, и это подрывает доверие со стороны крымчан к самой отрасли и ее руководству. В то же время в региональном телевизионном эфире транслируются материалы о строительстве с высокой установкой на пиар. Многие из подрядчиков (за исключением, пожалуй, самых крупных организаций – строителей трассы «Таврида», аэропорта имени И.К. Айвазовского, Крымского моста) как раз не склонны к активной самопрезентации, большинство считают, что «стройка любит тишину». Гораздо больше строителей заботятся о позитивности публикаций и положительном имидже заказчики – представители государственных и республиканских структур. Под их влияние или под влияние их запретов попадают журналисты из государственных СМИ. Нам близка точка зрения исследователя Д.П. Гавры о «гибридном двухуровневом формате» медиасистемы России, сочетающем в себе характеристики мягкого авторитаризма и либеральных основ функционирования медиа [4. С. 33–34]. Исследователи информационной культуры общества (например, С.Г. Кара-Мурза [5]) пишут об идеологии и технологиях «паблик рилейшнз» как основных средствах влияния на человека через СМИ, считают пиар современным заменителем журналистики и причиной ее исчезновения.

Первый признак «информационного пиар-сопровождения» – это позитивность, бесконфликтность, однозначность материалов о строительстве в Крыму. Нами были просмотрены по 15 эфирных материалов о строительстве в программах новостей ГТРК «Таврида» – «Вести. Крым», АНО «Обществен-

ная крымскотатарская телерадиокомпания» – телеканал «Миллет» («Хаберлер»), АНО ТРК «Крым» – каналы «Крым 24» («Новости 24») и «Первый крымский» («Новости Крыма»). Выпуски новостей двух каналов АНО ТРК «Крым» совершенно одинаковые по контенту и отличаются только названием. Все 45 сюжетов вышли в эфир в 2019–2020 годах. Сюжеты отбирались методом случайной выборки. Из них 20 % были «проблемными» в программе «Вести. Крым» (ГТРК «Таврида»), конфликт содержали 6,7 % телесюжетов о строительстве в выпусках новостей АНО ТРК «Крым» и 13,3 % в «Новостях» телеканала «Миллет». Таким образом в основном в сюжетах мы видим положительную картину положения дел в строительстве. Например, в итоговом воскресном выпуске «Вести. Крым» («Итоги недели») от 8 сентября 2019 года [6] было рассказано о строительстве новой школы в Евпатории на 800 мест с танцклассом и огромным читальным залом, укреплении берегов в поселках, где «сползают» в Черное море не только пляж, но и частные дома и школы, строительстве волнорезов для сохранения пляжей в г. Саки. Выпуск содержал эпизод о строительстве одной из самых протяженных зон отдыха в Крыму на берегу Сакского грязевого озера. В этом же выпуске – сюжет о строительстве водовода, который обеспечит жителей восточного Крыма питьевой водой. В программе было рассказано о строительстве Центра полиэтнической культуры, иначе говоря, общежития Крымского инженерно-педагогического института. Там же мы узнаем, что «почти готовы» дома для депортированных в п. Гвардейское, «осталось протянуть коммуникации, сдадут дома летом 2020 года». Последняя цитата должна вызвать улыбку у всех, кто догадывается, насколько важно сначала провести коммуникации, а потом строить объект. Показ «неприметного холма вместо свалки для всего города, куда свозился мусор более 20 лет», стал единственным эпизодом о завершённой работе. «Ведутся переговоры о продлении ФЦП (Федеральной целевой программы) для Крыма», – с такими словами корреспондент передает слово ведущему в студии, а зритель понимает, что Крым – это кладовая позитивных примеров, видеотека счастливых историй из области строительства. Ни одного критического соображения за весь выпуск зритель не услышал. Проблемные материалы о строительстве в новостях анализируемых каналов связаны главным образом со спорными территориальными вопросами при сооружении объектов в прибрежной зоне частными инвесторами. [7]. Они касались и темы частного строительства на берегу моря, реакции населения на реконструкцию набережной в п. Коктебель и других населенных пунктах, снос объектов торговли. То есть в критических сюжетах говорили большей частью о тех стройках, которые велись не за государственные деньги.

«Пиар» в новостных сюжетах проявляет себя *использованием оценочных определений со значением превосходного качества, накоплением позитивных характеристик в тексте сюжета: «самый большой», «самый современный», «самый мощный», уникальный, единственный и т. д. «Вау-интонации», «ура-плакатный» стиль* – характерные признаки нарратива для крымских региональных новостей.

Еще одно доказательство сдвига дискурса в сторону пиара – *это частота появления материалов о тех объектах, где наступательно работают*

пиар-службы. Абсолютные чемпионы по частотности упоминаний в сюжетах о строительстве – это аэропорт имени И.К. Айвазовского, трасса «Таврида» и Крымский мост. Например, строительство новой взлетно-посадочной полосы в аэропорту имени И.К. Айвазовского (протяженностью 3200 м) как часть программы подготовки к курортному сезону заинтересовало все крымские каналы. Когда дает интервью представитель заказчика Денис Морозов, мы видим множество микрофонов – ясно, что это пресс-подход [8] и перед нами – очередной пиар-материал. А вот как подавали 8 декабря 2019 года «Вести. Крым» тему возвращения депортированных народов [Там же]: «В то время как на Украине продолжают распространять страшные слухи о Крыме, в поселке Гвардейском близок к завершению квартал для депортированных. Семья, которая 16 лет стояла в очередь на жилье, пришла полюбоваться на свое будущее гнездышко». «Заселяться можно будет в следующем году. На данный момент работы приостановлены, потому что мы заходим в зиму без отопления», – намекает прораб на продолжение разговора. Разумеется, эта остановка не была предусмотрена планом строительства, но ею не интересуется корреспондент, оставляя в стороне проблемные вопросы стройки.

Признаком доминирования институциональной коммуникации, смещения дискурсивных практик к фрейму «пиар» можно считать и резкую смену оценочности в текстах сюжетов под влиянием идеологической заданности, изменения властной риторики. Абсолютно все крымские СМИ цитировали заявление Главы Республики Крым С.В. Аксенова о том, что «44-ФЗ (Федеральный Закон) на территории Крыма не работает, теперь правительство Крыма может выбирать подрядчиков без тендерных процедур». Оно прозвучало и в выпуске «Вести. Крым» от 15 февраля 2020 года [9]. Телезрителю сообщили, что выбор подрядчиков без конкурсных процедур в Крыму позволит «реально изменить качество и сроки сооружения объектов». Сергей Аксенов предупредил, что теперь, после согласования с Президентом страны, он будет единолично назначать подрядчиков для строительства объектов за деньги ФЦП. Все, что произносилось в тот день в новостях, напоминало заговор посвященных и было совершенно непонятным для зрителя. Потому что региональные телевизионные каналы с 2014 года в многочисленных сюжетах рассказывали, как хороши крымские стройки. Ясно, что столь резкая смена оценок не способствует реализации процесса информирования, одна из главных задач которого – уменьшение энтропии у аудитории [10. С. 44].

В Севастополе ситуация была похожей, но там за счет существования нескольких каналов (государственного, муниципального городского и частного) и затяжного конфликта между экс-губернатором Д. Овсянниковым и Законодательным собранием Севастополя к вопросам строительства журналисты подходили более критично. Впрочем, нынешний губернатор г. Севастополя М. Развожаев тоже получил право назначать подрядчиков без конкурсных процедур. Главной причиной отмены 44-ФЗ для Крыма и Севастополя называлась неспособность властей повлиять на строителей. Ведь, как правило, выигрывают тендер на значимых объектах Крыма строители с «материка», заявившие наименьшую цену на свои услуги. Многие фирмы нарушают тендерные обязательства, уверяют, что столкнулись с более сложными услови-

ями строительства, чем было указано в проектной документации. Правды ради, нужно сказать, что, действительно, огромное количество проектной документации на крымские объекты было сделано в 2014–2015 годах на крайне низком уровне, с серьезными, часто несовместимыми с безопасностью ошибками, в спешке, с желанием быстрее получить федеральные деньги.

С момента объявления отмененным 44-ФЗ для Крыма и Севастополя в региональных СМИ укрепляется образ строителя с «материка» как «внешнего врага», а образ власти, которая прибегла к такому способу решения проблемы, как героя, избавляющего жертву (население Крыма) от мошенников и непрофессионалов. Контент-менеджмент информационных выпусков заметно меняется. Теперь телезритель узнал, как плохо идут дела по реконструкции Сакской и Евпаторийской набережных. Оказывается, «прежний подрядчик бросил объект, прихватив с собой сотни миллионов рублей». В сюжете создается образ власти, которую, как несмышленища, облапошили. Дискурсивные практики, рисующие строителей как помощников и героев, сменяются на противоположные. Авторы сюжетов подключают негативно-оценочные смыслы («власти рекомендовали приостановить строительство объекта», «этот клен строители уже уничтожили», «отобрали весь берег») и сопутствующие смыслы («выставляют журналистов за порог», «общественных слушаний не проводилось»). Мы видим строителя как внутреннего врага, нагнетаются смыслы опасности («бороться на стадии котлована», «строители покинули объект стремительно», «люди стали заложниками ситуации», «начато административное расследование»). Строитель больше не помощник и не партнер. Но когда речь идет о неудавшихся набережных, где «закопали» сотни миллионов рублей, часто ни слова не говорится о том, кто был подрядчик и почему он остановил стройку, нет ни одного интервью с самим подрядчиком. Практически всегда антагонисты в сюжетах безымянные. Они лишены возможности самопрезентации. И это подтверждает мнение ученых о дискурсивных практиках СМИ в ситуации информационной войны, когда нарративу свойственны анонимность, безличность, многократность воспроизведения, лексическая маркированность, избираемость в соответствии с заданной идеологической доминантой.

Информационная война как постоянная среда для работы крымских СМИ нам кажется совершенно уместным понятием, ее цель – консолидация аудитории. В информационном поле Крыма СМИ все время защищаются и нападают на реальных и потенциальных информационных противников. Так, в анализируемом сюжете говорится, что подрядчик привез материалы для оборудования пляжа в гораздо меньшем количестве, чем это было заявлено в договоре, нарушил утвержденный проект и строил с помощью более дешевых материалов. Теперь все, что он успел сделать не по проекту, подлежит сносу. Реконструкцию набережной начнут сначала. «Временный застой и на приморский набережной в г. Саки, – продолжает повествование журналист. – Здесь тоже долгое время не было подрядчика, он исчез со строительной площадки, сегодня уже назначен новый подрядчик». Совсем тревожно становится после сюжета в выпуске «Крым 24» от 13 марта 2020 года, где говорится о возможном срыве курортного сезона в г. Саки из-за созданного строителями хаоса на набережной, недоделок и мошенничества [11]. Напомним, что и полгода

не прошло с того выпуска, когда о Сакской набережной и процессе ее реконструкции все каналы говорили с «вау-интонациями». Сегодня журналистами, транслирующими мнение властей, делается глобальный вывод о негодности традиционных конкурсных процедур по определению подрядчика для крымского строительства. Причины, почему во всех регионах России 44-ФЗ работает, а в Крыму нет, в сюжетах не объясняются. Строитель, чьи трудовые подвиги адресант воспевал на протяжении нескольких лет, становится «другим» и «чужим». Перед нами опыт «социального конструирования реальности, понимание которого подрывает наивный взгляд, что роль СМИ – всего лишь служить зеркалом реальности социума» [12. С. 97]. Новости занимаются ритуальными поклонами, а когда надо, ритуальным осуждением.

В дискурсивном анализе удалось обнаружить семантическую модель сюжета о строительстве. Это не сюжет о том, как «мы строили, строили и, наконец, построили». Это сюжет о борьбе властей со строительной мафией, которая настолько сильна, умна и независима, что сбегает с миллионами из Крыма, не построив очистные сооружения в Севастополе и набережную в Евпатории, а пресса, уделявшая прежде большое внимание одобрению этих строек, раздражается гневными филиппиками. Тема недобросовестности строителей поддерживала «воинствующую» повестку дня, пока не случился COVID-19, обнуливший все предыдущие agenda setting. Но после победы над эпидемией, строители снова окажутся в этой повестке дня, тем более что они – в числе первых, кто приступил к работе в период карантина. Многие севастопольцы, например, обсуждали в Фейсбуке строителей из Армении как настоящих героев, которые не бросили ремонт центральной улицы в Севастополе во время карантина и довели дело до конечного результата [13]. Так кто они, строители – Чудо или Чудовище? У зрителей нет четкого ответа на этот вопрос.

Еще одна предпосылка доминирования пиар-подходов в крымском информационном поле – схожесть контента сюжетов, которые идут на разных каналах. Характерный пример – строительство Республиканской клинической больницы. Больница мыслится как крупнейший инновационный медицинский центр. Репортажи из «нового медицинского центра под Симферополем, куда уже завозят новую мебель» (правописание сохранено) вышли в эфир на всех крымских каналах. Журналист «Вести. Крым» ходит по палате реанимации в жилете и строительной каске. «На стенах в обыкновенных палатах даже картины с крымскими пейзажами». В каске он вместе с прорабом посещает и пищеблок [14]. На другом государственном канале – крымско-татарском канале «Миллет» (программа «Хаберлер») появляется репортаж не только на такую же тему (о 98 % готовности больницы и завозе новой мебели), но и почти слово в слово этот репортаж повторяет текст сюжета «Вести. Крым». Тот же самый представитель заказчика – руководитель строительства в каске и жилете сопровождает одинаково с ним одетого корреспондента [15]. Они показывают те же локации, демонстрируют те же возможности оборудования и кроватей, упоминают о тех же самых картинах и телевизорах на стенах. Розетки для воздуха, пищеблок, шкафчики для медперсонала: добросовестно показано все, что зритель мог видеть в выпуске «Вести. Крым». Полагаем, у пиар-менеджеров строительства, да и самих строителей, будет

много поводов для веселья, если они найдут время сопоставить эти сюжеты. «Крым 24» и «Первый Крымский» (сюжеты одинаковы) [16] транслируют материал с тем же информационным поводом о «почти готовности» больницы, но с большим вниманием к деталям и личным ощущениям корреспондента. Журналист говорит о площади больницы, высоте здания, не пропускающих излучения перегородках палат. В сюжете звучит некоторый намек на опасения, связанные со сроком сдачи объекта, но руководитель строительства тут же заверяет, что все будет сдано вовремя.

Крым стал площадкой не только масштабного строительства, но и местом сосредоточения явных и скрытых производственных конфликтов. Полуостров – особая территория, здесь критическая тональность в медийных практиках может быть истолкована как создание «пятой колонны». Редакциям проще поставить пиаровский пресс-релиз и снять с себя ответственность за «правильную тональность» новостей в угоду «проводникам специальных интересов» [17]. И требуется серьезный уровень подготовки журналиста, способность не только понимать и видеть повседневность и злободневность, но и разбираться в финансовой и технической стороне производственного процесса, аргументировать, обладать независимым взглядом, чтобы создавать видеоконтент о такой неоднозначной теме, как строительство крупных инфраструктурных объектов. Эти навыки – признак профессиональной идентичности (системы профессиональных, мировоззренческо-аксиологических и этических стандартов) регионального журналиста, его коммуникативной компетенции и деятельности в целях информационной безопасности. Они являются важной репутационной характеристикой для самих каналов. Как ни фантастически это звучит сегодня, но медиаменеджеры обязаны осознавать информационные риски смещения дискурса в новостных программах от фрейма «информирую» к фрейму «рекламирую, «пиарю», а также результаты влияния на аудиторию интенций представителей власти как субъектов информационной деятельности. Говоря о власти, мы имеем в виду конкретных представителей государства, располагающих механизмами управления и регулирования в информационной сфере для осуществления институциональных коммуникативных стратегий [18].

На сегодняшний день при отражении событий и процессов в области строительства мы можем констатировать не только доминирование в коммуникативном пространстве регионального телевизионного эфира, но и полную победу пиар-стратегий государственных и республиканских органов власти и пиар-менеджмента компаний-подрядчиков над журналистикой. Выявление маркеров смещения фреймов дискурса поможет творческим сотрудникам новостных программ соблюсти профессиональные стандарты, гуманизировать контент региональных информационных потоков, укрепить доверие со стороны аудитории и свою собственную роль равнозначного партнера в триаде субъектов информационного процесса: власть – медиа-бизнес – журналист. Ибо «ценности профессионала, наряду с широкими фундаментальными знаниями, способностью к научному мышлению и к осмыслению собственных действий являются инструментами регулирования не менее важными, чем, например, инструкции, стандарты, нормы и правила» [19. С. 338–339].

Список литературы

- [1] Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000). Екатеринбург, 2000.
- [2] Чепкина Э.В., Енина Л.В. Дискурсивные практики журналистики: метод анализа // *Стилистика завтрашнего дня: сб. ст. к 80-летию профессора Григория Яковлевича Солганика*. М., 2012. С. 291–292.
- [3] Ворсобин В. Почему из Крыма выживают российский бизнес // *Комсомольская правда*. 13.01.2020. URL: <https://www.kp.ru/daily/27077.7/4148033/> (дата обращения: 15.03.2019).
- [4] Гавра Д.П. Российская медиасистема – гибридный двухуровневый формат // *Актуальные проблемы медиаисследований – 2019: IX Международная научно-практическая конференция НАММИ: материалы конференции*. М.: МГУ, 2019. С. 33–34.
- [5] Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. Век XXI. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Алгоритм, 2015.
- [6] Вести. Крым. 08.09.2019. URL: <https://newsvideo.su/video/11413762> (дата обращения: 15.03.2019).
- [7] Вести. Крым. 02.12.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hBzqvpXVEjc&feature=youtu.be> (дата обращения: 15.03.2019).
- [8] Вести. Крым. 08.12.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZiovFNUwKg4&feature=youtu.be> (дата обращения 12.03.2019).
- [9] Вести. Крым. 15.02.2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0IFoaSvfyIY&feature=youtu.be> (дата обращения: 14.03.2020).
- [10] Олешко Е.В. Конвергентная журналистика: профессиональная культура как фактор оптимизации информационно-коммуникативных процессов: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2018.
- [11] Новости 24. 13.03.2020. URL: <http://crimea24.tv/content/kakie-posledstviya-stroitelstva-naberezhnoy-zhdut-zhiteley-sak> (дата обращения: 14.03.2020).
- [12] Автохутдинова О.Ф. «Другой» как персонаж в СМИ: дискурсивные практики конструирования: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2015.
- [13] Что в Севастополе происходит: группа в Facebook. URL: <https://m.facebook.com/groups/247463375277475/permalink/3131793903511060/?d=m&s=100000847662641> (дата обращения: 18.04.2020).
- [14] Вести. Крым: События недели. 24.11.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=twGuXqz-qg4&feature=youtu.be> (дата обращения: 14.03.2020).
- [15] Информационная программа «Хаберлер» / Телеканал «Миллет». 22.11.2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=GF5_92nO3Ec (дата обращения: 18.03.2020).
- [16] Новости 24. 23.11.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2ID2ImX5PSM> (дата обращения: 18.03.2020).
- [17] Еришов Ю.М. Проводники специальных интересов в СМИ как субъекты информационной политики // *I-формат. Журналистика провинции: альманах / под ред. О.И. Лепилкиной*. Вып. 9. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2014.
- [18] Марков Е.А. Власть и СМИ в России: история взаимодействия // *Известия Российского гос. пед. ун-та имени А.И. Герцена*. 2010. № 123. С. 204–214.
- [19] Аксенова О.В. Актерская парадигма управления в эпоху перемен: адаптация или противодействие // *Россия реформирующаяся: ежегодник: сб. науч. статей / отв. ред. М.К. Горшков; Институт социологии РАН*. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 338–339.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 марта 2020 г.

Дата принятия к печати: 15 апреля 2020 г.

Для цитирования:

Громова Е.Б. Чудо или Чудовище? Проблема доминирования институциональной коммуникации в региональных телевизионных новостях // *Вестник Российского универси-*

тета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 341–350. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-341-350>

Сведения об авторе:

Громова Екатерина Борисовна, старший преподаватель кафедры журналистики Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе. E-mail: katya-64@inbox.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-341-350

Research article

**The Miracle or the Monster?
The problem of institutional communication supremacy
in the regional TV news**

Ekaterina B. Gromova

Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol
7 Geroev Sevastopolya St, Sevastopol, 299000, Russian Federation

Abstract. The scientific objective of the study was to show the markers of institutional communication, that express themselves in discourse shifting from the frame “information” to the frame “PR” in the news of regional TV channels. The study was conducted on the materials of the plots about construction in the news programs of four Crimea state TV channels. The analysis sampled and systematized the semantic and lexical markers of institutional communication. The article defines the dominance of the texts with PR in the TV news plots about construction in Crimea, revealed the insecurity of this phenomenon for the journalist’s professional tasks. Such approach proposed in the article was applied for the first time. In studying the methods of researching were: discourse-analysis, content-analysis, systematization, synthesis. The study concluded the non-consent of the dramatic contradiction between the journalism and PR in the regional news programs for today.

Keywords: institutional communication, information TV program, regional TV broadcast, discourse, frame “informing”, frame “PR”

References

- [1] Chepkina, E.V. (2000). *Russkiy zhurnalistskiy diskurs: tekstoporozhdayushchie praktiki i kody (1995–2000)* [Russian journalist’s discourse: text generating practices and codes (1995–2005)]. Ekaterinburg.
- [2] Chepkina, E.V., & Enina, L.V. (2012). Diskursivnye praktiki zhurnalistiki: metod analiza [Discourse practices of journalism: the method of analysis]. *Stilistika zavtrashnego dnya: sb. st. k 80-letiyu professora Grigoriya Yakovlevicha Solganika* [Stylistics of tomorrow: collection of articles for the 80th anniversary of Professor Grigory Yakovlevich Solganik] (pp. 291–292). Moscow.
- [3] Vorsobin, V. (January 13, 2020). Pochemu iz Kryma vyzhivayut rossiyskiy biznes [Why the business is driven out of Crimea]. *Komsomol'skaya Pravda*. Retrieved March 15, 2020 from <https://www.kp.ru/daily/27077.7/4148033/>
- [4] Gavra, D.P. (2019). Rossiyskaya mediasistema – gibridnyy dvukhurovnevyy format [Russian media system – hybrid format]. *Aktual'nye problema mediaissledovaniy – 2019: IX Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya NAMMI* [Current problems of media research – 2019: IX International scientific and practical conference of NAMMI]: materials of the conference (pp. 33–34). Moscow, MGU Publ.

- [5] Kara-Murza, S. (2015). *Manipulyatsiya soznaniem. Vek XXI [Manipulation of the conscience. XXI Century]*. 2nd ed., revised and expanded. Moscow, Algoritm Publ.
- [6] Vesti. Krym [Vesti. Crimea]. (September 8, 2019). Retrieved March 15, 2020 from <https://newsvideo.su/video/11413762>
- [7] Vesti. Krym [Vesti. Crimea]. (December 2, 2019). Retrieved March 15, 2020 from <https://www.youtube.com/watch?v=hBzqvpXVEjc&feature=youtu.be>
- [8] Vesti. Krym [Vesti. Crimea]. (December 8, 2019). Retrieved March 12, 2020 from <https://www.youtube.com/watch?v=ZIOvFNUwKg4&feature=youtu.be>
- [9] Vesti. Krym [Vesti. Crimea]. (February 15, 2020). Retrieved March 15, 2020 from <https://www.youtube.com/watch?v=0IFoaSvfYLY&feature=youtu.be>
- [10] Oleshko, E.V. (2018). *Konvergentnaya zhurnalistika: professional'naya kul'tura kak faktor optimizatsii informatsionno-kommunikativnykh protsessov [Convergent journalism: professional culture as factor of the optimization of the information-communication processes]* (Dissertation of Doctor of Philology). Ekaterinburg.
- [11] Novosti 24 [News 24]. (March 13, 2020). Retrieved March 14, 2020 from <http://crimea24.tv/content/kakie-posledstviya-stroitelstva-naberezhnoy-zhdut-zhiteley-sak>
- [12] Avtokhutdinova, O.F. (2015). *“Drugoy” kak personazh v SMI: diskursivnye praktiki konstruirovaniya [The “Other” as a character in SMI: discourse practices of framing]* (Dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Ekaterinburg.
- [13] Chto v Sevastopole proiskhodit [What is happening in Sevastopol]: Facebook group. Retrieved April 18, 2020 from <https://m.facebook.com/groups/247463375277475/permalink/3131793903511060/?d=m&s=100000847662641>
- [14] Vesti. Krym [Vesti. Crimea]. (November 24, 2019). Retrieved March 14, 2020 from <https://www.youtube.com/watch?v=twGuXqz-qg4&feature=youtu.be>
- [15] TV channel “Millet”. (November 22, 2019). Information program “Khaberler”. Retrieved March 18, 2020 from https://www.youtube.com/watch?v=GF5_92nO3Ec
- [16] Novosti 24 [News 24]. (November 23, 2019). Retrieved March 18, 2020 from <https://www.youtube.com/watch?v=2ID2ImX5PSM>
- [17] Ershov, Yu.M. (2014). Provodniki spetsial'nykh interesov v SMI kak sub"ekty informatsionnoy politiki [The conductors of special interests as the subjects of information policy]. *I-format. Zhurnalistika provintsii [I-format. Journalism of the province]*: the anthology (issue 9). Stavropol, Dizayn-studiya B Publ.
- [18] Markov, E.A. (2010). Vlast' i SMI v Rossii: istoriya vzaimodeystviya [Authority and mass media in Russia: the history of interaction]. *Izv. Rossiyskogo gos. ped. un-ta imeni A.I. Gertsena*, (123), 204–214.
- [19] Aksenova, O.V. (2016). Aktorskaya paradigma upravleniya v epokhu peremen: adaptatsiya ili protivodeystvie [The actor's paradigm of governance in the époque of changing: adaptation or confrontation?]. *Rossiya reformiruyushchayasya [Russia is being reformed]*: yearbook: collection of scientific articles (issue 14, pp. 338–339). Moscow, Novyy khronograf Publ.

Article history:

Received: 16 March 2020

Revised: 2 April 2020

Accepted: 15 April 2020

For citation:

Gromova, E.B. (2020). The Miracle or the Monster? The problem of institutional communication supremacy in the regional TV news. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 341–350. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-341-350>

Bio note:

Ekaterina B. Gromova, senior lecturer of the Department of Journalism of Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol. E-mail: katya-64@inbox.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-351-359
УДК 654.197

Научная статья

Российские телевизионные каналы на платформе YouTube

Л.А. Круглова, А.О. Коновальцева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 125009, Москва, Моховая ул., д. 9, стр. 1

Аннотация. Анализ деятельности российских телевизионных каналов на площадке YouTube – один из этапов комплексного исследования, которое проводит кафедра телевидения и радиовещания факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова для понимания процессов трансформации аудиовизуального контента в цифровом пространстве. В июле 2019 года было отобрано 27 телевизионных российских каналов (которые в том числе входят в мультиплексы), проанализированы их YouTube-аккаунты с точки зрения количества подписчиков и добавленных видео, а также самые популярные видео данных каналов, реакция аудитории на них, монетизация и хронометраж. В результате исследования установлено, что на большинстве каналов присутствует накрутка ботами просмотров и лайков, вследствие чего видео не выходят в раздел «тренды YouTube» (сервис блокирует такие видео).

Ключевые слова: телевидение, каналы, YouTube, медиапотребление, аудитория

Несмотря на огромное число видеохостингов и порталов, предоставляющих видео в Интернете, именно YouTube продолжает ассоциироваться с онлайн-видеоконтентом и оставаться хедлайнером в этой области. Согласно анализу трафика SEO-сервисом Ahrefs.com, летом 2019 года YouTube стал самым посещаемым в мире веб-сайтом с 8,64 миллиардами поисковых запросов в месяц. То есть в результатах поисковых запросов YouTube каждый месяц получает больше мировых кликов, чем людей в мире. Согласно исследованию Datareportal 2019 года, 79 % интернет-пользователей по всему миру имеют свои аккаунты на YouTube. Одна из главных причин, почему YouTube доминирует в отрасли, состоит в том, что он доступен, позволяет легко начать работу и без труда делиться контентом с большой аудиторией. Каждый день люди смотрят миллиард часов видео на YouTube и генерируют миллиарды просмотров. С целью более точного отображения масштаба происходящего отметим, что человеку понадобится примерно 82 года для просмотра видео, загруженного на YouTube за один час.

Если говорить об медиаисследованиях, то в самом начале Интернет вообще был воспринят учеными как враждебная среда, например в работах J. Dim-

nick [1], но впоследствии специалисты сошлись во мнении, что Интернет скорее дополняет медиaprостранство, чем вступает с ним в конфронтацию. Подобную точку зрения можно встретить в работах Е.Л. Варгановой [2], М.М. Лукиной и С.Д. Балмаевой [3], А.А. Амзина [4], С.Л. Уразовой [5]. Особенный интерес исследователей вызывают вопросы медиапотребления. Так, Д.Ю. Кульчицкая, С.А. Варганов, Д.В. Дунас, Е.А. Салихова отмечают, что сегодня процесс потребления медиа становится все более персонализированным [6], а В.П. Коломиец указывает, что потребление медиа в России имеет свои индивидуальные особенности и черты [7]. Трансформацию медиаконтента в цифровую эпоху и изменение медиапотребления с учетом поколенческих особенностей тщательно изучают сегодня как зарубежные [8], так и российские [9–12] ученые.

Сближение разных видов медиа рождает явление «трансмедийной среды». Термин, введенный Г. Дженкинсом, говорит о повествовании, которое происходит на разных платформах с использованием современных цифровых средств [13]. Взаимоотношения традиционных эфирных каналов и их аккаунтов на YouTube и в социальных сетях не раз становились объектом изучения исследователей [14]. Создание профессионального интернет-контента (на примере телеканалов «Дождь» и Russia Today) интересовало А.Г. Верника [15], а В.А. Констатюк рассмотрела YouTube-площадку как новую форму медиатизации [16]. Проводились исследования функционирования традиционных телевизионных каналов в социальных сетях и на YouTube, а также в современном коммуникативном цифровом пространстве [17–19]. Ученые отмечают рост влияния новых платформ, но также говорят о том, что не всегда традиционные медиа оптимально используют новые возможности. «Телевизионные каналы продолжают выстраивать коммуникацию с аудиторией по аналоговому принципу – от вещателя к массам. Довольно редко каналы пытаются привлечь интернет-аудиторию к сотворчеству, используя интерактивную функцию социальных сетей. Аудитория социальных каналов телевизионных сетей часто живет своей жизнью, коммуницируя между собой, пользуясь тем, что комментарии не модерятся телеканалами» [20].

Эпоху интернет-визуальности на примере таких инструментов, как YouTube, Instagram, GIF, Coub изучал А.А. Фокин [21]. Он отмечал, что «YouTube является точкой пересечения профессионального и любительского контента». И если первые используют его как одну из возможностей для распространения своей продукции, то вторые – в качестве медиалифта.

Проблему взаимоотношений телевидения и Интернета осмысливали и практики. Так, в издании Rusbase аналитик А. Белых проанализировала эффективность различных медиаплатформ и предложила практические рекомендации по продвижению бренда на телевидении и в Интернете [22]. В издании Афиша Daily вышел материал журналистки Н. Сотник с заголовком «YouTube против ТВ: как видеоблогеры копают могилу телевидению» [23].

Для того чтобы понять, как трансформируется аудиовизуальный контент в новой технологической среде и, в частности, как российские традиционные СМИ используют видеохостинговую площадку YouTube, кафедра те-

левидения и радиовещания факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова начала комплексное исследование. На локальном этапе были поставлены следующие цели: понять, насколько каналы традиционных российских СМИ понимают механику работы YouTube, как осваивают новую площадку и пытаются адаптировать привычные методы работы с контентом и почему зачастую каналы традиционных СМИ ждет неудача при контакте с интернет-аудиторией.

В результате предварительного этапа было отобрано для анализа 27 российских телевизионных каналов (некоторые из них входят в мультиплексы): «Первый канал», «Россия 24», НТВ, СТС, «Пятница!», «Ю», ТНТ, «Культура», «Спас», «Матч ТВ», РБК, «Документальные проекты. РЕН ТВ», «Пятый канал Россия», TV Center, ОТР, «Домашний», ТВ-3, «Звезда», «МИР 24», Муз-ТВ, «Карусель», «ЧЕ!», «2×2», «Наука 2.0», MTV Russia, «Дождь», RTVI.

Самым популярным YouTube-каналом оказался НТВ – 6 011 786 подписчиков. На втором месте по числу подписчиков СТС – 3 877 780, «Первый канал» на третьем месте – 3 401 817, на четвертом – «Россия 24» – 3 185 490 подписчиков. Больше миллиона подписчиков у каналов «Ю», ТНТ, «Матч ТВ», «Наука 2.0». Канал ОТР скрывает количество своих подписчиков.

Больше всего просмотров набрал трейлер «Большого кино на ТНТ» – «Сумерки. Сага. Рассвет: Часть 2», опубликованный 14 марта 2015 года, – 121 625 688. Более 69 миллионов просмотров у трейлера СТС «Эля и Даня переходят черту», опубликованного 7 ноября 2018 года. Более 45 миллионов у юмористического ролика «Счастливый конец “Проверка зрения”» канала «ЧЕ!», вышедшего 28 декабря 2012 года. 42 076 479 просмотров у трейлера фильма «Титаник», который транслировался на «Первом канале» 21 января 2016 года. Количество откликов (лайков, дизлайков и комментариев) на популярное видео канала далеко не всегда соотносится с количеством просмотров контента. Так, 413 тысяч лайков при практически 35 миллионах просмотров набрал ролик «Ты супер: Диана Анкудинова» канала НТВ. 149 тысяч отметок «нравится» получил заблокированный в результате жалоб пользователей фильм «России 24» «Крым. Путь на родину» 2015 года – его успели посмотреть до блокировки примерно 12 миллионов раз. 112 тысяч лайков у программы 2017 года «Полиглот. Выучим английский» канала «Культура», при этом почти 6 миллионов просмотров. Ведущий – Дмитрий Петров – психолог, синхронный переводчик, преподаватель, автор книги «Магия Слова». В группе обучающихся – 8 медийных персон, в том числе известные актеры.

58 % самых популярных роликов выбранных каналов имеют хронометраж до 5 минут, 19 % – от 5 до 30 минут, больше 30 минут у 23 % самых просматриваемых видео.

Привычные для традиционных СМИ способы обработки и презентации информации становятся менее эффективными. Аудитория традиционных СМИ редееет и стареет, а ее молодая часть уходит в интернет-среду с целью получения информации и ее последующего анализа. Таким образом, с появлени-

ем YouTube традиционные СМИ начали терять целевую аудиторию, не говоря уже о сложностях с привлечением молодого поколения. Данная тенденция происходит по причине неграмотно построенного диалога между аудиторией и традиционными СМИ. Как мы видим, канал коммуникации между ними не проработан.

На большинстве каналов присутствует накрутка просмотров и лайков ботами, вследствие чего видео не выходят в раздел «тренды YouTube» и не становятся вирусными (сервис блокирует подобные методы раскрутки контента, и пользователи его не видят). Вычислить накрутки можно разными способами.

Можно воспользоваться сервисом Social Blade (<https://socialblade.com>), где на графиках видна активность канала в определенный период. Однако зачастую этот сервис актуален для анализа канала только в течение текущего месяца.

Можно обратить внимание на сокрытие разделов «Лайки», «Дизлайки» и «Комментарии». К этому прибегают с целью скрыть накрутку просмотров и избежать провала видео, заведомо зная, что оно будет негативно воспринято аудиторией. Подобную историю мы можем наблюдать на двух видео – «Первого канала» и «России 24». Оба ресурса скрыли комментарии под самыми популярными видео. Примечательно, что «Россия 24» сделала это не только с целью скрыть накрученные просмотры, но и предотвратить негативную реакцию пользователей на свой контент. Обратная ситуация наблюдается у канала «Звезда». Под видео открыты комментарии, но при этом закрыты разделы лайков и дизлайков.

Еще один вариант проверки – сопоставить количество лайков и дизлайков. При естественном росте просмотров и положительном восприятии контента аудиторией соотношение лайков и дизлайков в среднем варьируется в диапазоне 60 на 40. Не бывает такого, чтобы лайки значительно перевешивали дизлайки, даже с учетом лояльной к каналу аудитории. Активную накрутку лайков можно наблюдать на видео канала «Культура» «Полиглот. Выучим английский», где число лайков 112 тысяч, а дизлайков всего 3,5 тысячи. Скорее всего, это было продиктовано целью перехватить аудиторию у других каналов, которые также делают видео, посвященные изучению английского языка.

Следующий шаг – сопоставить количество просмотров и комментариев. Обычно активность под видео (комментарии) в среднем занимает 10 % от количества просмотров при естественном росте. Если число просмотров зашкаливает, а количество комментариев минимально, то в этом случае была накрутка просмотров. К примеру, видео канала ТНТ при 121 миллионе просмотров имеет всего 1732 комментария. Также следует обратить внимание на качество комментариев: если мы видим односложные сообщения общего характера (порой на иностранном языке), то это тоже накрученные ботами комментарии для повышения активности видео. Так, под видео канала СТС пользователь с ником porno proyeck оставил комментарий: «simontok». Добавим, что на накрученные видео иногда попадают реальные пользователи,

также оставляющие комментарии, которые содержат в себе разоблачающий контекст. Под тем же видео канала СТС пользователь CRBAND72 оставил следующий комментарий: «Что за магия? 65 млн просмотров!».

Обращаем внимание и на тему контента: не каждое видео на YouTube может набрать рекордные 1 миллион просмотров и выше. Это должно быть либо нечто новаторское, либо актуальное (продиктованное новостной повесткой и запросами пользователей в определенный период времени). Однако большинство видео, которые мы анализировали, находились вне контекста интересов аудитории YouTube – это были либо трейлеры фильмов и сериалов (трейлер фильма «Титаник»), либо слабо запрашиваемые темы (ролик «Вылез из-под стола прямо во время эфира»). Набрать рекордные цифры просмотров они могли только за счет накруток.

Таким образом, YouTube-каналы традиционных российских СМИ пока не умеют пользоваться инструментами YouTube и не понимают специфики работы с аудиторией на данной платформе. Недостаточно накрутить просмотры и лайки, а также скрыть комментарии, чтобы видео вышло в топ и стало популярным у зрителей. Основная ошибка, которую допускают каналы, – это полное игнорирование YouTube-аудитории. Они не учитывают потенциал равноправной коммуникации с YouTube-зрителями, что является основным двигателем развития канала.

Список литературы

- [1] *Dimmick J.W.* Media competition and coexistence: The theory of Niche. London: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 2003. 145 p.
- [2] *Вартанова Е.Л.* О современном понимании СМИ и журналистики // Медиаскоп. 2010. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru/o-современном-понимании-сми-и-журналистики> (дата обращения: 26.02.2020).
- [3] Как новые медиа изменили журналистику: 2012–2016 / под ред. С. Балмаева, М. Лукина. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. 304 с.
- [4] *Амзин А.А.* Новостная интернет-журналистика. М.: Аспект Пресс, 2011. 142 с.
- [5] *Уразова С.Л.* Конвергенция как фактор жизнеспособности массмедиа в цифровой среде: теоретический аспект // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2011. № 5 (1). С. 287–293.
- [6] *Кульчицкая Д.Ю., Вартанов С.А., Дунас Д.В., Салихова Е.А. и др.* Медиапотребление молодежи: специфика методологии исследования // Медиаскоп. 2019. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2529> (дата обращения: 26.02.2020).
- [7] *Коломиец В.П.* Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе // Социология коммуникаций. 2010. № 1. С. 58–66.
- [8] *Barker M., Turnbull S., Mathijs E.* Editorial Introduction: Participations Mk 2 // Participations. 2014. No. 11 (1). URL: <https://www.participations.org/Volume%2011/Issue%201/contents.htm%20> (дата обращения: 26.02.2020).
- [9] *Круглова Л.А.* Медиапотребление видеоконтента цифровым поколением // Медиаскоп. 2019. Вып. 2. DOI: 10.30547/mediascope.2.2019.2.
- [10] *Вьюгина Д.М.* Интернет в ежедневном медиапотреблении цифрового поколения России // Медиаскоп. 2018. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2475> (дата обращения: 26.09.2019).
- [11] *Вартанов С.А.* Телевизионные измерения в эпоху Big Data: концепции и примеры // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2017. № 3. С. 37–58.

- [12] Лазутова Н.М., Волкова И.И. Этическое и игровое в установках коммуникаторов разных поколений // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). 2013. № 11–1 (38). С. 285–291.
- [13] Jenkins H. Transmedia Storytelling: Moving Characters from Books to Films to Video Games Can Make Them Stronger and More Compelling // *MIT Technology Review*. 2003. URL: <https://www.technologyreview.com/s/401760/transmedia-storytelling/> (accessed: 26.02.2020).
- [14] Stefanone M.A., Lackaff D., Rosen D. The Relationship between Traditional Mass Media and “Social Media”: Reality Television as a Model for Social Network Site Behavior // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2010. No. 54 (3). Pp. 508–525. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/08838151.2010.498851> (accessed: 06.03.2020).
- [15] Верник А.Г. Создание профессионального интернет-контента: российский опыт и сравнительный анализ YouTube-канала «Дождь» // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2014. № 9–2. С. 186–195.
- [16] Констанюк В.А. YouTube: желание в медиа и серийность // *Международный журнал исследований культуры*. 2012. № 3 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/YouTube-zhelanie-v-media-i-seriynost> (дата обращения: 06.03.2020).
- [17] Круглова Л.А., Артес А.С. Телеканалы в эфире и на YouTube: специфика взаимодействия на примере «России К» и ARTE // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 6. С. 139–149.
- [18] Березин В.М., Волкова И.И., Грабельников А.А. Экранная коммуникация в современном информационном обществе. М.: РУДН, 2008. 347 с.
- [19] Ильченко С.Н., Окнер О.А. Телевидение в эпоху интернета. СПб., 2005. 106 с.
- [20] Щепилова Г.Г., Круглова Л.А. Телеканалы и социальные сети: специфика взаимодействия // *Вестник Московского университета*. Серия 10: Журналистика. 2018. № 3. С. 3–16.
- [21] Фокин А.А. Эпоха Интернет-визуальности: YouTube, Instagram, GIF, Coub // *Челябинский гуманитарий*. 2013. № 2 (23). С. 80–86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epoha-internet-vizualnosti-YouTube-instagram-gif-coub> (дата обращения: 06.03.2020).
- [22] Белых А. YouTube vs ТВ: где эффективнее продвигать ваш бренд // *Rusbase*. 08.02.2018. URL: <https://rb.ru/opinion/youtube-vs-tv/> (дата обращения: 06.03.2020).
- [23] Сотник Н. YouTube против ТВ: как видеоблогеры копают могилу телевидению // *Афиша Daily*. 30.09.2016. URL: <https://daily.afisha.ru/brain/3124-YouTube-protiv-tv-kak-videoblogery-korayut-mogilu-televideniyu/> (дата обращения: 06.03.2020).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 ноября 2019 г.

Дата принятия к печати: 16 февраля 2020 г.

Для цитирования:

Круглова Л.А., Коновальцева А.О. Российские телевизионные каналы на платформе YouTube // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 351–359. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-351-359>

Сведения об авторах:

Круглова Людмила Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: abiljo@mail.ru

Коновальцева Ангелина Олеговна, магистр кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: missakroman@icloud.com

Russian television channels on YouTube platform

Lyudmila A. Kruglova, Angelina O. Konovaltseva

Lomonosov Moscow State University
9 Mohovaya St, bldg. 1, Moscow, 125009, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of the activities of Russian television channels on the YouTube site. This is one of the stages of a comprehensive study conducted by the Department of Television and Radio Broadcasting, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University to understand the processes of transformation of audiovisual content in digital space. At this stage, in 2019, July 27 Russian television channels were selected (including channels in Russian multiplexes), their YouTube accounts were analysed, in terms of the number of subscribers and added videos, as well as the most popular video data channels, the audience's reaction to them, monetisation, timing, etc. As a result of the preliminary stage of the study, it was found that on most channels there is a “cheat” of views and likes by “bots”, as a result of which the videos do not go to the YouTube trends section and do not become viral.

Keywords: television, channels, YouTube, media consumption, audience

References

- [1] Dimmick, J.W. (2003). *Media competition and coexistence: The theory of Niche*. London, Lawrence Erlbaum Associates, Publishers.
- [2] Vartanova, E.L. (2010). O sovremennom ponimanii SMI i zhurnalistiki [On the modern understanding of the media and journalism]. *Mediascope*, (1). Retrieved February 16, 2020 from <http://www.mediascope.ru>
- [3] Balmaeva, S., & Lukina, M. (2016). *Kak novye media izmenili zhurnalistiku: 2012–2016* [How new media has changed journalism: 2012–2016]. Ekaterinburg, Gumanitarnyj universitet Publ.
- [4] Amzin, A.A. (2011). *Novostnaya internet-zhurnalistika* [News online journalism]. Moscow, Aspekt Press.
- [5] Urazova, S.L. (2011). Konvergenciya kak faktor zhiznesposobnosti massmedia v cifrovoy srede: teoreticheskij aspekt [Convergence as a factor in the viability of the media in the digital environment: theoretical aspect]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo*, 5(1), 287–293.
- [6] Kul'chickaya, D.Yu., Vartanov, S.A., Dunas, D.V., Salihova, E.A. et al. (2019). Mediapotreblenie molodezhi: specifika metodologii issledovaniya [Media Consumption of Youth: Specificity of Research Methodology]. *Mediascope*, (1). Retrieved February 26, 2020 from <http://www.mediascope.ru/2529>
- [7] Kolomic, V.P. (2010). Mediasreda i mediapotreblenie v sovremennom rossijskom obshchestve [Media environment and media consumption in modern Russian society]. *Sociologiya kommunikacij*, (1), 58–66.
- [8] Barker, M., Turnbull, S., & Mathijs, E. (Eds.). (2014). Editorial Introduction: Participations Mk 2. *Participations*, 11 (1). Retrieved February 26, 2020 from <https://www.participations.org/Volume%2011/Issue%201/contents.htm%20>
- [9] Kruglova, L.A. (2019). Mediapotreblenie videokontenta cifrovym pokoleniem [Media Consumption of Video Content by Digital Generation]. *Mediascope*, (2). DOI: 10.30547/mediascope.2.2019.2.
- [10] V'yugina, D.M. (2018). Internet v ezhednevnom mediapotreblenii cifrovogo pokoleniya Rossii [Internet in the daily media consumption of the digital generation of Russia]. *Mediascope*, (3). Retrieved February 26, 2020 from <http://www.mediascope.ru/2475>

- [11] Vartanov, S.A. (2017). Televizionnye izmereniya v epohu Big Data: koncepcii i primery [Television measurements in the era of Big Data: concepts and examples]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika*, (3), 37–58.
- [12] Lazutova, N.M., & Volkova, I.I. (2013). Eticheskoe i igrovoe v ustanovkakh komunikatorov raznykh pokolenij [Ethical and gaming in the settings of communicators of different generations]. *European Social Science Journal*, 11–1(38), 285–291.
- [13] Jenkins, H. (2003). Transmedia Storytelling: Moving Characters from Books to Films to Video Games Can Make Them Stronger and More Compelling. *MIT Technology Review*. Retrieved February 26, 2020 from <https://www.technologyreview.com/s/401760/transmedia-storytelling/>
- [14] Stefanone, M.A., Lackaff, D., & Rosen D. (2010). The Relationship between Traditional Mass Media and “Social Media”: Reality Television as a Model for Social Network Site Behavior. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 54(3), 508–525. Retrieved March 6, 2020 from <http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/08838151.2010.498851>
- [15] Vernik, A.G. (2014). Sozдание professional'nogo internet-kontenta: rossijskij opyt i sravnitel'nyj analiz YouTube-kanala “Dozhd” [Creating a professional internet-content: Russian experience and comparative analysis of Youtube channel “Dozhd”]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 9–2. Retrieved March 6, 2020 from <https://cyberleninka.ru/article/n/sozдание-professionalnogo-internet-kontenta-rossiyskiy-opyt-i-sravnitelnyy-analiz-youtube-kanala-dozhd>
- [16] Konstatyuk, V.A. (2012). YouTube: zhelanie v media i serijnost' [YouTube: media desire and seriality]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury*, 3(8). Retrieved March 6, 2020 from <https://cyberleninka.ru/article/n/YouTube-zhelanie-v-media-i-serijnost>
- [17] Kruglova, L.A., & Artes, A.S. (2019). Telekanaly v efire i na YouTube: spetsifika vzaimodeystviya na primere “Rossii K” i ARTE [TV channels on the air and on YouTube: specifics of interaction using the example of “Russia K” and ARTE]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 18(6), 139–149.
- [18] Berezin, V.M., Volkova, I.I., & Grabelnikov, A.A. (2008). *Ekrannaya kommunikatsiya v sovremennom informatsionnom obshchestve [Screen communication in the modern information society]*. Moscow, RUDN University Publ.
- [19] Ilchenko, S.N., & Okner, O.A. (2005). *Televideniye v epokhu internet [Television in the era of the Internet]*. Saint Petersburg.
- [20] Shchepilova, G.G., & Kruglova, L.A. (2018). Telekanaly i social'nye seti: specifika vzaimodeystviya [TV channels and social networks: specifics of interaction]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, (3), 3–16.
- [21] Fokin, A.A. (2013). The epoch of internet visuality: YouTube, Instagram, GIF, Coub [The era of Internet visuality: YouTube, Instagram, GIF, Coub]. *Chelyabinsk Humanitarian*, 2 (23). Retrieved March 6, 2020 from <https://cyberleninka.ru/article/n/epoha-internet-vizualnosti-YouTube-instagram-gif-coub>
- [22] Belyh, A. (February 8, 2018). YouTube vs TV: gde effektivnee prodvigat' vash brend [YouTube vs TV: where it is more effective to promote your brand]. *Rusbase*. Retrieved March 6, 2020 from <https://rb.ru/opinion/youtube-vs-tv/>
- [23] Sotnik, N. (September 30, 2016). YouTube protiv TV: kak videoblogery kopayut mogilu televideniyu [YouTube against TV: how video bloggers dig a grave on television]. *Afisha Daily*. Retrieved March 6, 2020 from <https://daily.afisha.ru/brain/3124-YouTube-protiv-tv-kak-videoblogery-kopayut-mogilu-televideniyu/>

Article history:

Received: 15 November 2019

Revised: 20 December 2019

Accepted: 16 February 2020

For citation:

Kruglova, L.A., & Konovaltseva, A.O. (2020). Russian television channels on YouTube platform. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 351–359. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-351-359>

Bio notes:

Lyudmila A. Kruglova, Ph.D., Assistant Professor of the Department of Television and Radio Broadcasting of Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University. E-mail: abiljo@mail.ru

Angelina O. Konovaltseva, master of the Department of Television and Radio Broadcasting of Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University. E-mail: missakroman@icloud.com

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-360-366
UDC 070:7.097

Research article

Drones and media industry

Geetali Tilak

Tilak Maharashtra Vidyapeeth
Vidyapeeth Bhavan, Gultekadi, Pune, 411037, Republic of India

Abstract. Today's world is a techno savvy world. Technology is boon for the mankind. As technology is growing so fast, everyone is using it to enhance the work and same time to reduce the efforts. It is used to help information flow, data transfer, to access, organize and process the data and by many ways. Media industry is also not an exception. Technology plays various roles in media industry like print, broadcast, internet information technology and electronic media. Media industry emerged the new technology with old one to improve performance to make a best out of it. Many technologies used by media industry to capture the news or events, for taking footages and pictures of a breaking news. Recently drone is used widely for reporting and capturing news by the media. There are many synonyms used for drone, for example, unmanned aerial vehicles. This study aims to understand the role of drone in the media industry. It also describes the use of drone in media. This paper describes how the use of drone makes the work easy for the reporters. As every technology comes with some pros and cons so it also discusses benefits and challenges of this technology while using it.

Keywords: information technology, drone aircraft, drones, robotics, the media industry, the media, journalism

Introduction

Every industry in the world is using technology to make their work better and faster. Robotics is a stream of technology which creates many inventions to make the work easy. Drone is a significant creation of robotic technology. It comes in various shape, size, speed and form. "A powered, aerial vehicle that does not carry a human operator, uses aerodynamic forces to provide vehicle lift, can fly autonomously or be piloted remotely, can be expendable or recoverable, and can carry a lethal or non-lethal payload. Ballistic or semi-ballistic vehicles, cruise missiles and artillery projectiles are not considered unmanned aerial vehicles" [1]. Robotics is used in many industries like automobile industry, food industry, logistic industry, etc. Drone is a prodigious invention of technology which increases performance of many sectors. It is called by different names like unmanned aircrafts (UA), unmanned aircraft systems (UAS), remotely piloted aircrafts (RPAs), remotely piloted vehicles (RPVs), unmanned aerial systems (another UAS), unmanned aerial vehicles (UAVs), uninhabited aircraft, drone aircraft, and drones. Drone is invented for taking images and videos,

© Tilak G., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

logistic and transport, etc. Initially drone was developed to serve military, to collect information about opponent defense force and to perform many operations against terrorist and opponent armies. Even it is used by the government to do patrolling on the border to maintain law and order and to gather sensitive information. In India “state authorities also deployed networked drones at the Kumbh Mela in 2014. Similarly, Airpix partnered with Mumbai police this year to provide the latter data and feeds last year’s Ganesh Chaturthi processions” [1]. It is a mini aircraft controlled by the onboard computers or remote controlled by a human pilot. It is initially used in military but nowadays it is also used commercially. Commercially it is used for security, agriculture, inspection, land survey, delivery and many more. With the help of drone we are able to do more accurate work in less time. It is increasing output, work effectiveness, decreasing production cost and load, improving accurateness.

Types of drones [2] as per Directorate General of Civil Aviation, India (DGCA): Nano (weigh up to 250 grams), Micro (250 g to 2 kg), Mini (2 kg to 25 kg), Small (25 kg to 150 kg), Large (weigh more than 150 kg). There are advantages of drones with some disadvantages which are listed below.

Advantages of Drone

- As drone is in light in weight and operated remotely, it can reach at unreachable areas quickly.
- Drones are very cheaper compared to helicopters. Operational costs are expressively lesser compared to manned aircrafts. Renting helicopters are more expensive affair compared to drone.
- Drone is very safe in the difficult situations like flood, earthquake, fire, etc. It is a very safer option in such situations. Without direct presence of a person in affected geographical area it will give the footage of the situation of disaster and able analyze it from remote place.

Challenges of Drone

- As drone can fly directly anywhere even in the property of other people, it may cause the privacy violation by the user. As many laws are there regarding drone so violation of these regulation may cause the legal matters.
- Different nations are studying and doing research on how to normalize air safety ethically and legally. Not only for the violation of commercial airspace but also for public safety.
- There is a need of a trained operator for the great quality, so there is a need to provide training to the drone user.
- People perception about drone is negative as they think it violate their privacy. It has a negative impact on people.
- There is an operational risk and hazards as drone can crash into building or people. This may cause injuries or damages. High risk involves in using of drones. It may fall from a great height due to battery discharge, injury triggered by weather conditions, striking in a hindrance (tree, building, high-voltage line). These risks are predictable so it is possible to avoid these situations.

Reporters carry a tool kit to capture news, it content many devices, which is necessary to yield news. One more sophisticated and high-tech device is added into this list and that is drone. Nowadays drone is a very popular topic in media [3–11].

These tiny aircrafts is allowing reporter to capture news like never before. These aircrafts are very small in size, affordable and even user friendly. Drones have great prospective in journalism, extending from disaster coverage to protests, traffic reports, and even for sport events. “Operational, technological and economic issues outline the practical dimensions of Drone Journalism that are considered very important for all professional media organization, freelancers drone hobbyist and citizen journalists” [12]. As it is user friendly and easy to operate it is now very much in demand for the reporters. Funaster and Quidich are two Indian startups that now extensively provide different kinds of media services based on drones and UAVs. Quidich also had a tie-up with Indian media house Headlines Today to cover election rallies and events in various cities like Varanasi, Muzaffarnagar, Vadnagar and Amethi [1].

Reporter used drone for data gathering, reporting and broadcasting. Especially drone is very useful to capture and share the breaking news. “Waite said he expects local and national broadcast television to emerge as the early leader in Drone Journalism, but eventually daily newspapers and data journalists will be able to get the most effective use from drones” [13].

Drone is a more and more prevalent tool in media across the world. In media industry, journalist use drone to capture the event like natural disaster, manufactured disaster and many more. Previously if reporter wants to take the aerial view then they have to capture the event with the help of helicopter, which is now very easy with drone. Use of helicopter is very expensive and time consuming. With the help of drone taking an aerial view is cheaper and not even risk in case of risky situations. The role of media is very important in common people. So the authenticity and the fast coverage of the news are very important with respect to breaking news.

There are some drawbacks of drones which are listed above have effect on the reporters coverage and the activities which they captured with the help of drone. As we know that these small aircrafts are lighter in weight so they are able fly very easily but some time we have to installed and embedded with some instruments if needed like camera, mike, Global Positioning System (GPS), computer systems, spa rays, etc. “As weight increases, the safety precautions become more important for all the operating users, the public and the drone equipment itself. Therefore, dedicated know-how is needed for controlling UAVs in real newsgathering situations, for carefully scheduling proper operation and maintenance of all the involved systems before, during and after the flight. This technical, procedural and operational expertise is necessary to the new journalists that will play the roles of drone commanders (PIC) and observers” [12].

These aircrafts can damage or caused injury if it is not handled properly. As these is predictable and avoidable situation, still remote pilot has to take care of that this should not happen. As per research scholar Ángeles Fernández Barrero “it is ideal for obtaining panoramic views and tracking, thus providing viewers with striking visual information (demonstration, protests, etc.). These images can be captured from different perspectives, angles, and altitudes by using more than one drone, which could also be useful for sports broadcasting. However, filming inhabited areas has been restricted by law until only very recently, and television stations and operators are still cautious about public safety issues” [14].

As we already elucidated, two main drone advantages, exclusively when equated to helicopters in thorough newsgathering circumstances, is convenience and cheaper. This is very imperative seeing that this technology is still growing and, in no case, it can be painstaking at the same mellowness with the helicopters. Among the concerns that have not been correctly established yet it can be deliberated the ethical implications that are related to journalism ethics concern with privacy and security, same time with their place into an integrated governing outline. While a worldwide-adopted regulatory framework is missing, there is detected a methodical effort for many states or countries to settle legal matters related to Drone Journalism. “The use of drones, officially recognized by the Federal Aviation Administration (FAA) as Unmanned Aircraft Systems (UASs), to capture video has become popular among hobbyists – but FAA regulations currently prohibit the commercial use of drones, with few exceptions. Congress mandated a 2015 deadline for the FAA to announce regulations, which would integrate commercial drones into the National Airspace System (NAS.) The FAA released a proposal in January of 2015, and solicited public suggestions for changes. The deadline for comment was April 24, 2015. Now, the FAA has begun a review process, to determine a final set of regulations. This review process could take several years” [15].

Research methodology

As media used many technologies to enrich the work, drone technology is one of that. This paper discuss about role of drone in media journalism. At the time of any disaster (it can be natural or man-made) situation or any event broadcasting drone is used to capture the video footage or to click images of the event. Secondary data is used and studied here to do illustration of conclusion for this topic.

- *Research Design* is a detailed plan of action for the research. It contributes the blue print for collection, measurement, tabulation and analysis of the data. Historical research turns history or the past to study the patterns, their impact on the present, process and so on. In this sense, this research can be termed as a historical research.

- *Research Instrument* – this research is based on the secondary data. In addition, the secondary data has been collected from different types of sources as literature reviews, research papers, books, articles, journals and websites.

- *Research Area* – this study is on media using drone technology for covering news and taking photos/images.

Data collection

For this paper data is collected from various newspaper article, magazines, research papers, journals, websites, books, etc. Most of the literature is there on the rules and regulation with privacy polices of drones. As law with respect to drones is not clear, many authors studied about FAA rules and regulation. FAA is still working on the law for using drones with other government bodies. As these aircrafts are boon for the media industry, some researchers studied the use of it in their own constitution. Data propose that the literature miscarries to study various applications of drones and it utilization, it also fail to recognize the application or operational problem faced by the user while taking report.

Analysis

This study proposes to discover the impact of the role of drone in media industry. This encompasses comprehensive analysis of how the media used drone to accelerate news capturing and broadcasting. In fact, how drone is used to get content of news in media and controls the reach of the breaking news with the help of drone. In this research the data is composed via the secondary source. The data is poised and studied by literature review for understandable form. This study will take a research scholar one step ahead w.r.t. this topic.

Conclusion

Because of its size it can functions in insignificant time. High value of documentary content is provided by a drone which has a great impact on the news credibility specifically in the case of breaking news. Drone is very helpful tool for reporters to obtain video footage and photos of the disasters like natural disasters – earthquake, hurricanes or floods, etc. or man-made disasters – dumping or forest fires, etc. where it is difficult for them to reach without putting their and their team's lives at risk. While using drones reporter's life is not on stake and they can take footage very safely from the remote place. Hiring a helicopter is more time consuming and costly affair. Taking footage from a helicopter is also risky. Reporter need to be present on the site.

As these drones have advantages it also has some disadvantages/challenges. While using it as reporting tool in their tool kit reporter has to aware about these drawbacks. Especially reporters need to study the privacy and legal things regarding theses drones.

Performance of the drone is depends on many parameters like weather conditions, remote operation range, Wi-Fi status and reliance and many unexpected situations. Damage may occur because of loose of control, bad weather conditions and many more, but these are predictable situations so it can be avoid by the user. Safety and privacy are most important concern of these aircrafts. FAA and other government bodies are trying to build a law and regulation regarding these aircrafts. Despite of all these issues it now one of the favourite tool of reporters. "The Indian government has also specified certain areas that will remain out of reach for drones. Drones are not permitted to be flown within 5 km radius of an operational airport, 50 km radius of international border including Line of Control (LOC) and 5 km radius around New Delhi's Vijay Chowk, as a few examples. Also flying over densely populated areas affecting public safety, over eco-sensitive areas like national parks and wildlife sanctuaries is also punishable. Under such strict laws the use of drones for scientific tasks is not barrier free and requires several permissions" [2].

Limitations

As this study is not based on a primary data, so to understand the actual use of drone in media and problem faced by the reporters while using it practically is quite tough. As every nation have a different laws regarding drone other than FAA it is again difficult to study real time situation of reporters while facing it without primary data. This report could be used as a first step concerning constructing a theoretical structure. As new versions of drone are coming in market continuously so the data regarding drones are not easily available.

Topics for further research

Survey can be done regarding safety, conflict and privacy of the drone and its applications use by the reporters who use these drones for reporting or for capturing video footage and photos. Knowing the all above limitations, media/reporter must keep positive view that the FAA will arise to agreement on rules and regulations to use of drones by reporters available. It also can studied that keeping these drones with reporters tool kit is safe or not and even the privacy issues of the drone can be study in detail which is a totally different topic.

References

- [1] Swaminathan, R. (n.d.). Drones & India: Exploring Policy and Regulatory Challenges Posed by Civilian Unmanned Aerial Vehicles. *Observer Research Foundation*. Retrieved November 30, 2019 from https://www.orfonline.org/wp-content/uploads/2015/02/OccasionalPaper_58.pdf
- [2] Geographic information systems. (May 30, 2018). *Regulations Affecting the Use of Drones in India*. Retrieved November 20, 2019 from <https://www.gislounge.com/regulations-affecting-use-drones-india/>
- [3] Kardasz, P., Doskocz, J., Hejduk, M., Wiejkut, P., & Zarzycki H. (2016). Drones and Possibilities of Their Using. *Journal of Civil and Environmental Engineering*, 6(3), 633.
- [4] Stöcker, C., Bennett, R., Nex, F., Gerke, M., & Zevenbergen, J. (2017). Review of the Current State of UAV Regulations. *Remote Sensing*, 9(5), 459.
- [5] The security impact of drones: Challenges and opportunities for the UK. (October 2014). *Birmingham Policy Commission Report. Executive Summary*. Retrieved November 30, 2019 from <https://www.birmingham.ac.uk/Documents/research/policycommission/remotewarfare/executive-summary-october-2014.pdf>
- [6] *DroneZon: Drones, Drone Technology, Knowledge, News & Reviews*. (n.d.). Retrieved November 30, 2019 from <http://www.dronezon.com/learn-about-drones-quadcopters/what-is-drone-technology-or-how-does-drone-technology-work/>
- [7] *What is a drone?* (n.d.). Retrieved November 30, 2019 from <https://edu.gcfglobal.org/en/thenow/what-is-a-drone/1/>
- [8] Lavandier, A.-M., & Larnerd, C.-P. (December 17, 2016). *How Drones Can Influence the Future of Journalism*. Retrieved November 20, 2019 from <https://medium.com/journalism-innovation/how-drones-can-influence-the-future-of-journalism-1cb89f736e86>
- [9] Unravelling the Future Game of Drones: Can they be legitimized? (2018). *Nishith Desai Associates*. Retrieved November 30, 2019 from http://www.nishithdesai.com/fileadmin/user_upload/pdfs/Research%20Papers/Unravelling_The_Future_Game_of_Drones.pdf
- [10] Usha Rani Das. (June 19, 2015). How drones changed the face of Journalism. *Business Insider India*. Retrieved November 30, 2019 from <https://www.businessinsider.in/how-drones-changed-the-face-of-journalism/articleshow/47735970.cms>
- [11] Parmar Tekendra. (December 4, 2014). *Drones in India*. Retrieved November 30, 2019 from <https://dronecenter.bard.edu/drones-in-india/>
- [12] Ntalakas, A., Dimoulas, Ch., Kalliris, G., & Veglis, A. (2017). Drone Journalism: Generating Immersive Experiences. *Journal of Media Critiques*, 3(11), 189.
- [13] Etzler, A. (September 12, 2016). *Dronalism: Exploring the Use of Drones in Journalism*. Retrieved November 20, 2019 from <https://www.newsmediaalliance.org/technology-use-drones-journalism/>
- [14] Fernández Barrero, M.A. (2018). Journalism and drones. Challenges and opportunities of the use of drones for informative narration in Spain. *Doxa Comunicación*, (26), 35–58.
- [15] Carroll Robert, L. (2015). *God's Eye News: The Use of Drones in Journalism: A documentary film* (A Thesis Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Science). School of Communication, Illinois State University.

Article history:

Received: 22 November 2019

Revised: 24 December 2019

Accepted: 29 December 2019

For citation:

Tilak, G. (2020). Drones and media industry. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 360–366. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-360-366>

Bio note:

Geetali Tilak, Professor of the Department of Mass Communication, Dean of Faculty of Modern Sciences & Professional Skills of Tilak Maharashtra Vidyapeeth. E-mail: geetali.tilak@gmail.com

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-360-366

Научная статья

Дроны и медиаиндустрия

Г. Тилак

Тилак Махараштра Видьяпееет

Республика Индия, 411037, Гултекади, Пуна, Видьяпееет Бхаван

Аннотация. Сегодняшний мир – это мир стремительно развивающихся технологий. Они используются для обработки информации, передачи данных и оптимизации доступа к ним. Технологии играют важнейшую роль в медиаиндустрии, кардинально трансформируя прессу, вещание и электронные средства массовой информации. Инновационные решения применяются в журналистике для сбора фактов, наблюдения за событиями, получения уникального видеоматериала. Данное исследование посвящено роли дронов (беспилотных летательных аппаратов) в медиаиндустрии. Описывается использование дронов в СМИ для облегчения работы репортеров. Поскольку любая технология имеет свои плюсы и минусы, в статье обсуждаются преимущества и проблемы беспилотных летательных аппаратов.

Ключевые слова: информационные технологии, беспилотные летательные аппараты, дроны, робототехника, медиаиндустрия, средства массовой информации, журналистика

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 22 ноября 2019 г.

Дата принятия к печати: 29 декабря 2019 г.

Для цитирования:

Tilak G. Drones and media industry // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 360–366. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-360-366>

Сведения об авторе:

Тилак Гетали, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций, декан факультета современных наук и профессиональных навыков Тилак Махараштра Видьяпееет. E-mail: geetali.tilak@gmail.com

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-367-373
УДК 81'1+070.1

Научная статья

Создание образа в рекламных текстах на рынке недвижимости

Д.С. Скнарев, Е.В. Музыкант

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Аннотация. В статье представлены некоторые результаты изучения специфики рекламного образа в маркетинговых коммуникациях (на примере российской рекламы жилой недвижимости). Материалом для исследования послужила печатная и интернет-реклама, а также сайты строительных компаний, жилых кварталов. Для достижения цели использовались аналитико-теоретический, системный, прагматический методы, методы сплошной выборки языковых средств, приемов и текстовых единиц маркетинговых коммуникаций, создающих образ товара, и семантической интерпретации и идентификации, опрос. В ходе анализа было обнаружено, что в создании образа жилой недвижимости в маркетинговых коммуникациях наиболее продуктивны бренд-неймы, эпитеты, метафоры и фразеологизмы. Реклама продуктов рынка недвижимости в целом вписывается в концепцию социально-этичного маркетинга, когда образ товара выходит за рамки стандартного потребления и сам становится медиа, создавая новую коммуникацию.

Ключевые слова: маркетинговые коммуникации, прагматика, реклама жилой недвижимости, рекламный образ, языковые средства

Современные исследователи, в том числе М.В. Ягодкина, Е.В. Куликова, В.В. Зирка [1–3], определяют рекламу как системное явление, включающее в себя комплекс взаимовлияющих друг на друга элементов. Важнейшую роль в этих процессах играет рекламный образ, который представляет для потенциального покупателя новую информацию о продукте и его значимых качествах, воплощенную в конкретных визуальных и вербальных формах.

Система рекламных образов воплощена в пределах определенной рекламной коммуникации (рекламного обращения, рекламного текста и т. д.), при этом эффективный образ предмета рекламы (товара, услуги, фирмы и др.) создается на базе визуальных (дизайнерских) и вербальных (языковых) компонентов. В таком случае можно говорить о креолизованном рекламном образе, сочетающим в себе вербальную и визуальную составляющие. Визуальный образ предмета рекламы дополняется вербальным образом, разрабатывая который копирайтеры обращаются к словам-образам. Они складываются впоследствии в заголовки, слоганы, информационные блоки и другие элементы композиции, формирующие тексты маркетинговых коммуникаций.

© Скнарев Д.С., Музыкант Е.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Образность речи – одно из наиболее сильных средств воздействия в тексте маркетинговых коммуникаций: «образное слово обладает способностью воздействовать на чувство, на выражение» [4. С. 32].

Рекламная коннотация, создаваемая различными языковыми средствами, приемами и текстовыми единицами маркетинговых коммуникаций (бренд-неймом, заголовком, слоганом и др.), связана с прагматическими свойствами текста. Прежде чем принять решение о покупке, потребитель должен одобрить продвигаемый товар, поэтому рекламный образ-коннотат нацелен на положительное восприятие информации целевой аудиторией. Например, в рекламе жилой недвижимости важным будет расположение дома, инфраструктура рядом, экологическая чистота района. Если покупатель товара или услуги не определен, придется воздействовать на очень широкий круг получателей информации, поэтому необходимо четко представить группу будущего воздействия и выбрать соответствующие аргументы.

Потребители среднего возраста обычно располагают средствами, которые активно тратят на себя и семью. Как правило, именно они интересуются недвижимостью. По статистике, женщины более проницательны, чем мужчины: перед тем как купить что-либо, они рассматривают множество вариантов, принимая во внимание различные факторы. Наблюдения показывают, что при оценке рекламного продукта женщины часто руководствуются эмоциями, в то время как мужчины нацелены на рациональную мотивацию. Мужчины и женщины воспринимают покупку жилой недвижимости по-разному. Дом для мужчины – это прежде всего символический образ Матери, спокойное и уединенное место, где можно отдохнуть после трудного рабочего дня. Для женщины дом – это образ самой себя, поэтому она часто относится к тому, что в нем происходит, как к развитию и выражению собственной личности.

Цель исследования – выявление специфики рекламного образа в маркетинговых коммуникациях на материале рекламы недвижимости. В картотеке исследования пятьсот текстов маркетинговых коммуникаций, контент ста сайтов строительных компаний и жилых кварталов.

Реклама строительных компаний и рынок недвижимости изучаются в контексте разных наук: филологической (П.А. Манянин [5], Е.Н. Безручко [6]), экономической (Е.Б. Ардемасов [7], А.Ю. Кленин [8], Д.С. Гупта [9]), маркетинговой (В.Л. Музыкант [10] и др.), социологической (С.Я. Сухарев [11] и др.), психологической (О.В. Баранник [12]).

Как правило, образ жилой недвижимости продвигают в социальных сетях, на интернет-сайтах, в наружной и транзитной рекламе, рекламе в прессе – продвижение товара представляет собой многоступенчатый процесс с использованием всех современных видов маркетинговых коммуникаций, которые выстраиваются с учетом специфики бизнеса.

Образ строительной компании выступает своего рода образом потребителя рекламируемого товара, что свидетельствует об антропоцентрическом характере маркетинговой коммуникации. В связи с этим особое значение приобретает правильное рекламное послание. Например, «Выбирай любой город – живи в Москве» (жилой комплекс «Эталон-Сити»). Это рекламный слоган жилого комплекса, расположенного в районе Южное Бутово и выполненного в стиле кругосветного путешествия. В архитектуре и дизайне комплекса от-

ражено все лучшее из самых интересных городов мира. Каждый дом обладает неповторимостью. Узнаваемые черты различных городов мира (Токио, Барселоны, Чикаго, Парижа, Ниццы и др.) прослеживаются не только в фасадах зданий, но и получают свое воплощение в отделке общественных зон и ландшафтном дизайне окружающих пространств. Особенностью проекта стали фасады башен «Токио», созданные по мотивам гравюры японского художника Кацусики Хокуся «Большая волна в Канагаве».

О башнях «Токио» как о достопримечательности района написал мэр Москвы в Твиттере. В японской газете «Tokyo Shimbun» вышла статья, посвященная строительству башен «Токио» в Москве [13].

Отметим, что наиболее часто в рекламе жилой недвижимости используются заголовки (обычно это рекламный слоган) и информационный блок. Важно визуальное представление о товаре с привлечением посредника для организации эффективной коммуникации с потребителями. В роли рекламных посредников выступают представители целевой аудитории. Так, наиболее часто можно встретить образы счастливых семей (родителей с детьми, бабушек и дедушек с внуками), получивших квартиру мечты. Также посредниками выступают образы строителей – экспертов-профессионалов, гарантирующих качество и надежность предоставляемой услуги. Иногда в роли посредников в коммуникации с потребителями используются знаменитости. Например, телеведущий Александр Пушной (жилой комплекс «Галилео»), актер Андрей Бурковский (строительная компания «А101»).

Чаще всего реклама строительных компаний и жилых кварталов использует пейзажные фотографии, животных (в основном птиц – уток, журавлей, лебедей), фото фасадов построенных зданий.

В системе образов строительной компании важным остается образ лидера, руководителя организации. Как правило, данный рекламный образ не встречается в рекламных текстах, но присутствует в каталогах, буклетах, проспектах, на сайтах строительных компаний. Так, для продвижения группы «Эталон» значим образ ее основателя Вячеслава Заренкова, председателя совета директоров.

При изучении рекламного образа в текстах о недвижимости был проведен опрос целевой аудитории. Участие в нем приняли 890 человек в возрасте от 25 до 65 лет – приобретатели жилья на рынке Москвы. Опрос респондентов проводился с помощью анкетирования в местах продаж. Их вниманию была предложена анкета, в которой были выборочно указаны названия компаний, функционирующих на столичном рынке строительных услуг. Участники опроса должны были оценить привлекательность двадцати неймов – образов строительных компаний. Учитывались следующие критерии: маркетинговый (известность фирмы, ее позиционирование, репутация организации, качество оказываемых услуг) и культурно-речевой (звучание слова, ассоциации, семантика). В пятерке самых эффективных рекламных образов, по мнению покупателей, оказались группа компаний «Пик» (25 %), «Ingrad» (20 %), «А101 Девелопмент» (18 %), «Донстрой» (15 %), группа компаний «Эталон» (10 %). Трансляторами неэффективных рекламных образов оказались «Самолет Деволупмент» (5 %), группа компаний «Пионер» (3 %), «Крост» (2 %), «Лидер-Инвест» (1,5 %), «Абсолют Недвижимость» (0,5 %).

Среди языковых средств создания рекламного образа наиболее продуктивны бренд-неймы, эпитеты, метафоры и фразеологизмы. Случаи использования других языковых средств (сравнений, олицетворений, каламбуров и др.) в рекламе жилой недвижимости редки.

Прежде всего, в текстах маркетинговых коммуникаций (рекламе жилой недвижимости) основное внимание уделяется коммерческому названию. Как правило, это бренд-нейм жилого квартала (комплекса). Название строительной компании упоминается, но набирается мелким шрифтом. Весьма эффективны бренд-неймы, наполненные эмоциональными мотивами: «Синяя птица», «Журавли», «Белые росы», «Березки», «Алые паруса», «Счастье», «Серебряный фонтан», «Белые ночи», «Сказочный лес», «Залесье», «Вишневая горка». Они вызывают положительные ассоциации в сознании потребителей. Среди наименований жилых кварталов весьма продуктивны топонимы: «Октябрьское поле», «Москва», «Рублевский», «Дом на Киевской», «Иркутский дворик».

В наименовании строительных организаций используются рациональные мотивы, бренд-неймы конкретны и обстоятельны: «Стройком», «Домострой», «Стройсервис», «Стройхаус», «Славянская строительная компания», «Стройпанорама», «Донстрой». Встречаются и образные названия, хотя они используются в редких случаях: «Монолит», «Эталон», «Горизонт+», «Пик».

В рекламе жилой недвижимости распространены эпитеты (30 % из числа изученных): *«надежный застройщик – счастливые покупатели», «надежные дома для спокойной жизни», «удобно, надежно, красиво, честная строительная компания», «хороший дом – это просто», «здоровая жизнь в здоровом доме», «живые районы, живые квартиры», «активный микрорайон», «доступное жилье в элитном районе», «замечательный облик семейной жизни», «головокружительные виды».*

В создании рекламных образов строительных компаний и жилых кварталов актуальны метафоры (15 %): *«возвращение жилой легенды», «новый уровень вашей жизни», «время перемен», «новый уровень комфорта», «светлый мир», «выбор самой природы», «островок спокойствия в океане суеты», «современный аристократ».*

Фразеологизмы наиболее эффективны в создании рекламного образа жилой недвижимости (35 %): *«квартиры исчезают на глазах», «воплотим ваши идеи в жизнь», «ваш дом в самом сердце природы», «счастье выше облаков», «лучшее место над землей», «окупись в сказку», «стройте планы, стройте дом», «жизнь как по нотам», «обретая любовь, живите первым классом», «возьми свою высоту», «строим вдохновение», «дышите полной грудью», «бизнес-класс для людей высокого полета», «наслаждаться жизнью высокого класса».*

Среди языковых приемов создания рекламного образа часто используется рифма. Например: *«Молодой и энергичный? Для тебя есть дом отличный!»*, *«на Киевской поселиться – молодой семье веселиться», «не успеешь оглянуться, все квартиры разойдутся».* Изредка встречается анафора: *«твоя жизнь, твой капитал», «Выбирай новые высоты. Выбирай Idel!».*

Возможны акцент на рациональные соображения целевой аудитории (*«надежные дома для спокойной жизни»*), позиционирование с точки зрения спектра предложений и качества работы (*«от простого до царского», «искусство строить»*), ставка на эмоциональные факторы (*«лучшее для лучших»*).

Проведенный опрос показал, что знакомясь с информацией, представленной в текстах маркетинговых коммуникаций, потребители обращают внимание на бренд-неймы и слоганы. Их привлекает название жилого комплекса, в котором они будут жить. Затем они анализируют нейм строительной компании. После чего обращают внимание на рекламный призыв и аргументы, представленные в рекламном тексте.

Если говорить о мотивации, то первенство отдается эмоциональным мотивам. Именно они привлекают внимание к рекламному образу жилой недвижимости. Затем подключается рациональная мотивация: потребитель, всесторонне оценивая представленный рекламный образ, определяет для себя его значимость и ценность.

Подводя итог, отметим, что реклама продуктов рынка недвижимости является частью социально-этичного маркетинга, когда образ товара выходит за рамки стандартного потребления и сам становится медиа, создавая новую коммуникацию.

Список литературы

- [1] Ягодкина М.В., Иванова А.П., Слестушинская М.М. Реклама в коммуникационном процессе. СПб.: Питер, 2014. 304 с.
- [2] Куликова Е.В. Языковая специфика рекламного дискурса // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. Искусствоведение. 2008. № 4. С. 197–205.
- [3] Зирка В.В. Манипулятивные игры в рекламе: лингвистический аспект. М.: Либроком, 2010. 256 с.
- [4] Аникина А.Б. Образное слово в художественном и публицистическом произведении. Вопросы стилистики текста. М.: Изд-во «ВК», 2005. 216 с.
- [5] Манянин П.А. Аргументативно-синтаксическая структура газетного рекламного текста: коммуникативный аспект (на материале рекламы недвижимости и риэлторских услуг): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 19 с.
- [6] Безручко Е.Н. Особенности языка рекламы архитектурно-строительной и дизайнерской тематики: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2006. 21 с.
- [7] Ардемасов Е.Б. Методология организации маркетинговой деятельности и поведения потребителей на рынке недвижимости: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2005. 42 с.
- [8] Кленин А.Ю. Обеспечение конкурентоспособности предприятия жилищного строительства на основе комплексной маркетинговой стратегии: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2008. 16 с.
- [9] Гупта Д.С. Совершенствование управления развитием рынка недвижимости в экономике региона: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2013. 18 с.
- [10] Музыкант В.Л. Реклама в действии: стратегии продвижения. М.: Эксмо, 2009. 240 с.
- [11] Сухарев С.Я. Реклама на региональном рынке недвижимости: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Тюмень, 2006. 25 с.
- [12] Баранник О.В. Социально-психологические условия эффективности рекламной деятельности в сфере жилищного строительства: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. 27 с.
- [13] Рисунки Хокусая на высотах в Москве; рост популярности японской культуры // Tokyo Shimbun (Япония). URL: <https://inosmi.ru/social/20190303/244648442.html> (дата обращения: 13.03.2020).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 22 января 2020 г.

Дата принятия к печати: 10 апреля 2020 г.

Для цитирования:

Скнарев Д.С., Музыкант Е.В. Создание образа в рекламных текстах на рынке недвижимости // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 367–373. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-367-373>

Сведения об авторах:

Скнарев Дмитрий Сергеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Юридического института Российского университета дружбы народов. E-mail: sknar@list.ru

Музыкант Елизавета Валерьевна, магистр кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: kmk-phil@yandex.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-367-373

Research article

Creating an image in real estate advertising texts

Dmitry S. Sknarev, Elizaveta V. Muzykant

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
10 Miklukho-Maklaya St, bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. This article presents some results obtained in the study of the advertising image characteristics in marketing communications (on the example of Russian residential real estate advertising). The study materials present print media advertising and online advertising, as well as construction companies and residential areas websites. To achieve the goal, a survey, analytical, theoretical, systemic, pragmatic methods, as well as methods of continuous sampling of linguistic means, techniques and units from marketing communications texts that create an image of a product, and of semantic interpretation and identification were used. The analysis revealed that brand names, epithets, metaphors and phraseological units are the most productive in creating the image of residential real estate in marketing communications. The concept of social and ethical marketing integrates advertising of real estate marketing products, when the product image goes beyond consumption standards and becomes media itself, creating a new communication.

Keywords: marketing communications, pragmatics, residential real estate advertising, advertising image, linguistic means

References

- [1] Yagodkina, M.V., Ivanova, A.P., & Slastushinskaya, M.M. (2014). *Reklama v kommunikatsionnom protsesse [Advertising in communication]*. Saint Petersburg, Piter Publ.
- [2] Kulikova, E.V. (2008). Yazykovaya spetsifika reklamnogo diskursa [Linguistic aspects of advertising discourse]. *Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Philology. Art History*, (4), 197–205.
- [3] Zirka, V.V. (2010). *Manipulyativnye igry v reklame: lingvisticheskiy aspekt [Linguistic aspect of manipulative games in advertising]*. Moscow, Librokom Publ.
- [4] Anikina, A.B. (2005). *Obraznoe slovo v khudozhestvennom i publitsisticheskom proizvedenii. Voprosy stilistiki teksta [Metaphoric words in literary and journalistic works. Text stylistics]*. Moscow, VK Publ.

- [5] Manyanin, P.A. (2007). *Argumentativno-sintaksicheskaya struktura gazetnogo reklamnogo teksta: kommunikativnyi aspekt (na materiale reklamy nedvizhimosti i rieltorskikh uslug* [The argumentative and syntactic structure of newspaper advertising texts: The communicative aspect as exemplified by real estate and realtor advertisements] (extended dissertation abstract, Doctor of Philology). Barnaul.
- [6] Bezruchko, E.N. (2006). *Osobennosti yazyka reklamy arkhitekturno-stroitelnoy i dizaynerskoy tematiki* [Specificities of the architectural, construction and designer advertising language] (extended dissertation abstract, Candidate of Philology). Rostov-on-Don.
- [7] Ardemasov, E.B. (2005). *Metodologiya organizatsii marketingovoy deyatel'nosti i povedeniya potrebiteley na rynke nedvizhimosti* [Methodology for organizing marketing activities and consumer behavior in the real estate market] (extended dissertation abstract, Doctor of Economics). Saint Petersburg.
- [8] Klenin, A.Yu. (2008). *Obespechenie konkurentosposobnosti predpriyatiya zhilishchnogo stroitel'stva na osnove kompleksnoy marketingovoy strategii* [Competitiveness of house development companies based on the comprehensive marketing strategy] (extended dissertation abstract, Candidate of Economics). Saint Petersburg.
- [9] Gupta, D.S. (2013). *Sovershenstvovanie upravleniya razvitiem rynka nedvizhimosti v ekonomike regiona* [Improving real estate market development in regional economics] (extended dissertation abstract, Candidate of Economics). Saratov.
- [10] Muzykant, V.L. (2009). *Reklama v deystvii: strategii prodvizheniya* [Advertising at work: Promotion strategies]. Moscow, Eksmo Publ.
- [11] Sukharev, S.Y. (2006). *Reklama na regional'nom rynke nedvizhimosti* [Advertising in the regional real estate market] (extended dissertation abstract, Candidate of Sociology). Tyumen.
- [12] Barannik, O.V. (2005). *Sotsialno-psikhologicheskie usloviya effektivnosti reklamnoy deyatel'nosti v sfere zhilishchnogo stroitel'stva* [Socio-psychological conditions for effective advertising in residential development] (extended dissertation abstract, Candidate of Psychology). Moscow.
- [13] Tokyo Shimbun (Japan). (March 3, 2019). *Risunki Hokusaya na vysotkakh v Moskve: rost populyarnosti yaponskoy kultury* [Hokusai painted on Moscow high-rises and increased popularity of Japanese culture]. Retrieved March 13, 2020 from <https://inosmi.ru/social/20190303/244648442.html>

Article history:

Received: 22 January 2020

Revised: 2 March 2020

Accepted: 10 April 2020

For citation:

Sknarev, D.S., & Muzykant, E.V. (2020). Creating an image in real estate advertising texts. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 367–373. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-367-373>

Bio notes:

Dmitry S. Sknarev, Doctor of Philology, Professor of the Department of the Russian Language of Institute of Law of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: sknar@list.ru

Elizaveta V. Muzykant, master of the Department of Mass Communications of Philological Faculty of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: kmk-phil@yandex.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-374-378
УДК 882.09-93(09)

Рецензия

**Приключения филолога,
или Несколько слов о книге Михаила Голубкова
«Юрий Поляков: контекст, подтекст, интертекст
и другие приключения текста. Ученые (и не очень)
записки одного семинара». М.: АСТ, 2020. 256 с.**

Е.А. Коршунова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

Аннотация. В рецензии анализируется издание, вышедшее к юбилею русского писателя Ю.М. Полякова. Сборник с подзаголовком «Ученые (и не очень) записки одного семинара», кажется, не соответствует канонам коллективной монографии. Он построен в форме диалога руководителя научного семинара «XX век как литературная эпоха» профессора М.М. Голубкова со своими учениками, и в этом главное своеобразие данной книги. На ее страницах творчество Ю.М. Полякова, представленное такими произведениями, как «Роман в эпоху перемен», «Козленок в молоке», «Грибной царь», «Гипсовый трубочка», «Веселая жизнь, или Секс в СССР», повестями и другими произведениями, анализируется в аспекте литературных связей, проблематики, поэтики. Книга обращена и к широкому читателю, так как затрагивает осмысление проблем исторического «сегодня».

Ключевые слова: Ю.М. Поляков, интертекст, контекст, литературная эпоха, читатель

К юбилею Юрия Поляков вышла книга с забавным интригующим читателя названием-подзаголовком – «приключения текста». Как верно подметил автор книги, иногда филологу хочется из «очкастого профессора» превратиться в аспиранта в футболке с теннисной ракеткой и попробовать филологически «поиграть» с текстами, избрав путь не герменевтического анализа, но свободного размышления над прочитанным, поговорить о том, что современный читатель видит в текстах Полякова, порассуждать над теми проблемами времени, которые нашли свое воплощение в произведениях. Действительно, перед нами не столько коллективная монография или сборник трудов, сколько неспешный разговор руководителя семинара филологического факультета МГУ «XX век как литературная эпоха» М.М. Голубкова со своими учениками. Профессор словно снял очки и взял теннисную ракетку: и такой подход можно лишь приветствовать. Установка на беседу задана са-

мой структурой книги: статьи авторов-учеников перемежаются вопросами и репликами М.М. Голубкова, которые не только раскрывают замысел книги, дополняя и корректируя сказанное участниками («Нармина, ну нельзя же так! Не только к этому сводилась сложная и противоречивая эпоха 90-х годов!» [1. С. 93]), но и придают особое обаяние монографии, создают атмосферу непринужденного разговора. Поэтому нелишним и вполне уместным будет включиться в общую беседу каждому заинтересованному читателю.

Хотя тон книги задает непринужденность беседы, разговор о Полякове, можно сказать, состоялся во всех смыслах, в том числе и в научном. Речь идет не только об анализе произведений, это и попытка показать своеобразие личности Юрия Полякова, который смог завоевать сердце преданного читателя именно потому, что говорил о самом насущном для человека эпохи постсоветского безвременья. «Не поддержкой литературной партии, направлений или журналов, не авторитетными именами литературно-критического цеха создана репутация Юрия Михайловича. Именно поддержке своего читателя Юрий Поляков обязан своим положением в литературе» [2. С. 251]. Такой опыт «самостояния» вызывает уважение к писателю, побуждает относиться с доверием к его творчеству, серьезно задуматься о проблемах времени.

«Монография» начинается главой о современном состоянии литературы, о предшественниках и современниках: А.И. Солженицыне, И. Дедкове, Ю.В. Трифонове, которые повлияли на становление Полякова как писателя, помогли «оттолкнуться» от оптики писателя-соцреалиста. Так, у Ю.В. Трифонова художник унаследовал внимание к категории времени, которую и сделал центральной в разговорах об «эпохе перемен». Вдумчивый читатель книг Ю. Полякова хотел сориентироваться в жизни, не удовлетворяясь ролью «офисного планктона» и не позволяя испытывать на себе все нескромные постмодернистские эксперименты времени, чреватые утратой чего-то важного в себе... Изучение характеров романов Полякова на семинаре М.М. Голубкова превращает участников, по определению профессора, в настоящих «ихтиологов» от филологии. У каждого из них формируется собственное исследование. Так, Н. Ибадова называет свой фрагмент «“Эрозия любви” в прозе Юрия Полякова 1990-х годов» [1]. Анализируя повесть Полякова «Небо падших», она показывает классический пример подмены настоящей любви пошлостью. Начатый разговор продолжает И. Ничипоров [3], анализирующий семейную тему не только комплексно, но и «изнутри», развязывая «узелки», завязанные несчастными влюбленными Ю. Полякова. Ну и конечно Гена Скорятин, главный герой романа «В эпоху перемен». Он также не оставлен вниманием большинства исследователей, например М. Бочкиной [4], И. Ничипорова [3] и др. И все же «ключ» к разгадке характеров подобран самим М.М. Голубковым, который прочитывает несостоявшееся счастье не только как результат слабоволия героя, но и как особенность сложного мироощущения человека в эпоху перемен. А разговор о романе «Веселая жизнь, или Секс в СССР» откладывается на следующий семинар, который многое обещает настоящему «ихтиологу» от литературы.

Анализ романа «Козленок в молоке» заставляет читателя погрузиться в диалог об «эрозии верховных ценностей» литературы, в размышления о культуре, социальной и политической жизни, творчестве. Об эрозии, затрагивающей все сферы человеческой жизни, и роман «Грибной царь». Где же найти выход из внутреннего тупика? На этот вопрос пытается ответить Д. Кротова в статье о романе «Гипсовый трубач» [5]. Ощущения кризиса эпохи не исключает поисков гармонии. Но как найти к ней пути? Автор «ученых записок» видит его во внимательном отношении личности к нашей тысячелетней национальной истории. Именно это поможет быть по-настоящему русским в любую «эпоху перемен».

Список литературы

- [1] *Ибадова Н.* «Эрозия любви» в прозе Юрия Полякова 1990-х годов // Голубков М.М. Юрий Поляков: контекст, подтекст, интертекст и другие приключения текста. Ученые (и не очень) записки одного семинара. М.: АСТ, 2020. С. 93–104.
- [2] *Голубков М.М.* Вместо заключения // Голубков М.М. Юрий Поляков: контекст, подтекст, интертекст и другие приключения текста. Ученые (и не очень) записки одного семинара. М.: АСТ, 2020. С. 250–252.
- [3] *Ничипоров И.Б.* «Мысль семейная» в романах Юрия Полякова // Голубков М.М. Юрий Поляков: контекст, подтекст, интертекст и другие приключения текста. Ученые (и не очень) записки одного семинара. М.: АСТ, 2020. С. 158–175.
- [4] *Бочкина М.В.* Константы художественного мира Юрия Полякова («Любовь в эпоху перемен») // Голубков М.М. Юрий Поляков: контекст, подтекст, интертекст и другие приключения текста. Ученые (и не очень) записки одного семинара. М.: АСТ, 2020. С. 175–218.
- [5] *Кротова Д.В.* Искусство и творчество как предмет художественного осмысления в романе Юрия Полякова «Гипсовый трубач» // Голубков М.М. Юрий Поляков: контекст, подтекст, интертекст и другие приключения текста. Ученые (и не очень) записки одного семинара. М.: АСТ, 2020. С. 141–158.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 марта 2020 г.

Дата принятия к печати: 10 апреля 2020 г.

Для цитирования:

Коршунова Е.А. Приключения филолога, или Несколько слов о книге Михаила Голубкова «Юрий Поляков: контекст, подтекст, интертекст и другие приключения текста. Ученые (и не очень) записки одного семинара». М.: АСТ, 2020. 256 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 374–378. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-374-378>

Сведения об авторе:

Коршунова Евгения Александровна, кандидат филологических наук, докторант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: zhenyakorshunova@gmail.com

**Adventures of a philologist,
or A few words about the book by Mikhail Golubkov
“Yuri Polyakov: context, subtext, intertext
and other adventures of the text. Scientific (and not so)
notes of one seminar”. Moscow: AST Publ., 2020. 256 p.**

Evgeniia A. Korshunova

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, bldg. 51, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract. The review analyzes the edition published to the anniversary of the Russian writer Yu.M. Polyakov. The collection with an interesting subtitle “Scientists (and not so) notes of one seminar” does not correspond to the canons of a collective monograph or a collection of scientific articles. It is built in the form of a dialogue between the head of the scientific seminar “The Twentieth Century as a Literary Epoch” Professor M.M. Golubkov and his students, this is the peculiarity of the book. On its pages, the work of Yu.M. Polyakov represented by the main works, such as “Novel in the Era of Change”, “Kid in Milk”, “Mushroom King”, “Plaster Trumpeter”, “Fun life, or Sex in the USSR”, stories, novels, and other works is analyzed in the aspect of literary relations, problems, and poetics. The book is also addressed to the general reader, as it touches upon the understanding of the problems of the historical “today”.

Keywords: Yu.M. Polyakov, intertext, context, literary era, reader

References

- [1] Ibadova, N. (2020). “Eroziya lyubvi” v proze Yuriya Polyakova 1990-h godov [“Erosion of love” in the prose of Yuri Polyakov of 1990-ies]. In M.M. Golubkov, *Yurij Polyakov: kontekst, podtekst, intertekst i drugie prikladyeniya teksta. Uchenye (i ne ochen') zapiski odnogo seminara* [Yuri Polyakov: context, subtext, intertext and other adventures of the text. Scientific (and not so) notes of one seminar] (pp. 93–104). Moscow, AST Publ.
- [2] Golubkov, M.M. (2020). Vmesto zaklyucheniya [Instead of a conclusion]. In M.M. Golubkov, *Yurij Polyakov: kontekst, podtekst, intertekst i drugie prikladyeniya teksta. Uchenye (i ne ochen') zapiski odnogo seminara* [Yuri Polyakov: context, subtext, intertext and other adventures of the text. Scientific (and not so) notes of one seminar] (pp. 250–252). Moscow, AST Publ.
- [3] Nichiporov, I.B. “Mysl' semejnaya” v romanah Yuriya Polyakova [“Family Thought” in the novels of Yuri Polyakov]. In M.M. Golubkov, *Yurij Polyakov: kontekst, podtekst, intertekst i drugie prikladyeniya teksta. Uchenye (i ne ochen') zapiski odnogo seminara* [Yuri Polyakov: context, subtext, intertext and other adventures of the text. Scientific (and not so) notes of one seminar] (pp. 158–175). Moscow, AST Publ.
- [4] Bochkina, M.V. (2020). Konstanty hudozhestvennogo mira Yuriya Polyakova (“Lyubov' v epohu peremen”) [Constants of the artistic world of Yuri Polyakov (“Love in a time of change”). In M.M. Golubkov, *Yurij Polyakov: kontekst, podtekst, intertekst i drugie prikladyeniya teksta. Uchenye (i ne ochen') zapiski odnogo seminara* [Yuri Polyakov: context, subtext, intertext and other adventures of the text. Scientific (and not so) notes of one seminar] (pp. 175–218). Moscow, AST Publ.
- [5] Krotova, D.V. (2020). Iskusstvo i tvorchestvo kak predmet hudozhestvennogo osmysleniya v romane Yuriya Polyakova “Gipsovyj trubach” [Art and creativity as a subject of ar-

tistic understanding in Yuri Polyakov's novel “Plaster trumpeter”]. In M.M. Golubkov, *Yurij Polyakov: kontekst, podtekst, intertekst i drugie prikladyucheniya teksta. Uchenye (i ne ochen') zapiski odnogo seminara* [Yuri Polyakov: context, subtext, intertext and other adventures of the text. Scientific (and not so) notes of one seminar] (pp. 141–158). Moscow, AST Publ.

Article history:

Received: 10 March 2020

Revised: 1 April 2020

Accepted: 10 April 2020

For citation:

Korshunova, E.A. (2020). Adventures of a philologist, or A few words about the book by Mikhail Golubkov “Yuri Polyakov: context, subtext, intertext and other adventures of the text. Scientific (and not so) notes of one seminar”. Moscow: AST Publ., 2020. 256 p. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 374–378. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-374-378>

Bio note:

Evgeniia A. Korshunova, Cand. Sci., Doctoral Candidate of the Department of History of Modern Russian Literature and Modern Literary Process of Lomonosov Moscow State University. E-mail: zhenyakorshunova@gmail.com

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-379-385
УДК 654.197

Обзорная статья

Перекрестный Год России и Японии в материалах СМИ

В.А. Славина, А. Токуяма

Московский педагогический государственный университет
Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, 16–18

Аннотация. Российско-японские отношения исторически неоднозначны. С одной стороны – территориальный спор по поводу Курильских островов. С другой стороны – осторожное отношение россиян к Японии как союзнику США. Недавно ситуация начала меняться, и повлиял на эти изменения проект «Перекрестный Год Японии в России и России в Японии» (2018–2019 гг.). Статья представляет собой обзор материалов российских и японских СМИ, посвященных мероприятиям этого международного проекта.

Ключевые слова: средства массовой информации, имидж страны, инфоповод, международные отношения

В течение последних двух лет, благодаря проекту «Перекрестный Год Японии в России и России в Японии», в российских и японских СМИ увеличилось количество оптимистичных новостей о двусторонних отношениях. Новые формы проведения мероприятий (всего их было более 700 с участием 1,6 млн человек) в сфере культуры, искусства, бизнеса, науки, образования и спорта получили отклик в средствах массовой информации обеих стран. Мы рассмотрим некоторые материалы информационных агентств. В качестве источников были использованы заметки, интервью и репортажи российских информагентств ТАСС, МИА «Россия сегодня» и японского информационного агентства «Киодо Цусин».

«Киодо Цусин» сегодня самое крупное японское информационное агентство. Работая с годовым бюджетом, формируемым из членских взносов и доходов от подписки, «Киодо» не зависит от коммерческих интересов. Агентство предлагает текстовые материалы, фото, аудио и видео 120 ключевым коммерческим вещателям по всей Японии. Помимо телевидения, новостные материалы «Киодо» размещаются в более чем 70 японских газетах.

В августе 2018 г. состоялись показательные выступления по ябусамэ (японская традиционная стрельба из лука на скаку), которые посетило более 10 тыс. человек. ТАСС опубликовало подробный анонс «Москвичи впервые увидят традиционное японское искусство стрельбы из лука на скаку» [1].

«Россия сегодня» сделала большой фоторепортаж о ябусамэ. А «Киодо» в статье «Дебют ябусамэ в России на ипподроме в Москве» отметило, что в России тоже существует традиционное исполнительское искусство с лошадьми – джигитовка. Здесь же комментарий инженера Алексея Корсакова, который приехал из Вологды в Москву на ночном поезде, чтобы посмотреть ябусамэ. Для японского информационного агентства, которое работает с медиакомпаниями и предпочитает короткий деловой формат, это необычный материал, поскольку не принято ссылаться на мнение обычного человека.

В сентябре 2018 г., спустя ровно 90 лет после первого выступления в СССР, в Москве, Санкт-Петербурге и Владивостоке прошли гастроли театра «Сётику Гранд Кабуки – Тикамацу-дза». ТАСС опубликовало об этом четыре материала. Агентство «Киодо» взяло интервью у актеров перед поездкой в Россию и выпустило статью о выступлениях во Владивостоке. Актер Накамура Гандзиро IV, который исполнил заглавные роли в двух спектаклях, дал большое интервью «РИА Новости» [2]. В ходе беседы Накамура подчеркнул глубокое понимание искусства российским зрителем:

«– Какой реакции вы ожидаете от российского зрителя, на какой отклик надеетесь?»

– Я волнуюсь. Ваш зритель очень глубок. И он сдержанный. Такому зрителю надо показывать лучшее, добротное, иначе все пропало.

– Вы имеете в виду, у зрителя глубокое восприятие?»

– Да. Глубокое. У вас же Чехов! Как же быть-то? Зрителю должно быть интересно и должно быть непонятно, как это сделано. Российский зритель привык к спектаклям, к хорошей драматургии. Он очень глубок. Если ему понравится спектакль Кабуки как драматическое произведение, для меня не может быть большей радости».

В интервью «Киодо» Накамура, впервые выступивший в России в 2003 г., отметил особенность российского зрителя: *«Я чувствовал, что русские люди очень заинтересованы и имеют глубокое понимание исполнительских искусств»* [3].

Кабуки – особое искусство. Согласно опросам, только 20 % японцев когда-либо посмотрели кабуки, и среди японцев мало кто может понять это искусство. На представления в России все билеты были проданы. Благодаря сообщениям СМИ, стал очевиден высокий уровень российского зрителя. Для японцев это стало удивительным открытием.

В Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина была проведена выставка «Шедевры живописи и гравюры эпохи Эдо», которая привлекла множество гостей. Чтобы попасть в музей, надо было отстоять длинную очередь или войти сразу, если посетитель придет в кимоно. Поэтому атмосфера музея была очень японской. За два месяца выставку посетили 127 тыс. человек.

Большая часть работ была привезена из Японии и показана в России впервые. Два произведения обладали статусом «национальное сокровище», девять имели статус «особо ценный объект культуры» и шесть – «особо цен-

ный предмет искусства». Японские специалисты были удивлены, что такая ценная коллекция была предоставлена России. Все основные японские СМИ цитировали руководителя Агентства по делам культуры Японии Рёхэй Мията. Накануне открытия выставки Мията признался, что невозможно посмотреть все эти работы одновременно в Японии и что он сам впервые посмотрел эти произведения так близко. Агентство ТАСС не только сделало несколько статей, связанных с выставкой, но и создало интерактивный интернет-проект «Анализируй Эдо» [4] (созвучно названию американского фильма «Анализируй это»).

Экспонирование было разделено на два этапа: живопись на бумаге и шелке требует строгих условий транспортировки, хранения и экспонирования. Согласно принятым в Японии стандартам, произведения такого рода не могут представляться в выставочных залах более четырех недель.

Выставка имела огромный успех. В мае 2019 г. директор Музея изобразительных искусств имени Пушкина М. Лошак была награждена в Японии орденом Восходящего солнца третьей степени с золотыми лучами и лентой. Куратор выставки «Шедевры живописи и гравюры эпохи Эдо» А. Юсупова также была награждена орденом Восходящего солнца пятой степени с золотыми и серебряными лучами.

Так совпало, что перекрестный Год России и Японии был годом проведения Чемпионата мира по футболу в России (ЧМ-2018). Это событие существенно изменило имидж России среди японцев. Они впервые узнали о безопасности ее городов, о гостеприимстве россиян. Щедрость России – бесплатные поезда для болельщиков – приятно удивили японцев. Большим событием стал приезд в Россию по случаю ЧМ-2018 принцессы Японии Хисако Такамадо. Это был первый визит члена японской императорской семьи в Россию более чем за сто лет. Последний раз члены японской императорской семьи были в России в 1916 г. во время Первой мировой войны. Принцесса посетила Россию как почетный председатель Японской ассоциации футбола.

Агентство «Р-Спорт» (МИА «Россия сегодня») собрало различные комментарии по поводу визита Хисако Такамадо. Например, сенатор, руководитель группы по сотрудничеству Совета Федерации с Палатой советников парламента Японии Виктор Озеров *«уверен, что визит принцессы Японии внесет свой вклад в укрепление международных отношений, особенно в свете объявленного перекрестного Года России в Японии и Японии в России. Ее приезд не только будет способствовать успешному выступлению сборной Японии, но и позволит принцессе лучше узнать Россию и внести вклад в укрепление российско-японских отношений»* [5].

Принцесса побывала в трех городах – Саранске, Казани и Екатеринбурге, посчитав, что эти визиты помогут японцам узнать и о других городах России, а не только о Москве и Санкт-Петербурге. В Саранске принцесса посетила местный исторический музей.

Людмилу Нарбекову, директора Мордовского республиканского музея изобразительных искусств имени Эрзи, восхитило отсутствие официоза в

общении с высокой гостьей: *«Вопреки моим опасениям, принцесса оказалась очень общительным и, если можно так сказать, европейским человеком – хоть она и монаршая особа, ей можно было пожать руку, свободно поговорить и сфотографироваться. Одета она была в европейский костюм, а еще на ней были сережки и кольцо в виде футбольных мячей. Так что стилистически принцесса была подготовлена к Чемпионату мира»* [6].

В Екатеринбурге Хисако Такамадо дала интервью «Киодо»: *«Я чувствую большое чувство ответственности, но я очень рада, что смогла приехать в Россию»* [7].

Другое интересное совпадение заключается в том, что зимние Олимпийские игры в Корее 2018 г. и перекрестный Год России и Японии пересеклись. Фигурное катание очень популярно в Японии, но можно сказать, что его популярность достигла пика в 2018 г. Помимо своих спортсменов, в Японии фанатично любят российских фигуристок Алину Загитову и Евгению Медведеву. Олимпиада, на которой Загитова и Медведева боролись за золотую медаль, вызвала восхищение у японцев.

После того как Загитова завоевала золотую медаль, ей подарили щенка породы акита-ину (японская собака) по кличке Масару (слово означает «победа»). Оказалось, Алина попросила родителей в случае победы на Олимпиаде разрешить ей завести собаку, именно акита-ину. «Киодо» передало новость: *«Акита-ину будет передана Загитовой, премьер-министр Абэ будет присутствовать на церемонии»* [8]. В статье японский политик Такаси Эндо, который возглавляет общество охраны собак акита-ину, комментирует: *«Мы же дарим подарок, а не премьер-министра. Если это представит премьер-министр, члены нашего общества будут недовольны. Дружба – это хорошо, но я хочу, чтобы премьер-министр сохранил умеренность»* [8].

Было очень важно, кто вручит подарок Загитовой. Это событие привлекло большое внимание, вызвало рост интереса к породе акита-ину в Японии. Позднее «Р-Спорт» написал: *«Загитова рассказала, что подаренная ей собака Масару японской породы акита-ину имеет уже больше черт русского характера, нежели японского»* [9].

В августе 2018 г. Загитова превратилась в волшебницу в японской рекламе мобильной игры *Magia Record*. Реклама получила популярность, новая версия появилась в январе 2019 г., уже с Загитовой и Медведевой [10]. Переход железнодорожной станции Синдзюку, где больше всего пассажиров в Токио, был заполнен рекламой двух российских фигуристок.

Таким образом, благодаря перекрестному Году и двум крупным международным спортивным событиям, публикации в СМИ Японии и России дали возможность аудитории, особенно японской, почувствовать себя ближе к России. В июне 2019 г. в Осаке на встрече лидеров двух стран было объявлено, что в 2020–2021 гг. будет проведен Год российско-японских межрегиональных обменов. Это станет новым информационный поводом для российских и японских СМИ.

Список литературы

- [1] Москвичи впервые увидят традиционное японское искусство стрельбы из лука на скаку // ТАСС. 2018. 6 августа. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5433331> (дата обращения: 10 февраля 2020 г.).
- [2] *Нака К.* Актер Кабуки: россияне привыкли к хорошим спектаклям, хочу их удивить // РИА Новости. 2018. 12 сентября. URL: <https://ria.ru/20180912/1528312054.html> (дата обращения: 15 февраля 2020 г.).
- [3] *Tomimaga T.* Kabuki actor Nakamura Shido looks to enthrall audiences in tech age // Kyodo News. 2019. July 31. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2019/07/02978fa6bcaf-feature-kabuki-actor-nakamura-shido-looks-to-enthrall-audiences-in-tech-age.html?phrase=Nakamura&words=Nakamura> (accessed: February 15, 2020).
- [4] Анализируй Эдо. URL: <https://edo.tass.ru/> (дата обращения: 14 февраля 2020 г.).
- [5] В Совфеде прокомментировали визит принцессы Японии в Россию // РИА Новости. 2018. 19 июня. URL: <https://ria.ru/20180619/1522996950.html> (дата обращения: 14 февраля 2020 г.).
- [6] Вдохновленные принцессой: Япония обыграла Колумбию на ЧМ-2018 // РИА Новости. 2018. 19 июня. URL: <https://rsport.ria.ru/20180619/1138245974.html> (дата обращения: 15 февраля 2020 г.).
- [7] Japan sends imperial family member to Russia for 1st visit in century // Kyodo News. 2018. June 18. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2018/06/74ec1e55f368-japan-sends-imperial-family-member-to-russia-for-1st-visit-in-century.html?phrase=takamado&words=Takamado> (accessed: February 14, 2020).
- [8] Olympic figure skating champion Zagitova receives Japanese puppy // Kyodo News. 2018. May 26. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2018/05/2ef0f85532f7-olympic-champion-figure-skater-zagitova-receives-japanese-puppy.html> (accessed: February 14, 2020).
- [9] *Самохвалов А.* Загитова о своей собаке: в ней уже больше русского характера, чем японского // РИА Новости. 2018. 17 ноября. URL: <https://rsport.ria.ru/20181117/1146152678.html> (дата обращения: 10 февраля 2020 г.).
- [10] Загитова и Медведева снялись в рекламе японской мобильной игры // Sports.ru. 2019. 18 января. URL: <https://www.sports.ru/figure-skating/1070692726.html> (дата обращения: 10 февраля 2020 г.).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 28 января 2020 г.

Дата принятия к печати: 9 апреля 2020 г.

Для цитирования:

Славина В.А., Токуяма А. Перекрестный Год России и Японии в материалах СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 379–385. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-379-385>

Сведения об авторах:

Славина Валентина Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики и медиакоммуникаций Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования Московского педагогического государственного университета. E-mail: vslavina@inbox.ru

Токуяма Асука, аспирант кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования Московского педагогического государственного университета. E-mail: Asuka_Tokuyama@gmail.com

The Cross Year of Russia and Japan in the media

Valentina A. Slavina, Asuka Tokuama

Moscow State Pedagogical University
16–18 Verkhnyaya Radishchevskaya St, Moscow, 109240, Russian Federation

Abstract. Russian-Japanese relations are historically ambiguous. Recently, the situation began to change and the Cross Year of Japan in Russia and Russia in Japan project (2018–2019) influenced these changes. The article is an overview of the materials of the Russian and Japanese media on the activities of this international project.

Keywords: mass media, image of the country, information guide, international relations

References

- [1] Moskvichi v pervye uvidyat tradicionnoe yaponskoe iskusstvo strel'by iz luka na skaku [Muscovites will see the traditional Japanese art of archery at a gallop for the first time]. (2018, August 6). *TASS*. Retrieved February 10, 2020 from <https://tass.ru/obschestvo/5433331>
- [2] Naka, K. (2018, September 12). Akter Kabuki: rossiyanе privykli k khoroshim spektaklyam, khochu ikh udivit' [Kabuki actor: Russians are used to good performances, I want to surprise them]. *RIA Novosti*. Retrieved February 15, 2020 from <https://ria.ru/20180912/1528312054.html>
- [3] Tominaga, T. (2019, July 31). Kabuki actor Nakamura Shido looks to enthrall audiences in tech age. *Kyodo News*. Retrieved February 15, 2020 from <https://english.kyodonews.net/news/2019/07/02978fa66caf-feature-kabuki-actor-nakamura-shido-looks-to-enthrall-audiences-in-tech-age.html?phrase=Nakamura&words=Nakamura>
- [4] Analizirui Edo [Analyze Edo]. (n.d.). Retrieved February 14, 2020 from <https://edo.tass.ru/>
- [5] V Sovfede prokomentirovali vizit printsessy Yaponii v Rossiyu [The Federation Council commented on the visit of the Princess of Japan to Russia]. (2018, June 19). *RIA Novosti*. Retrieved February 14, 2020 from <https://ria.ru/20180619/1522996950.html>
- [6] Vdokhnovlennye printsessoi: Yaponiya obygrala Kolumbiyu na ChM-2018 [Inspired by the Princess: Japan beat Colombia at the 2018 World Cup]. (2018, June 19). *RIA Novosti*. Retrieved February 15, 2020 from <https://rsport.ria.ru/20180619/1138245974.html>
- [7] Japan sends imperial family member to Russia for 1st visit in century. (2018, June 18). *Kyodo News*. Retrieved February 14, 2020 from <https://english.kyodonews.net/news/2018/06/74ec1e55f368-japan-sends-imperial-family-member-to-russia-for-1st-visit-in-century.html?phrase=takamado&words=Takamado>
- [8] Olympic figure skating champion Zagitova receives Japanese puppy. (2018, May 26). *Kyodo News*. Retrieved February 14, 2020 from <https://english.kyodonews.net/news/2018/05/2ef0f85532f7-olympic-champion-figure-skater-zagitova-receives-japanese-puppy.html>
- [9] Samokhvalov, A. (2018, November 17). Zagitova o svoei sobake: v nei uzhe bol'she russkogo kharaktera, chem yaponskogo [Zagitova about her dog: it has more Russian character than Japanese]. *RIA Novosti*. Retrieved February 10, 2020 from <https://rsport.ria.ru/20181117/1146152678.html>
- [10] Zagitova i Medvedeva snyalis' v reklame yaponskoi mobil'noi igry [Zagitova and Medvedeva starred in an ad for a Japanese mobile game]. (2019, January 18). *Sports.ru*. Retrieved February 10, 2020 from <https://www.sports.ru/figure-skating/1070692726.html>

Article history:

Received: 28 January 2020

Revised: 21 February 2020

Accepted: 9 April 2020

For citation:

Slavina, V.A., & Tokuyama, A. (2020). The Cross Year of Russia and Japan in the media. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 379–385. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-379-385>

Bio notes:

Valentina A. Slavina, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Journalism and Media Communications of the Institute of Journalism, Communications and Media Education of Moscow State Pedagogical University. E-mail: vslavina@inbox.ru

Asuka Tokuyama, Ph.D. student of the Department of Journalism and Media Communications of the Institute of Journalism, Communications and Media Education of Moscow State Pedagogical University. E-mail: Asuka_Tokuyama@gmail.com

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-386-391
УДК 001.89

Научный репортаж

Публикационная активность как показатель статуса ученого

Т.Ю. Чиненная, В.В. Чебаненко

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Аннотация. Научный семинар «Публикационная деятельность и российский индекс научного цитирования (РИНЦ)» провел в Российском университете дружбы народов Павел Геннадьевич Арефьев, руководитель аналитического отдела eLIBRARY.ru. Он рассказал о проблемах современной науки, мотивации ученых и о том, каким образом можно оптимизировать публикационные потоки при ориентации на количественные показатели. Спикер ответил на вопросы о наукометрических показателях и о системе РИНЦ – библиографической базе данных, которая содержит описание научных форм изданий, журналов, трудов конференций, монографий, диссертаций, патентов.

Ключевые слова: научная деятельность, публикационный поток, Российский индекс цитирования, Web of Science Core Collection, научный журнал, научная этика

Семинар, задуманный как информационно-проблемное выступление, превратился в интересную научную дискуссию. Лектор сразу обозначил главное противоречие современной науки, решительно не согласившись с утверждением о том, что науке нужны прежде всего показатели, а не научные статьи сами по себе. И если прежде мы считали, что эта установка характерна для представителей концепции New Public Management (наука как бизнес-проект) и предпочтительна только на Западе, то сегодня в России та же ситуация. Павел Арефьев выступил как менеджер – представитель компании, которая научные показатели как раз и делает явными: если статья опубликована в журнале, то с вероятностью до 99 % она окажется в научной электронной библиотеке и 99,7 %, что она попадет в Российский научный индекс цитирования, где ей и будут приписаны разные количественные значения. К примеру, сколько раз она была процитирована. Но позиция лектора была еще и позицией ученого, в своем выступлении он подчеркнул: «Не стоит *рисовать* публикации только для результативности, ведь это занятие неблагодарное и не принесет никакой пользы для науки».

Почему типовая структура публикационного потока в мире меняется? Главная причина связана с инвестиционной непривлекательностью классиче-

ской науки. Это и привело к перепозиционированию: научная деятельность стала рассматриваться как управляемая и измеряемая в рамках правил и регламентов New Public Management. Процитируем Арефьева: «Наука – это вещь очень сомнительная с точки зрения инвестирования, потому что большая наука требует огромных вложений, у которых начальный период – это не годы, не десятилетия, это декады или века. Продвинутых понимающих инвесторов немного, но они есть и всегда будут, например Илон Маск. Но большинство инвесторов смотрят на науку с точки зрения прагматики: сколько нужно вложить, сколько мы должны дать денег ученому, чтобы получился тот или иной программируемый результат. Вот для этого существует необходимость измерения труда ученого».

В концепции научной этики, которая была разработана в 1942 году американским социологом, основоположником социологии научного знания Робертом Мертоном, прагматический аспект отсутствует. Мертон выделил не утилитарные, а интеллектуальные ценности: наряду с принципами коллективизма, универсализма и скептицизма, отметил бескорыстность, означающую, что при опубликовании научных результатов исследователь не должен стремиться к получению какой-то личной выгоды, кроме удовлетворенности от решения проблемы. Арефьев подчеркнул: «Ученый – это по определению человек тщеславный, очень любопытный, увлекающийся, все остальные характеристики вне ученого. Если ученый пытается зарабатывать деньги, то лучше и честнее переходить в бизнес».

Типовая структура публикационного потока в настоящее время отражает конъюнктуру отчетности по результатам научной деятельности, а не систему научных коммуникаций. Люди науки вынуждены подстраиваться под отчетные показатели. Система управления наукой «вымывает» из системы научной коммуникации одни публикационные типы и влияет на рост других.

Во всем мире происходят изменения типовой структуры публикационного потока. Попробуем сравнить их с тем, что происходит в России. Например, в мире остается устойчивой доля статей как основного отчетного типа публикаций, но снижается доля докладов на конференциях. В России происходят другие изменения: доля статей снижается при явном росте докладов на конференциях, объяснение простое – публиковаться в журналах сложнее, нежели в трудах конференций. В мире снижается доля монографий и, соответственно, рецензий на книги, одновременно доля обзоров возрастает. В России процент монографий, рецензий и обзоров устойчиво низок. Почему? Обзоры трудно создавать, их сложнее опубликовать: не всегда хватает академических и исследовательских компетенций. В ходе обсуждения спикер отметил, что хороший обзор – это результат изучения 50–60 источников, а значит, времени потребуется в 3–4 раза больше, чем для написания исследовательской статьи. Но ведь если вы публикуете обзор, то у вас в 4–5 раз больше шансов получить ответную реакцию, цитируемость. Это происходит потому, что исследовательская статья рассчитана только на круг коллег, специалистов в конкретной области. А обзор вы пишете по состоянию вашей темы, к примеру об ее исследовательском уровне. Обзор уже сам по себе предполагает большую аудиторию – коллеги, специалисты, студенты, магистры, аспиранты.

В компании Clarivate Analytics существует инструмент – аналитическая выборка результатов, представленных в системе Web of Science Core Collection – огромной базе данных, журнальная часть которой примерно 20 тысяч наименований. Спикер обратил внимание аудитории на следующий факт: «Среди этих 20 тысяч приблизительно 380 российских изданий, а явно доминируют журналы англосаксонской системы, то есть американские и английские, но у нас очень популярен в академической среде тезис “вот вы знаете, Web of Science измеряет наши результаты”, а ведь там наших журналов, повторяю, из 20 тысяч всего 380. Американских же там примерно 4,5 тысячи, вот поэтому и есть разница». Арефьев был вполне категоричен: «Америка выше нас? Знаете, лозунг очень шаткий и разбивается одним движением руки». Если говорить о Китае, то у них есть журналы, которые представлены на этой же платформе, их 420. Россия в год производит приблизительно 70 тысяч публикаций, а Китай 510. Вот об этом надо задуматься, уповая на иностранную индексацию и преклоняясь перед ней. Россия находится на четырнадцатой позиции по гуманитарным знаниям, на двадцатом месте по социальным наукам. Нам не должны смущать низкие показатели по доле публикаций. Дело в том, что есть традиция потребления научного знания в тех или иных научных отраслях. Например, если статья по фармакологии опубликована в журнале в 2018 году, то в 2020 году ее еще будут читать, но уже через год перестанут и цитировать не будут, срок жизни такой статьи максимум 3 года. Срок жизни статьи, например, по физике – 5 лет, по математике – 7 лет, по экономике – 10 лет, по гуманитарным наукам – 20 с лишним лет.

Поднимая вопрос о способах фиксации научного результата, Павел Арефьев выделил всеобщую привычку говорить о том, что в любой науке за основу берется некая константа, которая говорит о результате научной деятельности публичной публикации. «По правде говоря, это не совсем верно, потому что научный результат очень сильно зависит от того, в какой научный день, в какой научной области мы этот результат смотрим. Например, возьмем физико-химические и биологические науки, у них самый главный результат – статья в научном журнале. Их меньше интересуют конференции, их меньше интересуют монографии, их интересуют именно статьи в научных журналах. Потому что основная форма коммуникации (воспроизведение знания и саморепрезентация) – это научная статья для биологов, для физиков, для медиков, химиков. Это для них инструмент, связанный с измерением результативности научной деятельности и ее эффективностью, с обработкой данных в научных журналах, которые были ориентированы на отображение результатов в области естественных наук», – отметил выступающий.

Спикер подчеркнул, что существует проблема, с которой сталкивается любой ученый, работающий в сфере гуманитарных или социальных наук. Научные журналы общего профиля склонны обращать больше внимания на исследования в сфере прикладных наук, поскольку в социальных и гуманитарных знаниях практически нет эксперимента. В связи с этим происходит сегментация научных журналов, ведь результат научного знания разнится в зависимости от сегмента.

Сегодня каждая научная статья имеет универсальным идентификатор-паспорт – DOI, что снижает риск плагиата. В рамках борьбы с плагиатом воз-

никло еще одно требование: список источников должен быть переведен и транслитерирован на английский язык. Благодаря этому нововведению научная статья быстрее становится известной среди научной публики, демонстрирует компетентность и уровень знаний автора.

Меняются и требования для издателей научных журналов. Возникли различные контролирующие органы, которые следят за соблюдением авторских прав ученых, составляют рейтинги изданий, обеспечивают прозрачность. Примечательно, что статус журнала, в свою очередь, зависит от различных требований к уровню публикации. Например, выделяют такие базы данных научных журналов, как РИНЦ или его международный вариант Russian Science Citation Index, Web of Science или Scopus. Библиографические базы содержат описание и характеристику журналов, а также опубликованных в них статей, либо диссертаций, монографий и патентов.

С одной стороны, такие базы данных помогают бороться с плагиатом и способствуют увеличению уникальных исследований. Но, с другой стороны, зависимость от рейтингов и квартилей научных журналов заставляет современную науку стремиться к формальным показателям. Автор может проигрывать в числе научных публикаций, при этом его труд останется фундаментальным и значимым. Однако между результатами и показателями научной деятельности все чаще выбирают второе.

Еще одна проблема, с которой сталкиваются преимущественно молодые ученые, – банальный дефицит знаний и навыков, как правильно написать статью для зарубежного научного издания, чтобы ее сразу опубликовали. Российский стиль научных публикаций существенно отличается от западного, отечественным ученым необходимо подстраиваться под требования зарубежных журналов, чтобы добиться признания не только на родине, но и за рубежом.

Для повышения компетенций и навыков молодых ученых в России сегодня проводятся тренинги и мастер-классы, объясняющие базовые принципы оформления публикаций для зарубежных изданий. Хотя тут важно знание иностранных языков, прежде всего английского, умение не переводить, а сразу писать на иностранном языке.

Подводя итог семинара, лектор ответил на вопрос, почему возник кризис в научной деятельности. По мнению Арефьева, связано это с тем, что наука до 1990-х годов XX века развивалась в условиях достаточно благоприятных, в научные изыскания вкладывались деньги, были инвесторы. При этом уже тогда в некоторых развитых странах крупнейшим инвестором выступало не государство, а корпоративный сектор. Но в большинстве стран в качестве основного инвестора научной деятельности доминировало и доминирует государство. И поэтому государство считает: раз оно является основным инвестором, то может устанавливать свои правила игры. Впрочем, если это корпоративный сектор, то действия приблизительно такие же. Если говорить с точки зрения менеджмента, то наука – это бизнес-проект, и поэтому возникает противоречие: нужны результаты, а не публикации. Наука сегодня перестала быть креативной деятельностью, хотя на самом деле она призвана быть таковой, она по своей сути ближе всего к искусству. Но надо помнить, что здесь важно и мастерство, и ремесленничество, потому что без упорного труда ничего

не выйдет. Необходимо совершенствовать методы, применяемые для оценки эффективности в науке. Эти методы должны учитывать весь процесс научной деятельности, а не только публикационные показатели.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 24 февраля 2020 г.

Дата принятия к печати: 26 марта 2020 г.

Для цитирования:

Чиненная Т.Ю., Чебаненко В.В. Публикационная активность как показатель статуса ученого // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 386–391. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-386-391>

Сведения об авторах:

Чиненная Тамара Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: t.chinennaya@mail.ru

Чебаненко Виктор Викторович, аспирант кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: v.v.chebanenko@gmail.com

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-386-391

Scientific report

Publication activity as an indicator of scientific status

Tamara Yu. Chinennaya, Victor V. Chebanenko

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
10 Miklukho-Maklaya St, bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. The scientific seminar “Publication Activities and the Russian Science Citation Index (RSCI)” was held at the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) by Pavel Arefyev, head of the eLIBRARY.ru analytical department. He spoke about the problems of modern science, the motivation of scientists and how to optimize publication flows when focusing on quantitative indicators. The speaker answered questions about scientometric indicators and about the RSCI system – a bibliographic database that contains a description of scientific forms of publications, journals, proceedings of conferences, monographs, dissertations, patents.

Keywords: scientific activity, publication stream, Russian Citation Index, Web of Science Core Collection, scientific journal, scientific ethics

Article history:

Received: 29 February 2020

Revised: 10 March 2020

Accepted: 26 March 2020

For citation:

Chinennaya, T.Yu., & Chebanenko, V.V. (2020). Publication activity as an indicator of scientific status. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 386–391. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-386-391>

Bio notes:

Tamara Yu. Chinennaya, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Mass Communications of Faculty of Philology of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: t.chinennaya@mail.ru

Victor V. Chebanenko, Ph.D. student of the Department of Mass Communications of Faculty of Philology of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: v.v.chebanenko@gmail.com

Бланк заказа периодических изданий

АБОНЕМЕНТна газету
журнал

36435

(индекс издания)

Вестник РУДН.

Серия: Литературоведение.

Журналистика

(наименование издания)

Количество
комплектов

На 2020 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Линия отреза

ДОСТАВОЧНАЯ

36435

ПВ место литер

КАРТОЧКА

(индекс издания)

на газету
журналВестник РУДН. Серия:
Литературоведение. Журналистика
(наименование издания)

Стои- мость	подписки	руб.	Количество комплектов
	каталожная	руб.	
	пере- адресовки	руб.	

На 2020 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

--	--	--	--	--	--	--	--	--	--

город

село

почтовый индекс

область

район

код улицы

улица

дом

корпус

квартира

фамилия, инициалы